

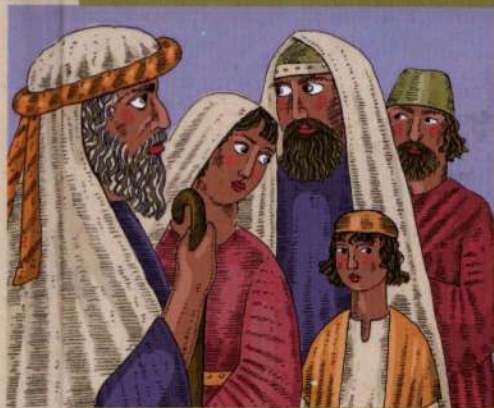
история / география / этнография

Прогулки с Библией

Рафаил Нудельман

Прогулки с Библией

Ломоносовъ
Издательский

Рафаил Нудельман

Прогулки с Библией

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2014

УДК 94(569.4)
ББК 63.3(0)32
Н87

*Левый
Витавулс & Кати*

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тиболовой

ISBN 978-5-91678-211-0

© Рафаил Нудельман, 2014
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2014

Часть первая Загадки великого текста

Глава первая Кто написал Пятикнижие?

Еврейская традиция утверждает, что все пять книг Пятикнижия (оно называется у евреев Тора) были получены Моисеем на горе Синай от Господа Бога. Однако эти книги (а также весь библейский текст в целом) содержат столь большое число противоречий, разночтений и несогласований, что становится попросту невозможным приписать их авторство одному автору, даже божественному. Кто же тогда создал Библию?

Попробуем рассказать, последовательно и связно, как отвечает на этот вопрос современная наука. Оговоримся, однако, сразу: речь пойдет не о привычной в христианском мире Библии, состоящей из двух частей — Ветхого и Нового Заветов, но о той только великой книге, которую христиане называют «Ветхим (то есть Старым) Заветом», а евреи называют ТАНАХОМ (сюда входят «Тора», или «Закон», «Невиим», или «Пророки», и «Ктувим», или «Писания»). «Библией» (или «Книгами») ее впервые назвали эллинизированные ев-

реи диаспоры в начале новой эры (прямо переводя на греческий раннееврейское название «а-сфарим», предшествовавшее слову «ТАНАХ»). Под этим названием она и вошла в европейскую культуру.

Роль Библии в этой культуре огромна. По существу, Библия заложила нравственные и социальные основы этой культуры. Не случайно европейскую цивилизацию называют иудеохристианской. А поскольку европейская цивилизация оказала столь же огромное влияние на историю мира, то Библия стала книгой поистине мирового значения. Из нее выросло христианство. Из нее вырос ислам. Библия до сих пор остается самой читаемой книгой в мире и неизменно занимает первое место в списках бестселлеров. Но отношение к ней различных людей далеко не одинаково. Одни понимают ее буквально, другие аллегорически, третьи историко-культурно или нравственно. Одни считают ее Боговдохновенной, другие видят в ней человеческое творение. Одни живут по ее законам, другие изучают ее методами науки. Впрочем, последнее противопоставление не означает противоречия. Научное изучение Библии не направлено на подрыв веры. Оно не имеет целью доказательство существования или несуществования Бога. Оно не нацелено на разжигание конфликта между религией и наукой или между верующими и неверующими людьми.

Разумеется, как среди верующих, так и среди неверующих есть зашоренные люди, готовые крикливо навязывать другим свои крайние религиозные или атеистические взгляды. Спорить с такими людьми бесполезно. Они сами своими неумными нападкамии провоцируют и разжигают тот конфликт, против которого на словах выступают. У всякого серьезного верующего или атеиста знакомство с историей научного изучения Библии и достигнутыми на этом пути результатами вызывает лишь еще большее уважение к этой великой Книге. Оно углубляет понимание ее исторических и нравственных уроков. Оно является источником житейской мудрости и жизненной стойкости. Не случайно у истоков научного изучения Библии стояли верующие люди, в том числе и евреи; да и сегодня многие, едва ли не большинство исследователей Библии являются представителями религиозных кругов.

Эти занятия столь же мало подрывают их веру, сколь увлеченные и эффективные занятия наукой вообще — веру тех тысяч и тысяч современных ученых, которые остаются глубоко религиозными людьми. Со своей стороны ни один серьезный ученый-атеист никогда не опускался до вульгарного «ниспровержения» великих религиозных идей, пронизывавших и определявших всю человеческую историю. Скорее, наоборот: все они несли в душе и вдохновлялись своим, экзистенциальным эквивалентом таких идей.

Будем надеяться, что все сказанное выше сразу же очертит наш подход к намеченной теме.

Научное изучение Библии (или, как его еще условно называют, «библейская критика») представляет собой, по существу, попытку ответить на один-единственный вопрос: кто написал Библию? В этом плане перед нами не что иное, как научный детектив, столь часто встречающийся в любых рассказах о науке. Как и всякий детектив, он начинается с загадок. Люди, внимательно читавшие Библию, не могли не заметить, что в ней встречаются многочисленные противоречия. Так, в рассказе о сотворении мира один раз (Бытие 1:20–27; здесь и в дальнейшем мы будем цитировать русский перевод, сверяя его с ивритским текстом) говорится, что Бог сначала создал всех пресмыкающихся, животных и птиц, а затем человека — мужчину и женщину; а несколько ниже (Бытие 2:7; 2:18–22) утверждается, что Он сначала создал мужчину, затем всех животных и птиц и лишь после этого женщину. В рассказе о потопе сначала говорится (Бытие 6:19), что Господь повелел Ною ввести в ковчег по паре из всех животных, а потом (Бытие 7:2–3) сообщается, что «чистых» (то есть пригодных для жертвы) животных и птиц велено взять по семи. И даже о Самом Себе Господь (если считать Его первовдохновителем библейского текста) говорит на удивление противоречиво: в Книге Бытия (4:26) Он сообщает, что Его имя начали призывать (то есть произносить) уже в древнейшие времена, после рождения Адамова внука; а в Книге Исхода (6:3) рассказывает Моисею, что это же Свое имя Он не открыл даже Аврааму, Исааку и Иакову.

Таких примеров можно привести множество. Верующие люди, читавшие эту книгу на протяжении столетий, не мог-

ли не задумываться над ними. Традиция учила их, что первые пять книг ТАНАХа, или Тора, были написаны Моисеем. Но читавшие не могли не видеть противоречий между этим утверждением и самим текстом. В тексте упоминаются многие события, о которых Моисей знать не мог. Рассказывается, например, о смерти Моисея. Говорится, что Моисей был самым скромным человеком на Земле. Трудно думать, что самый скромный человек на Земле станет говорить о себе, что он — самый скромный человек на Земле. И так далее. Все это порождало законные недоумения. Мы знаем, что такие недоумения высказывались очень часто, — хотя бы потому, что уже в III веке новой эры христианский богослов Ориген написал специальный трактат, направленный против тех, кто сомневался в Моисеевом авторстве. Он предложил разъяснения некоторых противоречий. Аналогичные разъяснения предлагали раввины. Они утверждали, что противоречия являются мнимыми и могут быть сняты с помощью дополнительных комментариев и интерпретаций. В частности, упоминание событий, о которых Моисей якобы не мог знать, объясняется тем, что Моисей был пророк, а текст Торы был продиктован ему Богом. В подобных интерпретациях особенно были искусны великие еврейские комментаторы Раши и Нахманид. (Много позже Бабель с любовной иронией спародировал этот метод интерпретации в одном из своих «Одесских рассказов»: «Ночью... — читал Арье-Лейб. — Что говорит нам Раши? Раши говорит нам: ночью — это ночью и днем».)

Были, однако, люди, которых не удовлетворяли такие способы решения загадок библейского текста. Принимая в целом авторство Моисея, они высказывали предположения, что в отдельных местах Моисеев текст мог быть дополнен теми или иными фразами, вставленными более поздними переписчиками. Первым из известных нам людей такого рода был еврейский врач Ицхак Ибн Яхуш, живший в XI веке при дворе одного из мусульманских правителей Испании. Он обратил внимание на то, что в Книге Бытия (36:31–39) перечисляются цари Едома (он же Идумея, *ивр.* Едом), жившие намного позже смерти Моисея. Неизвестно, почему его смущало именно это противоречие, но он высказал мысль, что

данный перечень является более поздней вставкой. За это он был назван Ицхаком-путаником. Назвал его так Авраам Ибн Эзра, испанский раввин XII века. Он даже добавил, что книга Ибн Яхуша «заслуживает сожжения». Но тот же Ибн Эзра в своих собственных сочинениях намекнул, что в ТАНАХе имеются фразы, которые никак не могли принадлежать Моисею: упоминания о Моисее в третьем лице; описание мест, где он никогда не бывал, и событий, которые случились после его смерти, и так далее. Ибн Эзра, однако, был осторожнее Ибн Яхуша. Он просто написал: «Тот, кто понимает, будет хранить молчание».

В XIV веке ученый из Дамаска Бонфилс впервые высказал вслух дерзкое предположение, призванное разъяснить все упомянутые загадки: «Они являются свидетельством того, что эти фразы вписаны в Тору позже и не Моисеем; скорее их вписал какой-то более поздний пророк». В XV веке епископ Тостатус, развивая эту мысль, предположил, что этим более поздним автором был Иисус Навин, преемник Моисея и первый еврейский завоеватель Ханаана. Но столетием позже немецкий ученый Карлштадт обратил внимание на то, что описание Моисеевой смерти излагается точно в том же стиле и тем же языком, что и весь остальной текст. А это делало затруднительным приписать «добавки» кому-либо другому. Его современник, фламандский католик Андреас ван Маес, и два иезуита, Перейра и Бонфрер, попытались преодолеть эту трудность, выдвинув гипотезу, что Моисею принадлежал только исходный текст Торы, а до нас дошел текст, слегка измененный какими-то более поздними «редакторами», которые своими вставками и исправлениями пытались сделать его более понятным читателям. Книги этих авторов были немедленно запрещены католической цензурой.

На третьем этапе этой истории — в XVII веке — английский философ Томас Гоббс выдвинул еще более радикальное предположение: основная часть текста Торы вообще не принадлежит Моисею. Гоббс собрал множество аргументов в пользу этого своего тезиса и изложил их в специальной книге, которая получила широкую известность среди читателей. Одновременно аналогичный тезис выдвинул и французский протестант Перьер. Ему повезло меньше, чем Гоб-

бсу, — его книга была конфискована и сожжена, а сам он был арестован и купил свободу только ценой отречения от своих слов и перехода в католицизм. Но вскоре к мнению Гоббса и Перьера присоединился также Спиноза. Мало того что он систематизировал все противоречия, найденные в библейском тексте его предшественниками, — он добавил к ним новые наблюдения. Он, например, обратил внимание на фразу (Второзаконие, 34:10): «И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей», — которая явно была написана кем-то жившим через много лет или даже столетий после Моисея. Как известно, Спиноза был отлучен от иудаизма, а его книги были осуждены не только еврейскими раввинами, но также католиками и протестантами. Но главную мысль Спинозы они не могли, конечно, заглушить. Мысль эта состояла в том, что все вышеуказанные логические и композиционные несообразности в Торе представляют собой не изолированные, худо-бедно объяснимые противоречия, а систематическую особенность всего текста. Исходя из этого, Спиноза предположил, что текст этот принадлежит не Моисею, а более поздним авторам, которые имели в своем распоряжении несколько старинных источников.

Эта идея получила дальнейшее развитие у трех авторов следующего века — немецкого священника Виттера, французского врача Астриюка и немецкого историка Эйхгорна. Они сосредотачивались главным образом на анализе так называемых библейских дублетов. Под таким названием среди специалистов известны те места Торы, которые повторяются в ней дважды. Таких эпизодов особенно много в ее первых книгах. Процесс сотворения мира, история потопа, заключение Богом завета с Авраамом, объяснение имени Исаака, объявление Авраамом своей жены Сары сестрой, путешествие Иакова в Месопотамию, откровение Иакову возле Вефилы (*ивр.* Бейт-Эль) и изменение его имени на Израиль, эпизод высекания Моисеем воды из скалы — все это и многое другое излагается в Торе в двух версиях, детали которых зачастую противоречат друг другу. Богословы — раввины и священники — не могли пройти мимо этих противоречий. Поэтому они объявили их мнимыми. Две версии дублета, разъясняли они,

не противоречат, а дополняют друг друга и тем самым преподносят верующему более глубокий урок.

Исследователи Библии не были удовлетворены этими разъяснениями. Они обратили внимание на странную закономерность. В большинстве дублетов различия между составляющими их версиями весьма устойчивы. Говоря о Боге, одна версия всегда использует слово «Элоим», другая всегда пользуется обозначением «Яхве»*. Вспомним, например, рассказ о потопе. В шестой главе Книги Бытия пятый стих открывается словами: «И увидел Яхве...» Шестой: «И раскаялся Яхве». Седьмой: «И сказал Яхве...» Восьмой заканчивается словами: «Перед очами Яхве». Но в стихе девятом уже говорится, что «...Ной ходил перед Элоимом». Этот стих открывает длинный ряд других, до самого конца главы, в которых Бог именуется исключительно словом «Элоим». В них подробно излагается, какой ковчег «Элоим» повелел Ною построить и каких тварей в него взять: «...от всякой плоти по паре». После чего «сделал Ной все, как повелел ему Элоим». Однако следующая глава немедленно открывается повторением:

«И сказал Яхве (!) Ною... всякого скота чистого (то есть пригодного для жертвы. — *Р. Н.*) возьми по семи (!) пар...» Этот повтор продолжается вплоть до пятого стиха, где снова говорится, что «...сделал Ной все, что Яхве повелел ему», — после чего начинается отрывок, в котором Бог опять именуется словом «Элоим». Такие отрывки, повторяющие друг друга в разных выражениях и с разным наименованием Бога, чередуются вплоть до конца рассказа.

Примем как гипотезу, что история потопа — это искусная комбинация двух различных рассказов. Продолжается

* Оговорю, во избежание недоумений, что в тексте русского канонического — так называемого синодального — перевода Библии эти различия стерты — в этом переводе еврейские «Яхве» и «Элоим» переводятся самыми разными окольными выражениями, вроде «Бог», «Господь», «Владыка», «Господь Бог» и т. д. Поэтому следует иметь в виду, что все рассуждения библиеведов, о которых у нас пойдет речь в дальнейшем, опираются на оригинальный ивритский текст Пятикнижия.

ли каждый из них также и в последующем тексте? Оказывается, да. Если продолжить сопоставление дублетов, то нетрудно заметить, что почти все они содержат те же две версии, четко различающиеся наименованиями Бога. И вот что интересно: если собрать по порядку все те куски текста, в которых Бог именуется «Яхве», то образуется вполне связный рассказ, повествующий о событиях от сотворения мира до исхода из Египта. А если собрать все куски, в которых Бог именуется «Элоим», получится другой связный рассказ, повествующий о тех же (!) событиях — от сотворения мира до исхода из Египта, — но уже по-своему, со своей стилистикой и своими особыми приметами. Эти различия не сводятся только к разным наименованиям Бога. Оба рассказа отличаются и другими устойчивыми различиями. В одном коренные жители Ханаана всегда называются аморитами, в другом — хананеями. Один всегда именуется пустыню, в которой евреи скитались после исхода из Египта, Хоревской, другой — Синайской. В одном имя Моисеева тестя — Иофор, в другом — Рагуил. И так далее.

Заслуга Витгера, Астриюка и Эйхгорна состояла в том, что они первыми заметили этот удивительный факт. Независимо друг от друга они выдвинули гипотезу, что по крайней мере первые две книги Пятикнижия являются контаминацией двух разных древних источников. В соответствии с разным наименованием Бога в этих источниках первый из них получил название Яхвист, а второй — Элоист. Для краткости их часто обозначают первыми буквами соответствующих слов — J и E. Их различие состоит не только в разных наименованиях Бога и других деталях. Как уже сказано, они отличаются и чисто литературно. Яхвист намного более талантливый писатель, чем Элоист. Вот как характеризует его современный историк Драйвер: «Яхвист рассказывает свою историю, удивительно точно взвешивая необходимое количество деталей; его рассказ никогда не бывает затянут и всегда держит читателя в напряжении до самого конца. Он пишет легко, без усилий, избегая вычурных красот. Элоист, рассказывающий, по существу, те же истории, обнаруживает куда меньшую литературную искусственность». Вы можете сами оценить справедливость этой характеристики, перечитав, например, рас-

сказ Яхвиста о сотворении мира и человека. Он начинается со второй половины четвертого стиха 5-й главы Книги Бытия («В то время, когда Яхве создал небо и землю...») и кончается 25-м стихом той же главы («И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились»).

Совершенно иначе, суше и пространней, повествует о том же вся 1-я глава той же книги и три первых стиха главы 2. Забавно, что на переходе между этими двумя рассказами обнаруживается своеобразная «связка», призванная как-то замаскировать повтор (начало четвертого стиха: «Вот происхождения неба и земли, при сотворении их»). Она явно принадлежит тому человеку, который «сшивал» оба повествования воедино. Современные специалисты условно называют его Редактором (хотя в этой роли могли, конечно, выступать несколько людей). Редактор был, несомненно, выдающимся специалистом своего дела — его сшивки и вставки с первого взгляда почти незаметны, их обнаружение требует кропотливой работы. Занимаясь ею, исследователи библейского текста вскоре обнаружили еще одну странную особенность. Выделив рассказ Е, они обнаружили, что внутри него имеются свои дублиеты! Текст Элоиста оказался, в свою очередь, распадающимся на два различных текста! Редактор (или редакторы) явно дополнил рассказ Е вставками из какого-то третьего источника. Этот неизвестный источник был выявлен прежде всего по его особому содержанию. Хотя автор этого источника тоже именует Бога неизменным словом «Элоим», но его текст отличается от текста Элоиста резко повышенным интересом к наставлениям, заповедям, религиозным предписаниям и деталям священнической службы. Эти вопросы он излагает с большой подробностью и какой-то поистине «канцелярской» сухостью. Создается впечатление, что этот автор был священником. Исследователи, обнаружившие этот третий источник, назвали его поэтому «жреческим», сокращенно Р — от английского слова priest (жрец, священник).

Последующий анализ показал, что Жрецу принадлежит весьма значительная часть того, что раньше считалось принадлежащим Элоисту, а в сумме, по всем четырем первым книгам Торы, — самый большой объем их текста, превосходящий источники J и собственно Е, вместе взятые. Особенно

велика доля Р в третьей и четвертой книгах — Левит и Числа. Но источник Р обширно представлен также и в первых двух книгах — Бытие и Исход. Здесь ему принадлежат прежде всего генеалогии Адама, Ноя, Авраама и так далее. Эти генеалогии Жрец неизменно начинает излюбленным оборотом: «Эле толдот...» («Вот родословие...»). У него есть и другие излюбленные словосочетания и целые фразы. Он, например, предпочитает пользоваться словом «ани» («я») вместо «анохи», которым пользуется источник Е. Если Элоист называет Месопотамию Арам-Нагараим, то Жрец именует ее Падан-Арам. Ему же принадлежит знаменитое наставление: «Пру урву» («Плодитесь и размножайтесь»). Тот рассказ о сотворении мира и человека, который занимает всю первую и три начальных стиха второй главы Книги Бытия, тоже взят из источника Р (а не Е, как думали раньше). Это довольно суховатый рассказ, в котором Бог сначала создает животных, а потом людей — мужчину и женщину одновременно. У Яхвиста это излагается куда ярче и увлекательней: сначала Бог создает Адама, потом решает, что «нехорошо человеку быть одному», и пытается дать ему «помощника, соответственного ему», создает для этого животных, видит, что «для человека не нашлось помощника, подобного ему», и только тогда решает создать Еву из Адамова ребра. Редактор почему-то предпочел в данном случае просто изложить оба рассказа по отдельности, соединив их лишь упомянутой выше короткой связкой. В других случаях он обычно «прославляет» один рассказ кусками второго или третьего. Замечательный пример этого редакторского искусства дает история потопа.

Эта история изложена в Книге Бытия, от пятого стиха 6-й главы до двадцать второго стиха 8-й. Она скомбинирована из двух источников. Мы приведем ее здесь частично. Текст одного источника будет приведен без всяких помет, текст другого будет дан в отдельных абзацах и отмечен скобками. Итак:

«И увидел Яхве, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время. И раскаялся Яхве, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем. И сказал Яхве: истреблю с лица Земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов,

и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их. Ной же обрел благодать перед очами Яхве.

(Вот родословие Ноя: Ной был человек праведный и непорочный в роде своем:

Ной ходил перед Элоимом. Ной родил трех сынов: Сима, Хама и Йафета. Но земля растлилась перед лицом Элоима, и наполнилась земля злодеяниями. И воззрел Элоим на землю... и сказал Элоим Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли. Сделай себе ковчег... и введи также в ковчег из всякого скота... по паре... И сделал Ной все; как повелел ему Элоим, так он и сделал.)

И сказал Яхве Ною: войди ты и все семейство твое в ковчег, ибо тебя Я увидел праведным предо Мною в роде сем. И всякого скота чистого возьми по семи пар... а из скота нечистого по две... Ной сделал все, что Яхве повелел ему.

(Ной же был шестисот лет, как потоп водный пришел на землю.)

И вошел Ной, и сыновья его, и жена его, и жены сынов их в ковчег от вод потопа.

(И из птиц чистых и из птиц нечистых, и из скотов чистых, и из скотов нечистых, и из всех пресмыкающихся на земле по паре, мужского пола и женского, вошли к Ною в ковчег, как Элоим повелел Ною.)

Через семь дней воды потопа пришли на землю.

(В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день, разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились),

и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей.

(В сей самый день вошел в ковчег Ной, и Сим, Хам и Йафет, сыновья Ноевы, и жена Ноева, и три жены сынов его с ними... и все звери земли по роду их... И затворил Элоим за ним ковчег.)

И продолжалось на земле наводнение сорок дней и сорок ночей...

(...Вода же усиливалась на земле сто пятьдесят дней.)»

Думается, что и приведенного отрывка достаточно, чтобы сложить из двух его версий два отчетливо разных рассказа, каждый со своими подробностями, своими стилевыми

особенностями и даже своей хронологией. Как читатель уже, наверное, догадался, первый рассказ принадлежит Яхвисту, второй — Жрецу. Эти два источника чередуются в Книге Бытия и дальше. Собственно Элоист впервые появляется в ней только начиная с 20-й главы.

Но сложности библейского текста не исчерпываются одним лишь наличием и взаимным проникновением этих трех источников. В середине XIX века немецкий ученый де Ветте опубликовал работу, в которой излагалась еще более революционная гипотеза. Детально изучив текстовые и лингвистические особенности пятой книги Торы, Второзакония, он пришел к выводу, что она резко отличается от первых четырех. В ней почти нет следов трех древнейших источников — J, E и P, если не считать нескольких фраз в последних главах. Она написана совершенно иным языком. Ее лексика специфична. Ее автор пользуется иными излюбленными оборотами и повторяющимися фразами. Он заново рассказывает многие эпизоды, уже рассказанные в первых четырех книгах. С другой стороны, он во многом противоречит этим книгам. Даже некоторые формулировки Десяти заповедей у него иные. Де Ветте выдвинул гипотезу, что Второзаконие представляет собой совершенно отдельный — четвертый — источник Торы. Он обозначил его буквой D (от Deuteronomion — названия книги в греческой Библии, что и означает «Второзаконие»).

Итак, у Торы оказался не один автор, а целых четыре!

Ее первые четыре книги представляют собой переплетение рассказов трех авторов — Яхвиста (J), Элоиста (E) и Жреца (P). Ее последняя, пятая книга — Второзаконие — написана четвертым автором (который условно обозначается буквой D). Все эти источники были объединены и связаны друг с другом неким Редактором или несколькими редакторами, жившими намного позднее. Это утверждение, конечно, не является абсолютной истиной. Это всего лишь научная гипотеза. Но она основывается на множестве конкретных фактов и объясняет многие особенности текста ТАНАХа. Для того чтобы ее опровергнуть, нужно предложить другую гипотезу, которая согласовывалась бы с теми же фактами, но давала им другое объяснение. Пока что такую альтернативу

не предложил никто. Исследователи, выступающие против «гипотезы четырех источников» (например, Кассуто или Кауфман), оспаривают ее отдельные положения, но не сам факт наличия в Торе нескольких различных рассказов.

Однако гипотеза четырех источников далеко не исчерпывает всех проблем происхождения Торы. Она не отвечает на важнейшие вопросы: кто был автором каждого из этих источников и когда они были написаны? Подчеркнем это слово — «написаны». Многие величайшие произведения древности имеют устную предысторию. Древнегреческие мифы столетиями передавались из уст в уста, прежде чем были записаны Гесиодом и Овидием. Та же судьба была и у поэмы о Гильгамеше. Можно думать, что рассказы Яхвиста, Элоиста и Жреца, составившие первые четыре книги Торы, тоже восходили к более древней устной традиции. Сказания о сотворении мира, первых людях, потопах, деяниях праотцев и исходе из Египта могли передаваться из одного поколения в другое, пока наконец Яхвист, Элоист и Жрец не сложили из них связанные рассказы — каждый по-своему, но все — об одном и том же. Попытки обнаружить эти древнейшие слои составляют важнейшую часть поисков современных исследователей. На этом пути достигнуты интересные результаты. Многие исследователи, например, склоняются сегодня к мысли, что некоторые элементы этой древней устной традиции могли действительно восходить к Моисею. Одним из таких элементов был, по всей видимости, перечень Десяти заповедей. Мы поговорим об этих новейших изысканиях позднее. Сейчас нас интересует авторство и время создания Пятикнижия в том виде, в котором оно до нас дошло.

Первыми к этому вопросу подступились немецкие исследователи XIX века Граф и Ватке. Граф пытался ответить на него, исходя из логических и хронологических особенностей библейского текста. Если какой-то из источников рассказывает о более поздних событиях, то он, очевидно, создан позже. Ему удалось найти ряд таких «ориентиров». Это позволило предложить возможную датировку всех четырех источников. По Графу, самыми древними были E и J; несколько более молодым — D; а самым поздним — P. Ватке, в отличие от Графа, датировал те же источники на основании

их религиозных особенностей. Он исходил из представления, что иудаизм развивался от обожествления сил природы в сторону «духовно-этической» религии, а затем превратился в «священнический культ». Отыскав в каждом источнике приметы той или иной стадии такой эволюции, он тоже пришел к выводу, что первыми возникли источники Е и J, затем — D и последним — P.

Эти работы были обобщены и продолжены крупнейшим библиеведом XIX века Юлиусом Вельхаузенем. В своих «Пролегоменах к истории Израиля» Вельхаузен свел воедино все найденные предшественниками доказательства гипотезы четырех источников и предложил собственный, более детальный и конкретный вариант их датировки. Он выдвинул предположение, что источники J и E сложились в эпоху, непосредственно предшествовавшую царствованию Саула и Давида; D был создан во времена царя Йошиягу, незадолго до разрушения первого иерусалимского Храма; а P — уже после возвращения евреев из Вавилонского плена. Это предположение Вельхаузен подкрепил огромным множеством аргументов, учитывавших всю совокупность тогдашних знаний об истории древних евреев и эволюции их религии. Столь мощное обоснование позволило его теории продержаться несколько десятилетий, вплоть до середины XX века. Но сегодня она представляется во многом устарелой. Новые археологические и исторические данные привели к появлению более детальных и убедительных гипотез. Они реконструируют историю становления Торы исходя из современных представлений о том мире, в котором она возникла. Эти представления помогают понять, когда и как это происходило. Сказанное означает, что для того, чтобы ответить на вопрос, кто написал ТАНАХ, нужно прежде всего отчетливо представить себе мир, его породивший.

Попробуем воссоздать этот мир. Конечно, мы не будем пытаться воскресить здесь всю древнееврейскую историю. Ограничимся лишь теми фактами, которые необходимы для нашей цели. После смерти Моисея евреи, руководимые Иисусом Навином, вторглись с востока в Ханаан и расселились здесь среди местных племен, отвоевав себе холмистое плоскогорье, тянувшееся с севера на юг, через Сихем (*ивр.*

Шхем) и Хеврон. На западе их соседями были владевшие побережьем филистимляне и, чуть севернее, финикийцы; на севере их земли граничили с Сирией, на юге — с Едомом. Весь этот регион в целом был зажат между двумя тогдашними сверхдержавами — Ассирией и Египтом. Евреи того времени жили в деревнях и небольших городах, занимаясь в основном земледелием и скотоводством, частично — ремеслом и торговлей. Они разделялись на 12 племен, или колен, каждое из которых владело собственной небольшой территорией. Тринадцатым было колено Леви, не имевшее собственного земельного надела, — его члены жили в городах других колен и по традиции составляли группу жрецов (или священников). Каждое колено имело собственных лидеров, которые в ту пору именовались «судьями». Во времена военной опасности они часто становились военачальниками своего колена. Кроме священников и судей (часто в одном лице) заметную роль в тогдашнем еврейском обществе играли еще и пророки (*ивр.* «невиим»), вешавшие от имени Бога евреев. Этим Богом был Яхве. В некоторых отношениях он напоминал богов соседних с евреями ханаанейских племен. Эти племена были языческими. Пантеон их богов возглавлял Эль — верховный владыка, божество мужского пола. Эль не отождествлялся с какой-либо природной силой — он восседал во главе совета богов и объявлял их решения. Яхве тоже не отождествлялся с природными силами; но Он не был и главой божественного пантеона. Его принципиальное отличие состояло в том, что Он был один и представлял собой скорее Бога истории, которая, по убеждению евреев, развертывалась в соответствии с Его намерениями.

Эпоха судей завершилась во времена Самуила. Самуил был одновременно судьей, священником и пророком. Он жил в городе Силом, который был тогда главным религиозным центром всех еврейских колен. Здесь хранилась так называемая «Скиния Завета», где находился Ковчег, внутри которого, как утверждала традиция, находились Моисеевы скрижали с высеченными на них Десятью заповедями. Религиозные церемонии в Силоме отправляли священники, которые возводили свою родословную к самому Моисею. Во времена Самуила еврейские колена подверглись силь-

нейшему натиску филистимлян. Отразить этот натиск можно было только объединенными усилиями, и Самуил, уступая «воле народа», провозгласил полководца Саула первым общеизраильским царем. Так Эпоха судей сменилась Эпохой царей. Но израильская монархия не была абсолютной. Власть царя ограничивалась и уравнивалась авторитетом священников и пророков. Царь нуждался в их поддержке и одобрении, поскольку религия в ту пору не была отделена от государственной власти. Она вообще не была отделена от всей жизни — в тогдашнем иврите еще не было даже особого слова для обозначения «религии». Авторитет Самуила был так велик, что когда Саул нарушил его предписания, пророк низложил его от имени Господа и помазал на царство Давида. А Саул вскоре пал в битве с филистимлянами.

В отличие от Саула, принадлежавшего к колену Вениамина, Давид был родом из колена Иуды. Это самое южное из израильских колен владело самой большой территорией, а воцарение Давида еще более усилило его роль. Давид понимал, что это может возбудить против него северные колена. Он не хотел также раздражать священников Силома во главе с Самуилом, которые оказали ему поддержку в борьбе с Саулом. Поэтому он предпринял ряд искусных шагов для упрочения единства своего царства. Он перенес свою столицу из Хеврона, который был главным городом колена Иуды, в завоеванный у ханаанейского племени иевуситов Иерусалим. Этот город не принадлежал ни одному из колен, и его возвышение не могло никого обидеть. Сюда же он перенес и Ковчег Завета. Вторым шагом Давида было назначение сразу двух главных священников — одного с юга, другого — с севера. Представителем Иуды был главный священник Хеврона Садок (*ивр.* Цадок); интересы северных колен представлял один из жрецов Силома — Авиафар. Заметим, что первосвященники Хеврона вели свою родословную не от Моисея, как жрецы Силома, а от Аарона, его брата. Назначение двух первосвященников было не только данью двум частям Давидова царства, северной и южной, но и своего рода религиозным компромиссом между двумя древними священническими традициями — Моисеевой и Аароновой. Наконец, Давид со-

здал постоянную профессиональную армию, которая подчинялась только ему и делала его независимым от военачальников отдельных колен. С помощью этой армии он добился значительных военных успехов — завоевал Едом, Моав, Аммон, часть Сирии и подчинил своей гегемонии Филистию. В результате он создал царство, простиравшееся от Нила до Евфрата.

Давид стал родоначальником одной из самых долговечных в истории династий. Евреи настолько привыкли к царям «из рода Давидова», что впоследствии приписали его происхождение мессии. Давид вообще занимает особое место в еврейской истории, сравнимое разве что с местом Моисея. ТАНАХ отводит ему почти такой же объем текста. Судя по этому тексту, Давид был действительно выдающейся личностью — замечательным полководцем, мудрым государственным деятелем, талантливым певцом, музыкантом и стихотворцем. Выдающейся личностью был и его преемник Соломон. Но между ними была одна существенная разница. В то время как Давид делал все для объединения своего царства, Соломон посеял семена его распада. Именно этот распад, как считают современные исследователи, как раз и стал толчком к созданию первых библейских книг. Сейчас мы поймем, кто именно, когда и почему их создал.

Длительное правление Соломона (965—928 годы до н. э.) стало кульминационным пунктом в истории единого древнееврейского государства. Оно оставило глубокий след не только в еврейской памяти. Арабский фольклор тоже до сих пор хранит многочисленные легенды и предания о великом «царе Сулеймане ибн Дауде». Но в это же время были заложены предпосылки для распада государства евреев. Этот распад, по мнению современных исследователей, как раз и подготовил почву для возникновения первых книг ТАНАХа.

Важнейший вклад в изучение политической истории Соломонова царства внес американский библиевед (тогда еще выпускник Гарвардского университета) Барух Гальперин. Его работа была продолжена другим американским еврейским исследователем — Ричардом Фридманом. Результаты их работ, основанные на тщательном изучении библейских источников, а также исторических и археологических мате-

риалов, позволяют восстановить детальную картину интересующих нас событий. Мы выберем из них лишь самые необходимые.

Соломон продолжил политику централизации монархии, начатую его отцом Давидом. Еще до восшествия на престол ему пришлось выдержать борьбу с одним из старших сыновей Давида Адонией, которого поддерживал первосвященник из Силома Авиафар. На стороне Соломона в этой борьбе был второй Давидов первосвященник — Садок из Хеврона. Победив Адонию, Соломон изгнал Авиафара из столицы. Вместе с Авиафаром впали в немилость и все другие священники из северных областей царства, которые возводили свою родословную к Моисею. Главной опорой Соломона стали священники из колена Иуды, потомки Аарона во главе с Садоком. Этот передел священнической власти оказал важное влияние на последующие события.

Еще более важным шагом на пути к централизации власти было строительство иерусалимского Храма. Соломон построил его с помощью финикийского царя Хирама. За это он отдал ему двадцать городов в Галилее, то есть северных областей царства. Утрата галилейских городов нанесла еще один удар по интересам северных колен. Еще более серьезным ударом стала для них проведенная Соломоном административная реформа. Вместо древнего деления страны на уделы двенадцати колен Соломон ввел деление на 12 новых округов, границы которых не совпадали с традиционными уделами. Каждый из этих округов насчитывал около 50—60 тысяч человек и был обложен своей податью, предназначенной на покрытие расходов по строительству Храма. Распределение этих податей было неравномерным: самыми тяжелыми были поборы с северных округов.

Кроме того, Соломон впервые ввел систему постоянных налогов. Как подсчитал историк Олбрайт, каждый округ в среднем должен был сдавать в царскую казну почти 10 тонн зерна, 900 быков и 3000 овец в год. Но опять-таки послабления были сделаны для округов, населенных коленами Иуды и Вениамина, а главная тяжесть налогов легла на северные колена. Эта несправедливость вызвала глухое брожение на севере царства. Свидетельством этого недовольства может

служить следующий показательный факт: когда, после смерти Соломона, в северных округах вспыхнуло восстание, первым царским чиновником, которого убили восставшие, был сборщик налогов. Стоит отметить и другой важный факт — глашатаем восстания был пророк Ахия а-Силомни, представитель униженного царем священничества из Силома.

Восстание началось после того, как преемник Соломона Ровоам отказался отменить повинности, возложенные его отцом на северные колена. Во главе восставших встал Иеровоам из колена Эфраима. Как свидетельствует Третья книга Царств (12:16), восставшие выдвинули лозунг: «Нет нам доли в сыне Иессевома (то есть у Давида. — *Р. Н.*); по шатрам своим, Израиль!» Результатом восстания было отпадение десяти северных колен от царства Давида — Соломона и образование ими особого, северного — Израильского — царства, на власть в котором Ахия помазал Иеровоама. Власть Ровоама оказалась ограниченной наделами колен Иуды и Вениамина, которые с этого времени стали называться Иудейским царством.

Израиль был многолюднее Иудеи, но его население не было однородным — значительную его часть составляли ханаанские племена. Их религия была языческой, пантеон их богов — «Элоим» — возглавлял Баал, сын Илу, родоначальника всех богов, и под влиянием хананеян поклонение Баалу, а также другие языческие обряды широко распространились среди еврейского населения Израильского царства — куда шире, чем в Иудее, где монотеистическая вера в Яхве не имела таких примесей язычества. Эта политическая и религиозная неоднородность Израиля создавала неустойчивое положение, и Иеровоам поспешил укрепить свою власть — как среди евреев, так и среди хананеян. Он провозгласил столицей царства город Шхем (во многом еще ханаанейский) и стал утверждать собственный вариант иудаизма, в котором традиционный для евреев культ Яхве сочетался с некоторыми чертами ханаанейских богов. Для этого Иеровоам создал новые религиозные центры, установил новые даты праздников, назначил новых священников и ввел новые религиозные символы.

Эта своеобразная, «израильская» версия общееврейской религии вводилась им, в частности, еще и для того, чтобы

подданные его не отправлялись на праздники в иерусалимский Храм — в царство Ровоама. Новые религиозные центры были продуманно построены на северной и южной границах царства — в еврейском городе Дан и в ханаанейском (судя по названию) городе Вефиль (Бейт-Эль). Дата праздника Кушей (*ивр.* Суккот) была перенесена на месяц позже, чем в Иудее (что, кстати, опять же соответствовало древней северной традиции). И если в иерусалимском Храме полножьем для незримо присутствующего в «святая святых» Яхве служили два позолоченных херувима (в виде четвероногих животных с человеческой головой и птичьими крыльями), то в храмах Вефиля (Бейт-Эля) и Дана Господь незримо опирался на двух отлитых из золота молодых быков («тельцов»). Заметим, что это был также жест в сторону ханаанейских подданных Иеровоама — их Эль-Баал обычно изображался в виде молодого бычка.

Создавая для себя опору в виде новой религиозной знати, Иеровоам руководствовался принципом «политических назначений» — он отобрал новых священников из лично преданных ему людей, а не из левитов Силома, считавших себя потомками Моисея. Эти левиты, из среды которых вышли такие люди, как Самуил, Авиафар и Ахия, помазавший Иеровоама на царство, могли ожидать награды за свои заслуги перед Израилем; оттесненные в сторону новыми «назначенцами» царя, они, несомненно, ощутили себя жестоко ущемленными.

Запомним эту деталь — она нам вскоре пригодится. Пока же заключим: несмотря на все усилия Иеровоама, его царство осталось нестабильным. Ни одна из царских династий Израиля не продержалась дольше двух-трех поколений. Да и само Израильское царство просуществовало не более 200 лет. В 722 году до н. э. оно было разгромлено и покорено Ассирией. 23 тысячи человек были уведены в плен; остальные рассеялись; многие бежали в соседнюю Иудею. 10 северных колен прекратили свое существование. Иудейское царство продержалось еще свыше ста лет, непрерывно управляемое потомками Давида. Но в 586 году до н. э. пало и оно — на сей раз под натиском вавилонян. А теперь вернемся к созданию ТАНАХа.

Сквозь первые четыре книги Торы (мы уже об этом говорили) струятся, то переплетаясь, то расходясь, два повествовательных потока — два рассказа, выдающие свои отличия многочисленными повторами, противоречиями и разночтениями. Они рассказывают об одних и тех же событиях: сотворении мира, первом человеке и его сыновьях, о поколении Ноя и потопе, о праотцах и египетском рабстве, о Моисее, исходе из рабства и даровании Торы — и это свидетельствует о наличии в их основе общей древней традиции, принадлежащей одному народу. Но каждый рассказ повествует об этих событиях несколько иначе, и эти различия оказываются устойчивыми сквозными приметам, позволяющими отделить один рассказ от другого.

Перечень отличий можно было бы продолжать долго. Но в то же время оба рассказа, вне всякого сомнения, принадлежат одному народу, древняя традиция которого сохранила общие воспоминания, общие легенды и сказания, общий тип религии и общий характер Закона. Таким образом, перед нами две версии единого национального эпоса. Напрашивается гипотеза, что они были созданы в двух частях одной и той же страны, населенной одним и тем же народом, сохранившим общую традицию, но разделенным обстоятельствами жизни и потому создавшим две версии одной и той же религии.

И теперь мы знаем, что в истории еврейского народа действительно был такой период, когда его земля была разделена на два царства, в каждом из которых создавалась и певствовалась своя, особая версия общенациональной религии, и если в одном из этих царств, Иудейском, строго сохранялся культ Яхве, централизованный в его столичном храме, то в другом, Израильском, этот культ был «разбавлен» заимствованиями из ханаанейского, язычески-антропоморфного культа Элоима. Поэтому наша гипотеза (разумеется, не наша собственная: она была впервые робко высказана уже первыми библиеведами, а впоследствии развита и обоснована современными исследователями), в сущности, сводится к предположению, что рассказ Яхвиста (или источник J) был создан в южном, или Иудейском, царстве, а рассказ Элоиста (или источник E) — в северном, Израильском; объединение же этих версий в единый канонический текст Торы произо-

шло, по всей видимости, в те времена, когда на территории древней Земли Израиля оставалось уже только одно из этих царств (как известно, то была Иудея), то есть в период между завоеванием Израиля ассирийцами и захватом Иудеи вавилонянами.

Сейчас мы увидим, что текст Торы подтверждает эту историческую гипотезу. Более того, текст этот дает возможность уточнить и время своего создания.

В чем же состоят эти текстуальные подтверждения? Первым из них является различие некоторых географических особенностей. В рассказах Яхвиста праотец Авраам неизменно связывается с Хевроном. Хеврон был главным городом колена Иуды, столицей Давида до завоевания Иерусалима, родиной первого главного священника Иудейского царства Садока. Заклячая завет с Авраамом, Бог (в данном случае Яхве) обещает его потомкам «землю от реки Египетской... до реки Евфрат» — а это именно те границы, до которых раздвинул свои владения Давид, основатель правящей династии Иудейского царства. Зато рассказ о том, как Некто (то ли сам Бог, то ли его ангел) боролся с праотцем Иаковом, благословил его и дал имя Израиль, мы находим только у Элоиста, как и должно быть, если этот источник родом из Израильского царства. В этом же источнике говорится, что «нарек Иаков имя месту тому: Пену-Эль, ибо, говорил он, я видел Элоима лицом к лицу» (Бытие, 32:30); а Пену-Эль — это город, построенный Иеровоамом в Израиле.

Оба источника рассказывают о городе Сихеме (который Иеровоам сделал столицей Израиля). При этом Элоист излагает историю его приобретения евреями следующим образом («Бытие», 33:18–20): «Иаков, возвратившись из Месопотамии... пришел в город Сихем, который в земле Ханаанской, и расположился перед городом, и купил часть поля, на котором раскинул шатер свой, у сынов Еммора, отца Сихемова, за сто монет. И поставил там жертвенник, и призвал имя Элоима». Напротив, Яхвист (рассказ которого начинается уже в следующем стихе) излагает ту же историю куда драматичнее и жестче (Бытие 34:1–31) — Сихем, сын Еммора, обесчестил дочь Иакова Дину и предложил жениться на ней, а сыны Иакова потребовали от него и всех сихемцев совер-

шить обрезание и, воспользовавшись их недомоганием после операции, перебили их всех до единого и таким образом захватили этот город силой. Заметим, что инициаторами побоища были Симеон и Левий. Это тотчас отражается в еще одной — и принципиально важной для нас — особенности рассказа Яхвиста. Речь идет о так называемом «пророческом благословении» Иакова своим сыновьям и внукам.

Как известно, после завоевания Ханаана евреи расселились в нем двенадцатью коленами. Каждое из них выводило свою родословную от одного из потомков праотца Иакова. В рассказах Торы о рождении этих потомков, как правило, произносится благодарность Богу. В рассказе Яхвиста эта благодарность адресуется Яхве, в рассказе Элоиста — Элоиму. Эпизоды Торы, в которых таким «адресатом» является Элоим, рассказывают о рождении родоначальников колен Дана, Неффалима (Нафтали), Гада, Асира (Ашера), Иссахара, Завулона (Звулона), Вениамина, Менаше и Эфраима (двое последних — сыновья Иосифа). Иными словами, рассказ Элоиста называет имена лишь тех колен, которые составляли Израильское царство. Напротив, в рассказах, где воздается благодарность Яхве, говорится только о рождении Рувима (Реувена), Симеона, Левия (Леви) и Иуды. Трое первых не получили собственных наделов (мы сейчас увидим почему), причем колено Левия (левиты) рассеялось среди наделенных землею колен, и поэтому единственным сыном, получившим свою территорию, у Яхвиста оказывается Иуда — как и следует ожидать от источника, составленного в Иудейском царстве.

Но Яхвист идет еще дальше: он пытается обосновать особую выделенность колена Иуды. Такому обоснованию в тексте Яхвиста посвящен специальный эпизод (которого нет у Элоиста!) — уже упомянутое «пророческое благословение» Иакова. По древним обычаям, придававшим особое значение очередности рождения (вспомним борьбу за «первородство» между Иаковым и Исавом), наибольшую часть отцовского наследия (главное благословение) должен получить первый сын. Первенцем Иакова был Рувим. Но у Яхвиста Иаков на смертном одре говорит (Бытие 49:3—4): «Рувим, первенец мой!.. ты... не будешь преимуществовать, ибо

ты вошел на ложе отца твоего; ты осквернил постель мою» (иными словами, Рувим переспал с какой-то из отцовских наложниц). Казалось бы, теперь главное благословение должно перейти ко второму и третьему сыновьям: Шимону и Леви. Но Яхвист и этим сыновьям отказывает в таком преимуществе перед Иудой; его Иаков продолжает (Бытие 49:5–7): «Шимон и Леви братья, орудия жестокости мечи их. В совет их да не внимет душа моя, и к собранию их да не приобщится слава моя, ибо они во гневе своем убили мужа... проклят гнев их, ибо жесток, и ярость их, ибо свирепа; разделю их... и рассею...»

Иначе говоря, Симеон и Левий не получают наделов, потому что устроили побоище в Сихеме. В результате единственным (у Яхвиста) достойным отцовского благословения остается Иуда, и о нем Иаков у этого автора произносит знаменательные слова («Бытие», 49:8): «Иуда! тебя восхвалят братья твои... поклонятся тебе сыны отца твоего», что как раз и означает, в сущности, что все прочие потомки Иакова должны подчиниться главенству Иуды, прародителя Давида и его династии, правившей в Иудейском царстве. Более того, Яхвист уже знает не только о воцарении этой династии, но и о ее будущем — далее Иаков говорит («Бытие», 49:10): «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его...» (Этим «законодателем», скорее всего, является не сам Давид, а его преемник Соломон; как мы видели, именно он установил новое религиозное и административное законодательство.) Итак, у Яхвиста первородство получает Иуда — как и можно ожидать от автора, который выражает версию, сложившуюся в Иудее. Кто же получает первородство у Элоиста? В Торе рассказу Яхвиста о «пророческом благословении Иакова» (изложенному выше) предшествует рассказ о последних днях Иакова (Бытие 48:1–22), в котором Бог именуется только словом «Элоим». Рассказ этот, следовательно, принадлежит Элоисту — это его, «израильская», версия того же «благословения Иакова». Она решительно отличается от «иудейской» версии Яхвиста.

Элоист рассказывает, что к умирающему Иакову прибыл Иосиф со своими сыновьями Манассией (Менаше) и Ефремом (Эфраимом), «и сказал Иаков Иосифу: Элоим явился

мне в Лузе... и благословил меня и сказал мне:...дам землю сию потомству твоему... И ныне два сына твои, родившиеся в земле Египетской, мои они, Ефрем и Манассия, как Рувим и Симеон, будут мои... Они под именем братьев своих будут именоваться в их уделе...» Это поразительное благословение. По сути, Элоист утверждает, что Иаков приравнял Ефрема (Эфраима) к Рувиму, то есть к своему первенцу, и отдал ему удел Рувима. Элоист не просто сообщает об этом — опасаясь, что не все поймут его скрытый намек, он подчеркивает этот намек еще одной любопытной деталью, которую можно понять лишь в контексте самого намека: «И взял Иосиф Ефрема в правую руку свою против левой Израиля (то есть Иакова. — *Р. Н.*), а Манассию в левую против правой Израиля, и подвел к нему. Но Израиль простер правую руку свою и положил на голову Ефрема, хотя сей был меньший...» Иосиф, как бы говорит Элоист, хотел, чтобы главное благословение деда получил, как и положено, первенец Манассия, но Иаков, в нарушение традиционного порядка, нарочно переменял руки и первым благословил Ефрема, тем самым именно ему отдав первородство Рувима. Иосиф пытался протестовать, но Иаков настоял на своем, сославшись на волю Элоима. По Элоисту, таким образом, главным из еврейских колен является колено Ефрема. Теперь остается лишь напомнить, что колено Ефрема было родовым племенем израильского царя Иеровоама, и Сихем, столица Израильского царства, был расположен на холмах, находившихся в традиционном наделе этого же колена. Тот факт, что отец Ефрема, Иосиф, завещал похоронить себя в том же Шхеме, в уделе сына, достаточно известен. Упомянем поэтому только изящный — и полный смысла — каламбур, содержащийся в самом конце этого текста, где Иаков говорит, через Иосифа, его детям (Бытие 48:22): «Я даю тебе, преимущественно пред братьями твоими, один участок...» На иврите «преимущественно» — это «шхем», то есть получается: «Даю тебе... Шхем». К сожалению, этот каламбур совершенно исчезает в русском переводе Библии.

Все эти красноречивые разночтения убедительно свидетельствуют в пользу северного (израильского) происхождения Элоиста и южного (иудейского) происхождения Яхвиста.

К ним можно было бы добавить и другие примеры. У Элоиста самым главным и самым верным учеником Моисея является Иисус Навин — из колена Ефрема; у Яхвиста единственным (из двенадцати посланных в Ханаан соглядатаев), кто поощряет к походу, является Халев (Калев) — из колена Иуды, родоначальник будущих Халевитов, чьи земли в Иудее включали позднее город Хеврон. Каждый из двух этих авторов явно опирается на древние сказания, наиболее популярные в его земле, каждый стремится подчеркнуть заслуги и превосходство легендарных героев именно этой земли, каждый превозносит то племя (колена), которое дало начало правящей династии именно этого, а не другого царства. Иными словами, каждый из них отражает традицию одной из двух племенных групп, двух частей единой нации, на которые распался еврейский народ после возникновения Израильского и Иудейского царств.

Одновременно каждый из авторов отражает политическую, социальную и религиозно-культурную реальность того царства, в котором он жил. Еще более пристальное чтение их рассказов дает нам возможность проникнуть в скрытые пласты той далекой реальности и понять, какие причины побудили обоих авторов к созданию этих текстов — со всеми разночтениями, которые мы отметили выше. Такое чтение позволяет обнаружить многозначительные и характерные черты самих рассказчиков и тем самым ощутить, в чем состояло их индивидуальное различие. Мы увидим все это, как только обратимся непосредственно к тексту.

Гипотеза о том, что рассказ Пятикнижия, именующий Бога словом «Элоим», был составлен и записан в Израильском царстве, а рассказ Яхвиста — в Иудейском, выдвинута достаточно давно. В последние годы эти соображения были серьезно подкреплены уже упоминавшимся нами американским исследователем Ричардом Фридманом. Замечания Фридмана чрезвычайно любопытны и стоят отдельного рассказа. Они позволяют конкретизировать высказанную выше гипотезу.

Свои рассуждения Фридман начинает с анализа загадочных особенностей «элоистского» рассказа о так называемом «золотом тельце». Рассказ этот выглядит следующим обра-

зом. Пока Моисей находился на горе Синай (получая от Бога начертанные им на скрижалях законы и заповеди), оставшийся внизу первосвященник Аарон собрал у людей золотые украшения и сделал из них «литого тельца». «И сказали люди: вот Элоим твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской». Аарон же провозгласил: «Завтра праздник Яхве».

Назавтра действительно состоялся бурный праздник, в разгар которого в лагерь спустился Моисей. Его встретил верный Иисус Навин, который предупредил вождя, что в «стане слышен военный крик». Увидев, что евреи вернулись к идолопоклонству, Моисей в гневе разбил скрижали, уничтожил тельца и собрал вокруг себя колено Левия. Левиты организовали в лагере кровавую «чистку», в ходе которой было уничтожено около трех тысяч человек. Моисей же со своей стороны умолил благосклонного к нему Бога не губить «жестоковыйный» народ Израиля.

Этот рассказ вызывает ряд вопросов. Почему народ впадает в ересь как раз в момент своего освобождения? Почему инициатором этой ереси оказывается Аарон — ведь он первосвященник Господа? Почему они называют золотого тельца «Элоимом», а Аарон говорит о «празднике Яхве»? Почему на роль орудия наказания еретиков выбраны левиты? Почему Иисус Навин упоминается среди тех, кто не поддался ереси?

Фридман предлагает убедительное объяснение всех этих загадок. Оно кажется тем более убедительным, что не требует никаких дополнительных гипотез, кроме той, что Элоист жил и писал в Израильском царстве. Действительно, вспомним особенности становления этого царства. Основатель царства, Иеровоам, сразу же начал утверждать собственную версию культа Яхве. И первым же его шагом, сразу после освобождения от власти Иерусалима, было как раз создание двух храмов, в Дане и Вефиле, в каждом из которых Бог (Элоим) незримо восседал на двух отлитых из золота «тельцах» (молодых быках). Таким образом, рассказ о «золотом тельце в «элоистской» версии Книги Исхода несет в себе все черты того, что в действительности происходило в Израильском царстве: сразу же после освобождения (от власти потомков Соломона) народ впал в религиозную ересь. Рассказ Элоиста о золотом тельце в действительности является замаскиро-

ванным осуждением этой ереси. Автор этого рассказа искусно использовал одну из традиционных легенд своего народа, чтобы выразить собственное отношение к религиозной реформе Иероваама.

Понятно, что таким автором мог быть, скорее всего, человек, которого живо интересовало то, что происходило именно в Израильском царстве. Этот специфический интерес обнаруживается и во многих других местах «элоистского» текста. Мы уже рассказывали о том, как настойчиво Элоист подчеркивает роль колена Ефрема, к которому принадлежала правившая в Израильском царстве династия, как часто он упоминает Сихем, который был столицей этого царства (и находился на территории того же колена Ефрема), как много внимания уделяет Иосифу, отцу Ефрема, похороненному в том же Сихеме, как подробно описывает передачу Иаковом «первородства» от Рувима к Ефрему, с какой ненавистью относится к введенным Соломоном налогам («мисим»), особенно сильно ударившим именно по коленам, составившим впоследствии Израильское царство.

Теперь к этому перечню добавляется и благосклонное упоминание Иисуса Навина в рассказе Элоиста о золотом тельце — ведь Иисус Навин тоже был родом из колена Ефрема и его могила тоже находилась в Сихеме! Все это вместе окончательно убеждает, что автором «элоистского» текста, скорее всего, действительно был житель Израильского царства. Нельзя ли его опознать? Фридман утверждает, что это отчасти возможно.

Он выдвигает предположение, что этим автором был один из левитов города Силом — прежней (до Иерусалима) религиозной столицы еврейских колен. И вот как он это доказывает. При царе Давиде жрецы Силома чрезвычайно возвысились — как мы уже говорили, из их круга вышел пророк Самуил, помазавший Давида в противовес Саулу; из их числа был и Авиафар, объявленный Давидом вторым иерусалимским первосвященником (наравне с Садоком из Давидова Хеврона). При Соломоне, однако, жрецы Силома получили сильный удар: Авиафар был смещен со своего поста и изгнан из Иерусалима, и в результате левиты Силома потеряли свои места в иерусалимском Храме. Не удивительно, что они ста-

ли поддерживать сепаратистские стремления Иеровоама — напомним, что инициатором восстания северных колен под руководством Иеровоама был жрец из Силома, пророк Ахия.

Сыграв такую роль в создании независимого Израильского царства, левиты Силома, несомненно, рассчитывали на благодарность Иеровоама, но они ее не получили. Напротив, Иеровоам перенес религиозный центр своего царства в Дан и Вефиль, создал там новые храмы (с золотыми тельцами как подножьями незримого бога), а жрецами в этих храмах назначил не левитов Силома, а «лично знакомых ему» людей. Как было не намекнуть царю и народу на несправедливость такой политики? Как было не напомнить о заслугах левитов Силома? Как было не осудить религиозные реформы Иеровоама, пусть и в замаскированной форме рассказа о золотом тельце? Более того, намекая современникам, о чем в действительности этот рассказ, автор ввел в него (для облегчения расшифровки) прямую цитату из речи Иеровоама. Загадочная фраза поклонников золотого тельца «Это Элоим твой, Израиль» дословно повторяет слова Иеровоама в Первой книге Царств, произнесенные им в момент освящения золотых тельцов Дана и Вефиля.

Но Элоист преследует своим рассказом и другие, уже чисто клановые цели. В этом рассказе снова и снова прославляется Моисей, спасший народ от гнева Господня, — а ведь левиты Силома вели свою родословную именно от Моисея. Есть в нем и другие примечательные детали. Как мы помним, инициатором ереси у Элоиста оказывается Аарон. На первый взгляд странно, что главным еретиком объявляется первосвященник. Но если вспомнить, что левиты Силома наверняка ненавидели иерусалимского первосвященника Садока, в пользу которого Соломон изгнал «их» Авиафара, а Садок (как и другие левиты Хеврона) вел свою родословную от Аарона, то все становится на свои места: приписав Аарону зарождение ереси, Элоист заодно свел давние счеты со своими конкурентами из иудейского Иерусалима.

Напротив, в той версии тех же синайских событий, которую излагает Яхвист, нет ни слова о неприглядных поступках Аарона. Более того, у него вообще нет истории с золотым тельцом. Зато у него мы находим неприкрытый выпад

против жрецов из Израильского царства — его вариант одной из главных заповедей гласит: «Не делайте себе богов литых» (Исход 34:17) — а ведь именно литые «боги» (точнее — подножья Бога) стояли в храмах Дана и Вефиля. (У Элоиста та же заповедь звучит иначе: «Не делайте предо Мною богов серебряных или богов золотых» (Исход 20:23), что обращено не только против Иеровоама, но и против Соломона, в Храме которого служившие аналогичными подножьями Бога херувимы были хотя и не «литыми», но позолоченными.)

Эта религиозная распря вообще является одной из главных линий различия между двумя источниками. Яхвист, например, превозносит важность Ковчега Завета, который был центральным и самым священным объектом иерусалимского Храма, но даже не упоминает о Скинии Завета, сооруженной Моисеем; Элоист, напротив, совершенно не упоминает о Ковчеге, зато подробно описывает устройство Скинии, перенесенной из Синая в Силом. Яхвист всячески превозносит Аарона; Элоист продолжает свои нападки на него, рассказывая в 12-й главе Книги Чисел историю о том, как Аарон и его сестра Мариам (Мириам) упрекали Моисея за то, что он взял себе в жены «Эфиоплянку» и как Господь разгневался за это на них и даже наказывает Мариам временной проказой (у Яхвиста, понятно, нет и следов этого эпизода). Яхвист сообщает, что Бог сказал Моисею: «Я... иду вывести [народ мой] из земли сей [из Египта]» (Исход 3:8), тогда как у Элоиста Господь освобождает народ не сам, а поручает это Моисею: «Итак, пойд... и выведи из Египта народ мой» (Исход 3:10).

Это разное отношение обоих авторов к Моисею и Аарону проявляется и еще в одном важном эпизоде — встрече Моисея с Богом у «несгораемого тернового куста», когда Бог открыл Моисею Свое имя. До сих пор мы для простоты говорили, что двух наших авторов отличают прежде всего различные наименования Бога, поэтому они так и называются — Яхвист и Элоист. На самом деле это не вполне точно. В рассказе Яхвиста имя Яхве действительно проходит через весь текст — от начала до конца. Но у Элоиста Бог называется «Элоим» только до Его встречи с Моисеем. А во время этой встречи, говорит Элоист (Исход 3:13–14): «...сказал Моисей Элоиму: вот,

я приду к сынам Израилевым и скажу им: Элоим отцов ваших послал меня к вам. А они скажут мне: как Ему имя? Что сказать мне им? Элоим сказал Моисею: Я есмь Суший /Яхве/» — или, на иврите, «эхье ашер эхье» («Я есть [пребуду], кто Я есть [пребуду]»). И далее: «Так скажи сынам Израилевым: Яхве [«эхье»] Элоим послал меня к вам». С этого момента и далее Бог в рассказе Элоиста именуется Яхве-Элоим (или даже просто Яхве, как, например, в рассказе о золотом тельце, когда Аарон сразу же после «людей», только что называвших тельца словом «Элоим», говорит, указывая на того же тельца: «Завтра праздник Яхве»).

Этой постепенной смены имен еврейского Бога — Элоим, затем Яхве-Элоим и, наконец, просто Яхве — нет у Яхвиста. У него вообще нет истории открытия Богом Своего имени Моисею. Как мы уже сказали, Яхвист не очень жалуется Моисею. Если бы в нашем рапоржении была только его версия, роль Моисея в еврейской истории, возможно, вообще выглядела бы совершенно иначе. Для Элоиста, напротив, Моисей — центральный персонаж этой истории. Бог к нему благосклонен больше, чем к кому-либо другому, включая Аарона, Бог посылает его вывести евреев из Египта, Бог именно ему открывает Свое имя. Элоисту важно подчеркнуть, что только со времен Моисея евреи узнали настоящее имя Господа. Но он допускает, что до этого времени Бога называли Элоим. Иными словами, он снова отдает дань традиции Израильского царства, где многие евреи, под влиянием местных ханаанейцев, поклонялись одновременно Яхве и Баалу (даже царь Иеровоам, как мы видели, поставил у подножия Яхве «литых тельцов», то есть молодых быков, которые в ханаанской мифологии были символами Баала).

Яхвист, как мы видели, не знает всех этих уступок — для него Яхве есть Яхве, и Свое имя Он впервые открыл евреям не через Моисея, а еще через праотца Авраама. Знаменательно, однако, что оба автора в конечном счете одинаково преданны одному и тому же Богу — еврейскому Яхве. Это говорит об их глубоком религиозном сходстве. Оба одинаково нетерпимы к ереси идолопоклонства и отступления от монотеизма. В сущности, их религиозные различия состоят лишь в том, что один старается возвысить Моисея и исподтишка

бросить тень на Аарона, тогда как другой довольно мало и сухо говорит о Моисее, но Аарона в обиду дать не хочет; один осуждает иерусалимских золоченых херувимов, а другой — израильских «литых богов». Каждый использует для этого общую древнюю традицию, выбирая из нее удобные для его целей детали и опуская неудобные; но важнейшие, основополагающие элементы этой традиции (сотворение мира, потоп, история праотцев, исход из Египта) сохраняют оба.

Особенно тщательно оба сохраняют — и особенно детально излагают — все, что относится к закону и заповедям. Это позволяет думать, что оба они — из сословия жрецов. И если верно предположение, что Элоистом был человек из Израильского царства, жрец из города Силом, считавший себя потомком Моисея, то следует, видимо, по аналогии предположить, что Яхвистом был (судя по всему, что мы теперь о нем знаем) человек из Иудейского царства, священник из рода хевронских жрецов, которые вели свою родословную от Аарона.

Два левита — случайно ли это? Некоторые исследователи предлагают этому факту любопытное объяснение. Они выдвигают предположение, что основная масса еврейских колен так и осталась в Ханаане со времен праотцев, а в Египет ушло и там попало в рабство только колено Левия. Они основывают это предположение на том, что именно среди этого колена часто встречаются египетские имена типа Моше, Хофни и т. п. Возможно, они-то и создали культ Яхве и стали его истовыми поклонниками. Когда эти левиты вышли из Египта и, ведомые Моисеем и Аароном, устремились в Ханаан, то здесь они встретились со своими сородичами — поклонниками Элоима, уже поделившими между собой всю землю. В компенсацию за отсутствие территории они были сделаны жреческим сословием и в этом качестве стали утверждать среди остальных еврейских колен свой культ Яхве и его бескомпромиссно-суровый монотеизм.

Это предположение подкрепляет выдвинутую выше гипотезу о том, что авторами первых записанных текстов Пятикнижия были, скорее всего, два священника-левита, один (Яхвист) — из южного Иудейского царства, другой (Элоист) — из северного Израильского. В свою очередь, такая ги-

потеза объясняет, как мы видели, причину и характер сходств и различий обоих текстов. Но ни это предположение, ни упомянутая гипотеза еще не дают нам ответа на вопрос о том, когда жили эти люди. Кто из них был первым по времени автором, а кто вторым? Кто и когда объединил их тексты? Зачем это было сделано? И почему именно так, как мы сейчас видим, а не иначе? Чтобы ответить и на эти вопросы, нужно проделать еще один виток историко-детективного расследования.

Поскольку Израильское царство было разрушено уже в 722 году до н. э., Элоист жил, по-видимому, раньше этой даты. Его очевидный гнев против Иеровоама как будто свидетельствует о том, что он писал во времена этого царя или вскоре после него, когда воспоминания о религиозных реформах Иеровоама и разочарование в нем были еще свежи среди левитов Силома. Текст Яхвиста тоже не мог быть написан позже 722 года до н. э. — в нем рассказывается о рассеянии колен Симеона и Левия, но ни словом не упоминается о таком важнейшем для евреев Иудейского царства событии, как падение соседнего Израильского царства и увлечение в плен десяти северных колен. С другой стороны, в нем имеются нападки на религиозные реформы Иеровоама («литые боги»); стало быть, автор уже знал об этих реформах, то есть жил после образования независимого Израильского царства, иными словами — позже 922 года до н. э. Этот промежуток можно сузить, если обратить внимание на тот факт, что в рассказе Яхвиста излагается история Иакова и Исава, причем последний назван родоначальником едомитов. Едом отделился от Иудеи и стал независимым Едомским царством только при потомке Соломона, иудейском царе Иорама (Иероаме), который правил между 848 и 842 годом до н. э., и, стало быть, создание текста Яхвиста можно отнести к промежутку 848–722 годы до н. э. Текст Элоиста датировать точнее невозможно — для этого в нем пока не найдено никаких дополнительных примет. Время его написания остается в промежутке между 922 годом до н. э. (когда распалось царство Соломона) и 722-м, когда пало Израильское царство.

Существенно, что оба рассказа, при всех своих различиях, основаны на одних и тех же традициях (культ Яхве), упо-

минают, в общем-то, одни и те же события израильского прошлого (сотворение мира, потоп, приход евреев в Ханаан, исход из Египта) и повествуют об одних и тех же героях (прототы, Иосиф, Моисей, Аарон). Разной была лишь та окраска, которую придавал всему этому каждый из авторов, его трактовка, расставленные им акценты. Кто из них был первым? Быть может, после распада единого царства в каждом из них, независимо друг от друга, возникла потребность создать свою национальную версию священной еврейской истории, связав ее с задачами возвеличения своего царства и принижения другого (а в случае Элоиста — еще и критикой своего царя). Но могло быть и так, что кто-то из них написал свой текст раньше и этот текст, попав в руки другого (царства-то были соседями), побудил его ответить собственной версией.

Можно было бы задаться и еще более трудным вопросом: а нельзя ли определить пол каждого автора? Исследователи задумывались и над этим. Относительно Элоиста они почти сразу пришли к выводу, что это наверняка был мужчина, потому что он, скорее всего, был жрецом из Силома, а жрецы в Древнем Израиле были исключительно мужчинами. К тому же и вся тональность, вся авторская позиция этого текста выдает «мужской» взгляд. С Яхвистом дело обстоит сложнее. Не так давно известный американский историк Гарольд Блум опубликовал работу под названием «Книга J», где утверждает, что создателем этой «книги», то есть «яхвистского» текста, была женщина — по его мнению, одна из дочерей царя Соломона (ибо только при царском дворе могли быть женщины с достаточным образованием и правами). Блум подкрепляет свою гипотезу детальным стилистическим анализом текста, обнаруживая в нем «свойственную женщинам более тонкую иронию» и другие «женские» признаки. Более того, он предполагает, что этот «женский» текст был создан в ходе придворного «литературного соревнования» с аристократами-мужчинами, один из которых изложил те же события в своей, «мужской», версии — что и привело, по Блему, к появлению текста Элоиста.

Доказательства Блума не показались мне убедительными: его гипотеза о «шутливом соревновании» двух авторов представляется довольно несерьезной, ибо проходит «поверх»

всех перечисленных выше (и куда более убедительных) примет принадлежности Элоиста к Израильскому царству, игнорируя те серьезные задачи и религиозные цели, которые его воодушевляли. Ричард Фридман, не присоединяясь к этой гипотезе, тоже не исключает, однако, что автором «яхвистского» текста «могла быть» женщина: по его мнению, те симпатии к женской доле, которые Яхвист выражает в своем рассказе о Фамари, были бы свойственны скорее женщине, чем суровому древнееврейскому мужчине.

Добавим, что некоторые исследователи полагают, что у этих двух рассказов могло быть больше двух авторов. Они выделяют в этих текстах ряд отрывков, которые, по их мнению, принадлежат разным лицам, и говорят на этом основании о целой «школе Яхвиста» и «школе Элоиста». Но и эти гипотезы выглядят недостаточно убедительными, поэтому мы не будем на них останавливаться. Куда важнее напомнить в заключение, что оба эти текста являются, как мы знаем, частью целого — кто-то третий (или третьи) свел их воедино в текст Пятикнижия. Что руководило Редактором или Редакторами? Кем они были? Когда жили? Об этом можно только гадать — они оставили слишком мало следов.

Прежде всего — почему они не ограничились каким-нибудь одним текстом, а предпочли свести воедино оба, невзирая на их противоречия, повторы и разночтения? Самое простое и разумное предположение на сей счет состоит в том, что оба текста, видимо, были достаточно известны среди современников Редактора и оба одинаково почитались священными. Нельзя было отбросить один (или какие-то его существенные части) и оставить второй, не оскорбив национальные и религиозные чувства какой-то части читателей, — даже если каждый из текстов противоречил другому в деталях и интенциях авторов. Оставить их существовать отдельно тоже было затруднительно — тогда какой из них читатели должны были считать «истинным»?

Эти предположения интересны еще и тем, что приводят нас к вопросу о том, кто, собственно, были эти «читатели», которым предназначался объединенный таким способом текст. Поскольку Элоист в свое время явно адресовался жителям Израильского царства, а Яхвист — жителям Иудей-

ского, то предположение, будто среди «читателей» единого текста были почитатели как той, так и другой версии, в сущности, означает, что объединение («редактирование») текстов происходило в среде, где наличествовали как «израильтяне», так и «иудеи».

Было ли в еврейской истории время, когда существовала такая ситуация? Да, было. Археологические раскопки в Иерусалиме показали среди прочего, что после падения Израильского царства население столицы Иудеи резко увеличилось. Это можно объяснить тем, что сюда хлынули беженцы из Израиля, спасавшиеся от нашествия ассирийцев. Они могли принести с собой и свою священную книгу — текст Элоиста. Тогда-то и могла возникнуть обстановка, когда в одной и той же еврейской среде, теперь уже — среди жителей одного и того же царства, получили хождение два разных «священных» источника. А это могло побудить Редактора взяться за работу по их объединению — ведь, кроме всего, это способствовало бы объединению беженцев из Израиля с аборигенами Иудеи в единый, сплоченный общей Книгой народ. Эти соображения позволяют, таким образом, указать и примерное время жизни и работы Редактора: то был период после падения Израиля и до падения Иудеи, иными словами — промежуток между 722 и 587 годом до н. э.

Вот, в сущности, все, что современная библейская критика может сказать о времени создания и авторах двух первых текстов Пятикнижия — «элоистского» и «яхвистского».

Но не меньше загадок содержат и два других его текста — «Жреческий» и Второзаконие. Какие это загадки? Какие ответы на них предлагают новейшие исследования?

В Пятикнижии история евреев доведена до прихода еврейских колен в Заиорданье и смерти Моисея. Эти события описаны в последней книге Торы — «Дварим» на иврите, «Deuteronomy» по-английски, «Второзаконие» по-старославянски. У этой книги есть свои особенности. В отличие от четырех предшествующих, в ней прямо указан ее автор — она начинается фразой: «Сии суть слова, которые говорил Моисей всем Израильтянам за Иорданом». Это обращение или завешание Моисея четко распадается на две части — «историческую» и «законодательную». В первой кратко повторя-

ется история исхода; во второй — вторично излагается закон, то есть Заповеди Господни. (Это вторичное изложение закона и дало основание назвать Моисееву книгу «Второзаконием».) Это, однако, не вполне дословное повторение. Автор опускает некоторые заповеди, упомянутые в первых четырех книгах, зато вводит новые, ранее не упоминавшиеся. Одно из важнейших новшеств такого рода, усиленно подчеркиваемое в тексте, провозглашает запрет совершать жертвоприношения в произвольных местах. Эта новая заповедь появляется уже в начале «законодательной» части книги, в первых стихах 12-й главы: «Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах, и на холмах, и под всяким ветвистым деревом... Не то должны вы делать для Господа, Бога вашего, но к месту, которое изберет Господь, Бог ваш, из всех колен ваших, чтобы пребывать имени Его там, обращайтесь, и туда приходите, и туда приносите всесожжения ваши, и жертвы ваши». Видимо, этот запрет крайне важен для автора, потому что буквально через несколько фраз он снова напоминает (Второзаконие, 12:13—14): «Берегитесь приносить всесожжения... на всяком месте... но на том только месте, которое изберет Господь».

Самой распространенной целью жертвоприношений у древних евреев было освящение трапезы, прежде всего — мясной. Смысл обряда состоял, видимо, в напоминании, что такой трапезе неизбежно предшествует убийство какого-либо животного. Убийство не должно было восприниматься как заурядное действие, и потому оно было превращено в некий сакральный акт, производимый по определенному ритуалу, специальным лицом (священником-левитом, которому отдавалась часть жертвы) и в специальном месте. Судя по словам Второзакония, в древнем Ханаане такие места («жертвенники») существовали около каждой деревни, и церемонией там руководили местные священники. Новая заповедь, провозглашенная во Второзаконии, предписывает евреям уничтожить все эти местные жертвенники «на высоких горах, и на холмах, и под всяким ветвистым деревом» и приносить жертвы в одном-единственном месте. Иными словами, речь идет о централизации культа. Последовали ли евреи этому предписанию?

Не сразу. В Эпоху судей и во времена Объединенного царства (при Давиде и Соломоне) жертвоприношения «на высотах» (то есть на местах) все еще были обычными. Сохранялись они и во времена существования отдельных Израильского и Иудейского царств. Но падение Израиля в 722 году до н. э., видимо, было истолковано в Иудее как «наказание за грехи» — за невыполнение заповедей, — и тогдашний иудейский царь Езекия (Хизкиягу) предпринял первую попытку искоренить обычай жертвоприношений «на высотах» и сконцентрировать все богослужение в иерусалимском Храме. Однако реформа Езекии была недолговечной: его сын и внук восстановили в Иудее многие элементы идолопоклонства, включая жертвоприношения на местах.

Намного более серьезной была религиозная реформа следующего иудейского царя — Иосии (Иошиягу) (640–609 годы до н. э.). Историки расценивают ее как подлинное национально-духовное возрождение. По приказу царя были разрушены идолы и очищен Храм. Жертвоприношения «на высотах» были категорически запрещены. Культ Яхве был заново централизован в Иерусалиме. Всем подданным было вменено в обязанность приносить свои жертвы только на храмовом алтаре. Все провинциальные левиты были переведены в Иерусалим на должности прислужников при левитах Храма. Поскольку Иудея при Иосии в значительной мере освободилась от ассирийского господства и даже захватила часть прежних израильских земель, то реформы были проведены и там: как рассказывает Вторая книга Царств, Иосия лично прибыл в Вефиль, чтобы сокрушить тамошние жертвенники, «истер их в мелкий прах и бросил в поток». Во всем ТАНАХе только еще один человек поступил с идолами столь же сурово — то был Моисей, который не просто уничтожил золотого тельца, но «истер его в мелкий прах и швырнул в поток».

Параллелизм поступков великого Моисея и царя-реформатора не ограничивается этим. Куда более глубоким и важным было то, что оба они принесли народу «книгу Завета». Моисей принес ее с горы Синай; Иошиягу нашел в Храме. Та же Вторая книга Царств повествует, что на восемнадцатом году царствования (то есть в 622 году до н. э.) царь при-

казал провести очистку Храма и во время этой очистки первосвященник Хелкия (Хилкиягу) обнаружил некую книгу, которую передал царскому писцу Шафану. «И читал Шафан ее перед царем. Когда услышал царь слова книги закона, то разодрал одежды свои... и собрали к нему весь народ... и прочел им все слова книги завета, найденной в доме Господнем... и заключил перед лицом Господним завет — последовать Господу и соблюдать заповеди Его и откровения Его и уставы... И весь народ вступил в завет».

Трижды повторенное слово «завет» не оставляет сомнений, что речь идет о повторении той великой церемонии, которая некогда произошла у горы Синай, где еврейский народ впервые целиком вступил в Завет с Господом. Вновь найденная «книга закона» возродила этот Завет. Ее обнаружение и последующая церемония общенародной клятвы в верности Господу стали сильнейшим стимулом ко всей религиозной реформе Иосии. Что же представляла собой эта загадочная книга?

Историки давно уже выдвинули предположение, что этой книгой было Второзаконие. Действительно, как мы помним, Второзаконие представляет собой «слова, которые говорил Моисей всем Израильтянам». Но в ней самой указывается, что, вписав свои слова в эту книгу, Моисей приказал левитам: «Возьмите сию книгу закона и положите ее одесную у ковчега завета...»

После завоевания Иерусалима и создания Храма ковчег был перенесен туда и помещен в Святая Святых. И именно в Храме первосвященник Хелкия обнаружил свою «книгу закона». Моисей во Второзаконии адресует свою книгу тем поколениям израильтян, которые «развратятся» и «уклонятся» от завещанного им пути, за что их «постигнут бедствия», — и книга Хелкии найдена именно в те времена как бы специально для того, чтобы вернуть евреев на правильный путь. Эти совпадения слишком знаменательны, чтобы счесть их случайными, и практически все сегодня согласны, что «книгой Завета» царя Иосии является Второзаконие.

Это, однако, не разрешает вопроса о ее авторстве. Вокруг этого вопроса идут давние споры. Я уже говорил, что сомнения в Моисеевом авторстве Пятикнижия высказывались еще

в Средние века. Эти сомнения распространялись и на Второзаконие. В 1805 году немецкий ученый де Ветте предположил, что эта книга была написана не Моисеем, а кем-то из приближенных царя Иосии с нарочитой целью побудить к проведению религиозной реформы и дать ей впечатляющее сакральное обоснование. Действительно, трудно представить более впечатляющее для народного воображения событие, чем находка древнего свитка Закона, написанного самим Моисеем и в первых же словах призывающего к прекращению жертвоприношений «на высотах» и к централизации всех культовых церемоний в Храме. «И более выгодное для царя и левитов Храма», — добавлял де Ветте. По мнению немецкого историка, Второзаконие было «благочестивой подделкой», обманом, совершенным в благих целях, творением самого Хелкии или писца Шафана, а то и целой группы придворных, окружавших и направлявших молодого (26-летнего в ту пору) царя.

Теория де Ветте подверглась основательной критике. Окончательный удар по ней нанес в 1943 году другой немецкий ученый, Мартин Нот. Он обратил внимание на поразительно тесную связь между Второзаконием и последующими, чисто историческими хрониками ТАНАХа — Книгами Иисуса Навина, Судей, Первой и Второй Царств. Второзаконие завершается смертью Моисея в Заиорданье, «напротив Иерихона», а Книга Иисуса Навина начинается с перехода евреями Иордана и завоевания Иерихона. Второзаконие пронизано предсказаниями тех событий, которые осуществляются в исторических хрониках, описывающих последующие столетия. Его законодательные предписания излагаются как назидания на будущее («Когда вы овладеете этой землей...» — делайте то-то и то-то; «Когда вы отвернетесь от Господа...» — вас постигнет то-то и то-то; «Когда Господь, Бог ваш, рассеет вас среди других народов...» — это будет наказанием за то-то и то-то).

Иными словами, Второзаконие в целом имеет характер своеобразного исторического пророчества, некоего сквозного мотива всей дальнейшей еврейской истории, описанной в книгах танаховских «хроник». Но его связь с этими хрониками оказывается намного глубже. Второзаконие объединяет

с ними не только преемственность и непрерывность рассказа, но также единство стиля и многих лингвистических особенностей. Все эти книги связаны цельной и целенаправленной композиционной структурой: Второзаконие занимает в ней место исторического и идейного предисловия, хроники — место «собственно содержания», призванного проиллюстрировать провозглашенную в предисловии центральную идею: все происходящее с еврейским народом обусловлено (и объясняется) исполнением или неисполнением Божественных заповедей. Не случайно все древнееврейские цари, от Саула и до Иосии, оцениваются в «хрониках» исключительно с этой точки зрения. При этом обо всех них сказано, что они «творили зло перед лицом Господа»; не обойден даже Соломон (его царство распалось «за грехи его»); и исключение сделано только для троих — Давида, Езекии и Иосии: первый удостоился особого, индивидуального завета с Господом, по которому его династия «пребудет вечно», независимо от прегрешений Давидовых потомков; о втором уважительно сказано, что он «ходил путями Господними»; а третий, как мы видели, вообще приравнен к Моисею, ибо только о нем, как и о Моисее, сказано: «Подобного ему не было прежде его... и после него не восстал подобный ему».

Все эти факты побудили Нота высказать гипотезу, что указанные книги ТАНАХа образуют единый цикл, принадлежащий одному и тому же автору. Этот цикл Нот предложил называть «Дейтерономистской историей», а ее неведомого автора — «Дейтерономистом» (или сокращенно — D). Разумеется, Нот не мог отрицать, что в этом своде имеются многочисленные вкрапления других авторов. Детальность рассказа о приключениях Давида до его вступления на трон выдает в его авторе человека, близкого к Давиду; многие разделы Книг пророка Самуила (то есть Первая и Вторая книги Царств), по мнению специалистов, принадлежат особому автору. Тем не менее «Дейтерономистская история» в целом демонстрирует почти очевидные признаки того, что она является произведением одного гения.

Этот неведомый автор обработал все доступные ему прежние источники и рассказы таким образом, чтобы они служили раскрытию его центральной идеи, пронизывающей, одушев-

ляющей, организующей и осмысляющей эту грандиозную эпопею национальной истории. Желая утвердить эту идею в сознании единоплеменников, он умышленно приписал ее авторство и авторитет великому Моисею, любимцу Господа. Именно поэтому он предпослал всему своему циклу «предисловие» в виде книги Второзакония. Эта книга была для него главной, важнейшей книгой цикла, где он изложил свое представление о сквозном законе еврейской истории. Возможно, пишет Нот в заключение, это вообще была его единственная собственная книга — во всем остальном цикле он выступал, скорее, как гениальный составитель и редактор, отбирающий и соединяющий чужие источники так, чтобы наиболее ярко и убедительно проиллюстрировать неумолимое действие этого закона в реальной истории еврейского народа.

Кто же был этим загадочным «автором»? Когда он жил? И могло ли быть, что имя столь гениального писателя, создателя грандиозной общенациональной эпопеи, не сохранилось в еврейской истории?

Гипотеза Мартина Нота получила подтверждение и развитие в работах двух других современных исследователей — американцев Франка Гросса и Баруха Гальперина. Эти работы позволили не только установить время создания грандиозного «Дейтерономистского цикла», но и высказать предположение о личности его автора.

В предыдущей главе мы говорили о том, что автор этот подчиняет весь свой цикл доказательству некой общей религиозной идеи: судьбы еврейского народа зависят от исполнения или неисполнения им Господних заповедей. Этот критерий он прилагает и к оценке деятельности различных царей, о которых рассказывает в своих «хрониках». Почти все эти правители получают у автора однообразно-негативную оценку: «И делал он неуютное в очах Господа». И только для двух, как уже сказано, сделано исключение. Это Езекия, правивший в Иудее во времена падения Израильского царства (727–696 годы до н. э.), и его правнук Иосия, время правления которого (640–609 годы до н. э.) непосредственно предшествовало падению самой Иудеи под натиском вавилонян. Об этих правителях одобрительно говорится: «И делал он уютное в очах Господних».

Объяснить эту исключительность политическими успехами обоих царей невозможно: хотя каждый из них пытался проводить независимую политику и предпринимал попытки расширения Иудеи за счет бывшего Израиля, обе эти попытки закончились плачевно: Иерусалим при Езекии был осажден ассирийцами Синаххериба, отступившими только после получения огромной дани и признания зависимости Иудеи от Ассирии, а выступление Иосии против ассирийцев (уже во времена их борьбы с вавилонянами) завершилось гибелью самого царя в сражении при Мегиддо; через четыре года после этого победоносные вавилоняне вторглись в Иудею, а еще через двадцать лет полностью завоевали ее и ликвидировали Давидову династию, которой Яхве, по утверждению автора «Дейтерономистской истории», обещал вечное правление. Последний царь этой династии Седекия (Цидкиягу) был ослеплен и вместе с основной частью народа отправлен в вавилонский плен, его дети были убиты, а иерусалимский Храм разрушен.

Даже самый патриотически настроенный автор вряд ли назвал бы «угодными Господу» эти несчастливые политические затеи, навлекшие на страну разрушения и беды. Особое отношение Дейтерономиста к Езекии и Иосии явно продиктовано иными причинами. И действительно, в его рассказе о них основное внимание уделяется не столько политическим акциям обоих царей, сколько инициированным ими религиозным реформам. Этот рассказ рисует Езекию и Иосию решительными и последовательными борцами против местных культовых традиций и за централизацию культа Яхве, то есть исполнителями той заповеди, которую особенно настойчиво подчеркивает Второзаконие («Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах, и на холмах, и под всяким ветвистым деревом... не то должны вы делать для Господа, Бога вашего, но к месту, которое изберет Господь, Бог ваш, чтобы пребывать имени Его там, обращайтесь, и туда приходите, и туда приносите... жертвы ваши»). Это делает понятным, почему Дейтерономист восхваляет именно тех двух царей, которые предприняли религиозную реформу, направленную на такую централизацию.

Гросс обратил внимание на тот факт, что из этих двух любимцев автора Иосия выделен особо. В историческом цикле Дейтерономиста ему отведено поистине выдающееся место. Его религиозным реформам посвящены две полные главы этого цикла (22-я и 23-я во Второй книге Царств). Он постоянно сравнивается с самим Моисеем. Только о них двух в ТАНАХе сказано — и притом подчеркнуто одинаковыми словами, — что они «возлюбили Господа всем сердцем своим, и всей душою своею, и всеми силами своими». Только о них двух сказано — и опять подчеркнуто одинаковыми словами, — что «подобного ему не было прежде его... и после него не восстал подобный ему». Но Гросс подметил и еще одно, вовсе уникальное свидетельство особого внимания Дейтерономиста к личности Иосии. Речь идет о пророчестве, произнесенном за 300 лет до воцарения этого правителя Иудеи, еще во времена первого израильского царя Иеровоама. Тот, едва отделившись от Иудеи, воздвиг — в противовес иерусалимскому Храму — собственные святилища в Вефиле и Дане. Третья книга Царств, рассказывая об этом событии, внезапно прерывает свое повествование, дабы сообщить, что в этот момент «человек Божий пришел из Иудеи в Вефиль... и произнес слово Господне, и сказал: жертвенник! жертвенник!.. вот, родится сын дому Давидову, имя ему Иосия, и принесет на тебе в жертву священников высот... и человеческие кости сожжет на тебе» (Третья книга Царств, 13:1–2).

Это прямое название имени будущего царя и само по себе уникально: ему нет аналогов во всем ТАНАХе. Но еще более поразительно, что спустя несколько десятков страниц (и, как уже сказано, спустя триста лет), уже в Четвертой книге Царств, рассказывая о временах Иосии, автор специально упоминает об исполнении древнего пророчества: «Также и жертвенник в Вефиле, высоту, устроенную Иеровоамом... он разрушил... и взял кости из могил, и сжег на жертвеннике... по слову Господню, которое провозгласил человек Божий, предрекший события сии» (Четвертая книга Царств, 23:15–16). С помощью этой, явно продуманной связки Дейтерономист представляет еврейскую историю от времен Иеро-

воама до эпохи Иосии как предвестие религиозных реформ этого последнего.

Все эти детали побудили Гросса еще в 1973 году предположить, что автор «Дейтерономистской истории» жил и творил именно во времена Иосии и был страстно заинтересован в успехе его религиозной реформы, считая ее (в общем духе своего понимания законов еврейской истории) судьбоносной для еврейского народа. Однако другой американский исследователь, Эрнест Райт, подверг эту гипотезу резкой критике. Он указал на тот факт, что в «Дейтерономистской истории» изложение доведено до гибели Давидовой династии, а это не согласуется с проходящим сквозь все книги этого цикла утверждением, будто Господь обещал «дому Давида» вечное правление. Критика Райта побудила Гросса уточнить свою гипотезу. В последующих работах он предположил, что у «Дейтерономистской истории» было два автора. Первый действительно жил во времена Иосии, когда еще не были ясны ни судьба затеянной царем религиозной реформы, ни судьба самой Давидовой династии, второй же, по мнению Гросса, дописывал печальный конец этого цикла уже в вавилонском плену, не очень заботясь (в силу трагических обстоятельств) о том, чтобы согласовать и «причесать» весь текст под одну гребенку.

В такой видоизмененной форме гипотеза Гросса была принята большинством современных исследователей ТАНАХа, и сегодня мы можем говорить, что новейшая библеистика признает неведомого «первого Дейтерономиста» современником царя Иосии. Тем самым она принимает за данность, что Второзаконие и примыкающий к нему цикл исторических «хроник» были собраны, обработаны и частично заново написаны одним человеком, жившим в самом конце VII века до н. э., за каких-нибудь два десятилетия до разрушения первого Храма и гибели Давидовой династии. Быть может, он даже успел дожить до этих страшных событий, похоронивших все его мечты и надежды на религиозное обновление еврейского народа. А мечты и надежды эти были, бесспорно, пламенно-сильными — недаром же он сравнивал своего героя, царя Иосию, с величайшим еврейским религиозным ре-

форматором всех времен — самим Моисеем. Эта пламенная религиозная пылкость сближает Дейтерономиста с самыми выдающимися еврейскими пророками. Не среди них следует ли его искать?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к результатам другого исследователя «Дейтерономистского цикла» — уже упомянутого выше Баруха Гальперина. Эти результаты позволяют еще более сузить тот круг людей, из которого вышел «Первый Дейтерономист». Работа Гальперина была опубликована в 1974 году, когда этот молодой ученый только оканчивал Гарвардский университет. В своей работе, посвященной Второзаконию, Гальперин собрал ряд неоспоримых фактов, свидетельствующих о том, что главная, «законодательная» часть книги (главы 12–26-я) восходит к источникам, которые, по всей видимости, сложились намного раньше эпохи Иосии, возможно, даже за столетия до этой эпохи. Многие ее предписания отражают обычаи намного более древних времен, в некоторых случаях — даже более ранних, чем времена Объединенного царства. Например, перечисленные там законы призыва народа на войну соответствуют системе всеобщей мобилизации колен, характерной для Эпохи судей: с появлением у евреев царей ополчения отдельных колен были заменены профессиональной царской армией. Но с этими древними предписаниями соседствуют другие, явно выдающие свое более позднее происхождение, — например, настойчиво подчеркиваемый и страстный призыв к борьбе с местными культами (жертвенниками на «высотах»). Иными словами, Второзаконие имеет более сложный характер, чем полагали прежние исследователи: древний источник здесь включен в более позднюю общую рамку, созданную, судя по всему, уже во времена борьбы за централизацию культа Яхве. Анализируя эту рамку, Гальперин пришел к выводу, что книга в целом, судя по всему, была написана во времена Иосии, что подтверждает гипотезу Гросса.

Далее, однако, Гальперину удалось продвинуться намного ближе к загадке авторства Второзакония — а стало быть, если верить Ноту, и всего «Дейтерономистского цикла». Он обратил внимание на то, что более поздние предписания книги явно свидетельствуют о ее «пролевитской» направленности.

Эти предписания ограничивают право царей накапливать богатства и наложили, что никак не соответствует царским интересам. Такие особенности трудно согласовать с предположением, что книга возникла при царском дворе. С другой стороны, она предписывает царям следовать советам левитов и пророков, а народу — обеспечивать служителей Яхве всем необходимым для жизни. По мнению Гальперина, эти особенности позволяют думать, что Второзаконие возникло в кругу левитов Иудеи — современников Иосии. С этим предположением согласуется и общая религиозная направленность книги и всего «Дейтерономистского цикла». Остается выяснить, интересы какой именно группы левитов этот цикл отражает.

То не могли быть, говорит Гальперин, первосвященник и другие законослужители иерусалимского Храма. При всем упоре на необходимость централизации культа в «избранном Господом месте» «Дейтерономистский цикл» нигде не упоминает, что таким местом должен быть иерусалимский Храм. Создателем книги не мог быть и провинциальный, «деревенский» левит из числа тех, кто проводил богослужения «на высотах», — ведь предписания Второзакония направлены именно против них. Перебрав, таким образом, все возможности, Гальперин приходит к выводу, что религиозный кодекс Второзакония полнее всего совпадает с интересами и характером потомков давних левитов Силома, того первого религиозного центра древних евреев, откуда вышел и автор «элоистского» текста Торы. Действительно, эта группа имела все основания стремиться к централизации культа; будучи отлученной Иеровоамом от храмов, она издавна нуждалась в помощи народа; она принимала власть царя, но хотела ее ограничения; она была резкой противницей сползания монархии в идолопоклонство; наконец, она еще хранила память о домонархических порядках (частично сохранявшихся среди северных, израильских колен до самого падения Израиля).

Кто-то из этих левитов, продолжает Гальперин, мог еще во времена существования Израильского царства (то есть до 722 года до н. э.) записать древний устный закон и обработать его так, чтобы он соответствовал интересам данной жре-

ческой группы; а после падения Израиля этот драгоценный свиток мог быть унесен (для его спасения) в Иудею. Разумеется, этот первый составитель «кодекса Второзакония» не был искомым нами Дейтерономистом — он жил на добрых сто, а то и больше лет раньше него. Этот предтеча Дейтерономиста попросту зафиксировал давнюю традицию. Дейтерономист же, уже во времена Иосии, воспользовался этим источником и положил его в основу своей грандиозной схемы еврейской истории. Он прибавил к «кодексу жрецов Силома» свое историческое вступление, в котором описал деяния Моисея, а также заключение, в котором рассказал, как умирающий Моисей записал «книгу Закона» (то есть Тору) на свитке и велел положить этот свиток в Ковчег Завета, где он и был «найден» во времена Иосии. Так возникла совершенно новая книга — та, которую мы ныне называем Второзаконием и которую Дейтерономист сделал началом и основой им же созданного исторического цикла, излагающего всю еврейскую историю как последовательное развитие нескольких центральных сюжетов — верности/неверности Яхве; завета Бога с Давидом и его династией; идеи централизации культа и борьбы с местными святилищами; Моисеева Закона. Благодаря такому построению все важнейшие события этой истории получили у Дейтерономиста единообразное причинное объяснение; вся она обретает глубокий религиозный смысл и целенаправленность. Ее конечной целью становится создание религиозной утопии, начатое царем Иосией, нашедшим спрятанную Моисеем Тору и решившим поступать в строгом соответствии с ней.

Но если все положения Закона, исполнение которых Дейтерономист считает обязательным для выживания еврейского народа, соответствуют принципам «кодекса жрецов Силома», то и сам этот автор, заключает Гальперин, скорее всего, тоже принадлежал к потомкам этих жрецов. В таком случае он, как и они, должен был вести свою родословную от Моисея (а не от Аарона, как левиты Иерусалима). Это предположение действительно подтверждается текстом цикла: в нем прославляется Моисей и всего лишь дважды упоминается Аарон — один раз, чтобы сообщить, что он умер раньше Моисея, второй — чтобы напомнить, что Господь готов был

истребить его за создание золотого тельца. Подобно жрецам из Силома, Дейтерономист недоброжелательно относится к Иеровоаму и Соломону: его герои, религиозные реформаторы Езекия и особенно Иосия, уничтожают идолов Вефиля и Дана, созданных Иеровоамом, и медного змия, установленного Соломоном.

Итак, автора «Дейтерономистской истории» следует искать среди современников царя Иосии, симпатизировавших религиозной реформе царя (или даже инициировавших ее) и одновременно принадлежавших к числу потомков жрецов из Силома, бежавших в Иудею за столетие до того, после разрушения Израильского царства. В то же время чисто литературные особенности «Дейтерономистского цикла», как мы уже говорили выше, сближают этого автора с еврейскими пророками. Исходя из этих двух примет, Гальперин решил проверить, не было ли среди современников Иосии человека, удовлетворявшего обоим требованиям сразу. И он действительно нашел такого человека. По утверждению Гальперина, им был не кто иной, как великий пророк Иеремия (Иермиягу). Именно Иеремия, по мнению Гальперина, был создателем книги Второзакония и всего «Дейтерономистского цикла» в целом. По его гипотезе, он и есть искомый всеми гениальный Дейтерономист.

Эту дерзкую гипотезу, разумеется, трудно принять на веру. Но оказывается, у нее есть убедительные основания. Прежде всего, это особое место, отводимое в цикле царю Иосии. Из Книги пророка Иеремии известно, что он был пылким сторонником царя Иосии и его реформ, что его пророческая деятельность началась во времена этого царя и что именно он после гибели царя составил «Плач на смерть Иосии». Далее, для всего «Дейтерономистского цикла» характерна сквозная мысль о том, что зигзаги еврейской истории определяются прежде всего и более всего выполнением или невыполнением евреями заповедей Господних. Но в точности та же мысль является главной и для пророческой Книги Иеремии: в ней он предсказывает Иудее судьбу Израиля, поскольку она, как некогда Израиль, «отступила от Завета», и видит в вавилонянах орудие этой Божьей кары (кстати, именно поэтому он призвал евреев покорно подчиниться вавилонянам, сдав им

Иерусалим, и даже, кажется, подобно Иосифу Флавию, пытался перейти на сторону врага).

У гипотезы Гальперина есть и более конкретные подтверждения. Оказывается, Иеремия был связан со всеми теми людьми, которые имели отношение к «находке» книги Второзакония в Храме. Например, письмо пророка к евреям, находившимся в вавилонском плену, было послано через Гемарию, сына первосвященника Хелкии, и Елиасу, сына писца Сафана (Шафана). Пророчества Иеремии, направленные против преемника погибшего Иосии, царя Иоакима (Иегоякима), были зачитаны при дворе другим сыном Сафана, тоже Гемарией. Тот же Гемария и его брат Ахикам спасли пророка от побоев камнями за эту книгу. А сын Ахикама (и внук Сафана) Гедалия, которого вавилоняне назначили наместником завоеванной ими Иудеи, взял пророка под свое покровительство. Когда Гедалия был убит восставшими иерусалимцами и на Иудею двинулись разгневанные этим вавилоняне, пророку пришлось бежать, вместе с остатками населения города, в Египет (где он и умер). Все эти факты свидетельствуют о том, что Иеремия имел прямое касательство к тому кругу, где появилась (была «найдена») книга Второзакония, так удачно обосновавшая реформы царя Иосии. И в этом кругу пророк был «своим». Судя по сказанному, то был круг главных инициаторов религиозных реформ, а затем — наиболее влиятельных сторонников проававилонской политики при дворе иудейских царей. В этом кругу Иеремия, несомненно, был человеком самого большого литературного дарования, как о том свидетельствует его собственная пророческая книга. Поэтому было бы только логично заключить, что, когда здесь возникла идея создать убедительное обоснование актуальности и важности религиозных реформ («восстановления Завета») в виде какой-нибудь книги или цикла книг, за реализацию этого замысла взялся именно Иеремия.

Тому есть и косвенное свидетельство: многие литературные особенности пророческой книги Иеремии дословно соответствуют особенностям стиля Второзакония и «Дейтерономистского цикла» в целом. Иеремия, например, пишет: «Обрежьте себя для Господа и снимите крайнюю плоть сердца своего...» — а во Второзаконии мы читаем: «Обрежьте

крайнюю плоть сердца вашего...» У Иеремии: «...перед всем воинством небесным»; во Второзаконии: «...перед всем воинством небесным». У Иеремии: «...из земли Египетской, из железной печи»; во Второзаконии: «...из печи железной, из Египта». И так далее.

На основании всех этих многозначительных совпадений и фактов Гальперин и заключил, что религиозный закон, составляющий основу Второзакония, равно как и весь «Дейтерономистский цикл», содержащий книги ТАНАХа, а также Книга пророка Иеремии вышли из одного и того же круга людей, к которому принадлежал и сам пророк. В этом кругу Иеремия действительно кажется самым вероятным автором. И эта вероятность становится еще выше, если учесть одно дополнительное обстоятельство.

Гипотеза Гальперина была развита Ричардом Фридманом, который показал, что окончание «Дейтерономистского цикла», описывающее начальный период вавилонского плена (и созданное, следовательно, уже после взятия Иерусалима вавилонянами в 597 году до н.э.), было, скорее всего, дописано тем же Иеремией, но уже после его бегства в Египет. Мы не будем приводить здесь все аргументы и доводы Фридмана, отметим лишь, что в заключение своего анализа Фридман напоминает о любопытном подтверждении из самого неожиданного источника — Талмуда. Оказывается, та же талмудическая традиция, которая приписывает авторство Пятикнижия Моисею, а Книги Иисуса Навина — самому Иисусу Навину, утверждает, что автором двух последних Книг Царств был пророк Иеремия!

Отмечу одну любопытную деталь. В Книге пророка Иеремии часто упоминается писец «Варух, сын Нирии». О нем известно, что он переписывал для Иеремии ряд документов, был близким к нему человеком и отправился с ним в изгнание в Египет. И вот в 1980 году израильский археолог Нахман Авигад нашел оттиск печати, запечатленный на древнем (между VII и VI веком до н. э.) папирусе, где совершенно ясно и недвусмысленно читается: «Принадлежит Варуху, сыну Нирии, писцу»! Это был первый в истории предмет, лично связанный с человеком, имя которого упоминается в тексте ТАНАХа. И какого человека — писца пророка Иеремии!

Теперь, завершив затянувшийся рассказ о создании и авторстве Второзакония, мы должны сделать еще одно, последнее усилие и разобраться в том, что говорит библейская критика о двух оставшихся главных источниках (или, как их еще называют, «документах»), из которых состоит еврейская Библия, — текстах Жреца и Редактора. Кто их авторы, когда они были созданы, каковы их исторический контекст и значение?

Грубо говоря, текст Жреца, или Р, — это все то в Пятикнижии, что не есть Е, J или D. Вообще-то можно было бы ожидать, что этот «остаток» представляет собой беспорядочную смесь всевозможных вкраплений. Но поразительный факт (обнаруженный уже первыми исследователями Библии) состоит в том, что если вычленишь из Торы такой остаток, то окажется, что на самом деле он представляет собой вполне связный текст, некое особое повествование, которое почти без пропусков излагает примерно то же, что и текст Е — J, — всю историю мира, от сотворения до праотцев, и всю историю евреев, от праотцев до египетского рабства, исхода и возвращения в Ханаан. К этой обширной исторической части автор Р добавляет еще более пространную обрядово-культовую часть, которой почти не было в Е и J. Из нее видно, что, в отличие от авторов текстов Е и J, автора Р вопросы культа и его исполнения интересуют едва ли не в первую очередь. Не случайно они занимают основную часть его текста — половину Книги Исхода, половину Книги Чисел и почти всю Книгу Левит. А в целом текст Р оказывается самым большим в Пятикнижии — его объем равен объему всех трех остальных источников, вместе взятых. И при этом весь он лингвистически и стилистически однороден и индивидуален, как может быть однороден лишь текст, принадлежащий перу одного автора.

Уже в 1833 году Э. Рейсс обратил внимание на тот странный факт, что в книгах пророков имеются отсылки лишь к тексту Е и J, но не упоминаются те пункты (заповеди) Закона, которые содержатся у Р. Из этого он сделал вывод, что текст Р был записан позже основных пророческих книг. Поскольку эти книги (Исаии, Иеремии и Иезекииля) были завершены уже после разрушения первого Храма, во времена

вавилонского плена, следовало предположить, что в эпоху первого Храма текст Р еще не существовал. Поэтому Рейсс отнес его создание к более поздней эпохе, то есть ко временам второго Храма, то есть после возвращения из плена. Впоследствии ученик Рейсса, Граф, высказал предположение, что такая детальная разработанность указанных концепций, какая характерна для текста Р, может быть только результатом длительного религиозно-исторического развития. Упомянувшийся выше Вельхаузен, считая, что развитие еврейской религии шло от духовно-этического монотеизма к «бездуховной» жреческой теократии, а внешние формы религиозности развивались в сторону централизации культа, обратил внимание на то, что в тексте Р такая централизация упоминается как нечто само собой разумеющееся, то есть существующее и укоренившееся, а такое могло быть только на самом позднем этапе «жреческой теократии», установившейся в Иудее при Эзре (Ездre) и Нехемии (Неемии), после возвращения евреев из вавилонского плена.

Противники гипотезы Рейсса — Графа — Вельхаузена давно указывали на весьма важный сомнительный пункт в ней: если текст Р написан во времена Эзры, когда Храм играл центральную роль в религиозной жизни евреев, почему в самом тексте нет никаких упоминаний о Храме? Граф и Вельхаузен ответили на это утверждением, что такое упоминание есть, только «замаскированное»: повсюду, где в источнике Р идет речь о так называемой «Скинии Завета», «в действительности» подразумевается Храм. Действительно, размеры Скинии, указываемые в тексте Р, подозрительно точно соответствуют размерам Храма, названным в 6-й главе Первой книги Царств: если Храм имел 60 локтей в длину и 20 в ширину, то Скиния — 30 локтей в длину и 10 в ширину, то есть была ровно вдвое меньше. Исходя из этих соображений, Граф заключил, что никакой Скинии не было вообще (в самом деле — кто бы мог нести такое громоздкое сооружение по пустыне до самого Ханаана?!) и весь рассказ о ней придуман автором текста Р.

Но, как показали современные исследования, все эти хитроумные гипотезы были излишними. Гипотеза Графа — Вельхаузена о позднем происхождении текста Р оказалась

ложной в своих основных послылках. Сначала в Книге Иеремии, а затем в Книге Иезекииля были обнаружены хоть и многочисленные, но достаточно достоверные ссылки на источник Р. Их не могли найти раньше, потому что они были ссылками, так сказать, «от обратного»: Иеремия, например, цитировал Р, переворачивая — и тем самым отрицая — его текст. Там, где Р говорит: «В начале создал Яхве небо и землю, и земля была безвидна и пуста... и сказал Яхве: Да будет свет», Иеремия пишет: «Смотрю на землю, и вот, она безвидна и пуста, — на небеса, и нет на них света». Автор Р в Книге Левит говорит о «Торе (то есть о заповеди) всесожжении и жертв», а у Иеремии Господь провозглашает: «...отцам вашим Я не говорил и не давал им заповеди о всесожжении и жертве». И так далее, все в том же духе. Аналогичные скрытые переключки с Р имеются и у Иезекииля. Это означает, что пророкам данный источник был знаком и, стало быть, он существовал уже до разрушения первого Храма.

Что же касается «кратности» размеров Скинии и размеров Храма, то Ричард Фридман выдвинул предположение, принципиально противоположное гипотезе Графа—Вельхаузена: не Скиния была «придумана» автором Р по образцу существовавшего в его время Храма, а сам этот Храм (его Святая Святых) был задуман по образцу задолго до него существовавшей Скинии. Сама же она после постройки Храма была перенесена из Силома в Иерусалим и помещена во внутреннем храмовом помещении (то есть в Святая Святых). Иными словами, по Фридману, текст Р мог быть написан лишь в те времена, когда первый Храм еще существовал. По всей видимости, он был записан там же, где этот Храм находился, — то есть в Иудее, может быть — в самом Иерусалиме. Его автором был, скорее всего, храмовый священнослужитель (ибо весь текст, как мы уже отмечали, выражает интересы жреческой группы), а поскольку священнослужителями иерусалимского Храма были коэны-аарониды (прямые потомки Аарона), то и автор Р был, надо думать, одним из этих коэнов. Время создания текста можно еще более сузить. Как показал шведский ученый Мовинкель, автор Р целых 25 раз повторяет рассказы из объединенного текста Е — J (начиная с истории сотворения мира). А это значит, что он писал уже

после создания этого единого текста, то есть, как мы говорили выше, после 722 года до н. э. С другой стороны, текст Р, как мы видели, был известен пророку Иеремии, предположительно — автору «Дейтерономистского цикла», начатого при царе Иосии (639–609 годы до н. э.); стало быть, текст Н был написан раньше этого царствования. В целом это дает следующие (разумеется, гипотетические) временные рамки для его написания: между 722 и 639 годом до н. э.

Текст Р не имеет тех литературных и прочих достоинств, которые отличают тексты Е и J, но и он по-своему замечателен. Прежде всего, замечательны его повторы, или «дублиеты». Сравнение рассказов Р и Е—J сразу обнаруживает, что автор Р был решительно недоволен тем образом Бога, который возникал из книги его предшественника, и пытался последовательно провести свое, иное представление о Нем. Так, уже в первом дублиете (рассказ о сотворении мира) у Е—J сказано (Бытие 2:4): «Элоим создал землю и небо», а у Р (Бытие 1:1): «В начале сотворил Яхве небо и землю». Эта, казалось бы, простая перестановка слов — «небо и земля» вместо «земля и небо» — на самом деле скрывает за собой стремление придать Богу более «небесные», более трансцендентные черты. Автор Р решительно борется с той антропоморфизацией Бога, которая присуща Е и J. Бог Элоиста и Яхвиста ходит по райскому саду, разговаривает с первыми людьми, закрывает за Ноем и его семейством двери ковчега и с удовольствием обоняет запах жертвы (одного из семи «чистых» животных), принесенной Ноем по случаю завершения потопа. У Р этого Ноева жертвоприношения нет, ибо Ною велено взять с собой лишь одну (а не семь) пару от каждого вида «чистых» тварей, и он не может убить ни одну из этих тварей, ибо тогда не останется пары для размножения данного вида. Соответственно Р получает возможность изгнать из рассказа режущее его слух слово «обонять» применительно к Господу.

Господь у Р не обоняет, не ходит, не разговаривает, не творит людей «по Своему образу и подобию», ибо у Него нет «образа» — Он бестелесен и безлик. Он пребывает на небесах. Он — творец того грандиозного космического порядка, что запечатлен в Торе и является основой также и порядка

земного, подчиняющего себе всю жизнь еврейского народа: Храм, коэны, жертвы, праздники, строжайшее соблюдение заповедей и ритуала. Нарушителей этого порядка ждет суровое наказание, ибо если у Е—J Бог прежде всего «милосерд», «человеколюбив» и тому подобное (вспомним, как Он пощадил Исаака, как уступал Аврааму в торге за Содом и множество других аналогичных случаев), то P рисует Его прежде всего суровым и беспощадным (хотя и справедливым) судьей. Судьба бунтаря Корея (Кораха) и его сторонников, описанная в 16-й главе Книги Чисел, — яркая тому иллюстрация.

Все сказанное выше об особенностях текста P поддается обобщению: его автор как бы сознательно, шаг за шагом, противопоставляет Торе Е — J «свою» версию Торы, последовательно проводящую идею трансцендентного Божества вместо антропоморфного Бога и идеал еврейской теократии, возглавляемой жрецами-коэнами, вместо племенной демократии и светской монархии. Текст P написан в идеологической полемике с текстом Е — J; но если припомнить сказанное чуть выше о скрытой полемике Дейтерономиста с автором текста P, то мы увидим любопытную закономерность: все главные источники («документы») Торы написаны как идеологическое отрицание друг друга и каждый из ее авторов проводит свои религиозные идеи, воплощая их в своих рассказах и в их композиции.

Поэтому одна из самых поразительных особенностей Пятикнижия в целом состоит, пожалуй, в том, что какой-то безвестный (и, несомненно, гениальный) Редактор ухитрился так продуманно и искусно соединить все эти четыре разных и внутренне полемичных документа, что они образовали единое целое, и притом — не просто целое, а такое целое, которое превышает сумму своих частей. Дублированные рассказы стали оттенять и углублять друг друга в литературном, психологическом и смысловом плане (что, конечно, никак не могло быть задумано ни одним из авторов, который и предполагать не мог, что его текст будет соединен с текстами его антагонистов); а сама концепция Бога (то есть еврейского монотеизма) обрела глубочайшие взаимодополняющие измерения — отвлеченной трансцендентности и антропоморфного человеколюбия, гневной справедливо-

сти и любовного милосердия, качественной непостижимости и диалогической близости.

Такая редакция была, несомненно, творческим актом, который поставил Редактора вровень с титанами, составившими окончательный свод основных «источников» Торы. Кто мог быть этим Редактором? Многие исследователи полагают, что составление канонического текста Пятикнижия происходило не в один прием, а через множество этапов, возможно — в разные времена, и поэтому редакторов тоже было несколько. Мне более симпатична другая гипотеза, которая приписывает редактуру одному человеку — Ездру (*ивр.* Эзра), священнослужителю и «книжнику, сведущему в Законе Моисеевом», второму (после Моисея) «законоучителю» еврейского народа, который в 458 году до н. э. вернулся в Иудею с предписанием персидского царя Артаксеркса учить народ «закону Бога твоего, находящемуся в руке твоей».

«Закон, находящийся в руке...» — это наверняка свиток Торы, и мы действительно знаем, что главным деянием Ездры было перезаключение Завета евреев с Господом (Ездра 10:3).

Впрочем, может быть, это был вовсе не Ездра, а какой-нибудь иной, неведомый книжник тех же времен; а может быть, редакторов и в самом деле было несколько. Послепленные времена темны и загадочны: не известно, что происходило с евреями в вавилонском плену и египетском галуте; не известно, куда исчезли (именно в это время) Ковчег Завета и Скиния; не известно, куда девались потомки дома Давидова Шешбацар и Зоровавель, приведшие назад в Иудею первую группу отпущенных из плена евреев в 537 году до н. э. (они исчезают бесследно, так и не восстановив почему-то Давидову династию), и так далее. От всего почти 150-летнего периода, начиная с разрушения первого Храма (587 год до н. э.) и до составления Книги Ездры (после 458 года до н. э.), сохранилось лишь несколько имен, названных Ездрой в его книге, упоминание о постройке Шешбацаром и Зоровавелем неказистого второго Храма да рассказ об одном-единственном событии, которому, собственно, и посвящена Книга Ездры, — о расторжении им еврейских браков с нееврейками. Понятно, что в отсутствие других сведений исследователи невольно хватаются за тот скудный набор фак-

тов, который сообщает Ездра, и за него самого. Но все это не принципиально.

Принципиальным является вывод, который мы можем теперь сделать на основании всего сказанного. Этот вывод, подкрепленный всей совокупностью собранных за прошедшие два столетия культурно-исторических, лингво-текстологических и других фактов и их научного анализа, состоит в том, что ТАНАХ (во всяком случае, Пятикнижие, ибо мы говорили здесь преимущественно о нем) писался (записывался) на протяжении многих сотен лет разными людьми в разные исторические эпохи с разными целями. Таков в самом кратком виде суммарный итог всех библейских исследований. Подчеркнем, однако, снова: речь идет о составлении (порой на основе более древних источников) окончательных текстов. Это, несомненно, сделали люди. Но это не отвечает на вопрос: кто или что вдохновляло этих людей? Писали Е, J, P и D «по откровению Божьему» или по собственному, чисто человеческому вдохновению — это было и остается вопросом веры. Напомним в этой связи, что когда-то, еще в XIV веке, Йосеф Бонфильс, первый еврейский ученый, провозгласивший по поводу одного из стихов Торы, что «Моисей этого не писал», многозначительно добавил: «Впрочем, что мне до того, писал это Моисей или другой пророк, коль скоро слова всех этих людей суть истина, явленная в пророчестве».

Глава вторая

Библейские истории для взрослых

Название этой главы я заимствовал у одного из любимых мною фантастов, Джеймса Морроу, а посвящена она продолжению начатого в предыдущей главе разговора об авторстве Пятикнижия, еврейской Торы.

Как уже говорилось в предыдущей главе, критическое исследование библейского текста началось уже давно, и к сегодняшнему дню установлено, что авторов у Торы было по меньшей мере четыре. А кроме того, был еще Редактор (который произвел окончательную ревизию всего текста в це-

лом после возвращения евреев из вавилонского плена), а также, возможно, многочисленные другие авторы более мелких разделов текста, но это уже частности, и мы не будем о них говорить.

Научное изучение ТАНАХа далеко еще не закончено и, наверное, не закончится никогда, потому что книга эта таит в себе бесчисленное множество исторических, литературных и чисто смысловых загадок. Поэтому в области исследования ТАНАХа еще существует поле для самых смелых гипотез. И в этой главе я как раз хочу рассказать об одной из них. Она связана с самым интересным для исследователей (потому что самым древним) текстом канона — текстом J — и с самой интересной для них (потому что самой запутанной) загадкой о времени и месте его написания. Как я уже говорил, эта загадка частично уже решена: среди специалистов царит согласие, что этот текст был написан в X веке до новой эры в Иерусалиме, при дворе царя Соломона. Но в библеистике всегда найдется место для других гипотез. Та, о которой я намерен сейчас рассказать, идет вразрез с устоявшимся мнением и предлагает совершенно иную трактовку как истории, так и содержания текста J. Нам это особенно интересно, потому что полутно авторы предлагают весьма оригинальное и смелое прочтение древнейшей еврейской истории, способное серьезно поколебать все наши представления. И точно так же они разрушают все наши сложившиеся представления о смысле важнейших эпизодов Торы. Я не хочу этим сказать, что все, что они пишут, истина в последней инстанции; это, конечно, только научная гипотеза. Но очень уж необычная. И очень увлекательная — как очередной исторический детектив.

Авторы этой незаурядной гипотезы — американский историк-библеист Роберт Кут и священник Дэвид Орт. Они сделали следующее: вычленили из общего текста Торы текст, принадлежащий J, заново перевели его на современный английский язык и снабдили пространным комментарием.

Тут и появляются неожиданности. Они подстерегают нас с самого начала. С чего вообще начинается Тора? С рассказа о шести днях творения. Так вот, в тексте J этого рассказа не было. Он начинался иначе (я перевожу авторов, а они — вто-

рую главу книги Бытия, стихи 4–7): «В то время, когда Яхве, Господь, создал небо и землю — и прежде, чем появилось хотя бы первое плодовое дерево, и даже злаков еще не было на полях, потому что Яхве, Господь, еще не создал дождь на земле, и не было человека, чтобы обрабатывать эту землю, хотя ручьи уже вышли из земли той и увлажнили всю почву ее, в то время Яхве, Господь (обратите внимание, как старательно автор каждый раз подчеркивает, что Яхве — это Господь, то есть Бог; это нам еще понадобится. — *Р. Н.*), создал человека из праха земного, вдохнул в его ноздри дыхание жизни, и человек превратился в живое существо».

Далее следует знакомый рассказ о том, как Господь сотворил всех животных и привел их к Адаму, чтобы он дал им имя, но Адам не нашел среди них «помощника, подобного себе», и тогда Господь сотворил из его ребра Еву и назвал ее «иша» (женщина), потому что она плоть от плоти «иш» (мужчины). Текст продолжается до изгнания из рая: «И сказал Яхве, Господь: человек стал, как один из нас, /.../ и изгнал его из Эдема, чтобы возделывать землю, из которой он взят».

О чем же эта история? — спрашивают авторы. И тут же огорошивают нас ответом: «Рассказ J — это в первую очередь повествование, призванное разъяснить царское понимание необходимости труда всех его подданных. Этот рассказ является центральным во всем тексте J, и не случайно кульминацией этого текста (в Книге Исхода) является определение “Израиля” как всех тех, кто был освобожден из египетского рабства “мощной рукой” Яхве, Господа, — Бога еврейского царства».

Не правда ли, это заявление слегка напоминает кое-какие знакомые вульгарно-материалистические трактовки религиозных текстов в советской атеистической литературе? Не торопитесь; если бы речь шла об очередном атеистическом произведении, я бы не стал занимать ваше внимание. Авторы действительно хотят вернуть библейский текст на историческую почву, но идут серьезным научным путем. Свое утверждение они немедленно обосновывают сопоставлением этого текста J с другими, еще более древними ближневосточными сочинениями того же рода. И тут перед нами открывается совершенно нам неизвестный и поразительно увле-

кательный мир ближневосточной мифологии. Оказывается, уже за несколько столетий до текста J (напомним — считается, что он был создан в X веке до н. э.) в Вавилоне уже были записаны два грандиозных, основополагающих мифологических рассказа: «Энума Элиш», легенда о сотворении человека богом Мардуком, и «Атра-Хасис» — сказание о потопе. За последующие несколько столетий они настолько широко распространились по всему Ближнему Востоку и пользовались такой огромной популярностью, что наверняка были хорошо знакомы и самому J.

Теперь обратим внимание на крайне интересные детали этих рассказов. В «Энума Элиш» описывается, как бог Эа победил восставших богов Апсу и Тиамат и, «познав» свою жену Дамкину, родил бога Мардука. К этому-то Мардуку и являются «боги-рабочие», которые жалуются на свою трудную работу и тяжкую жизнь; тогда Мардук придумывает создать «луллу» (людей), которые трудились бы вместо богов, причем создать их из того бога, который подстрекал Апсу и Тиамат (помните: «Вот, Адам стал, как один из нас»? Немудрено, если он сделан из той же плоти!). Иными словами, люди созданы из плоти руководителя восстания; поэтому их обязанность работать — это не что иное, как наказание покаранному богу в лице его «потомков». Примерно такую же историю рассказывает «Атра-Хасис»: здесь жалующиеся на тяжкую работу боги приходят к Энлилю, и тот решает сделать людей («шупшикку», или корзину грязи) из глины, а также — опять! — из мяса и крови руководителя жалобщиков. «И пусть в этом мясе останется дух, и пусть скажут ему перед казнью о его судьбе, и дабы он не забыл, пусть дух его останется в них». Иначе говоря, дух покаранного бунтовщика будет напоминать людям о бесплодности всякой попытки отказа от труда; и чем больше будет их труд, и чем сильнее будет в результате «говорить» в них этот дух (то есть стучать от напряжения сердца), тем меньше будет у них соблазн бунтовать и жаловаться.

Тот же Энлиль является героем другого рассказа, в котором он, после создания неба и земли, создает соху, а в добавление к ней — человека, ибо «кто-то должен же обрабатывать эту землю этой сохой». А в древнеегипетском тексте под любопытным названием «Созданы ли люди так, что они

обладают равными возможностями?» (утверждается, кстати, что да) объясняется, что люди созданы со страхом смерти, «дабы не забывали трудиться во имя богов». Здесь, как и во всех других перечисленных выше текстах, в этих «богах», вместо которых должны трудиться простые смертные, легко угадываются правители и знать соответствующих земель. Ведь именно они считались земными воплощениями божества, и построенные ими храмы считались творениями Мардука, Энлиля или Баала. Поэтому и первая же заповедь Яхве, Господа, сообщенная Ною — «Плодитесь и размножайтесь» (и повторенная затем Аврааму в виде обетования сделать его потомство многочисленным, «как песок морской»), — имеет еще и тот практический смысл, что для труда «вместо богов» нужно много людей.

Есть, однако, труд и — труд. Из дальнейшего текста J (уже в Книге Исхода, в рассказе о египетском рабстве) становится очевидно, что Яхве, Господь (то есть Бог Израиля), категорически выступает только против одного особого вида труда, а именно — «египетского», то есть рабского труда, или барщины, которым — наподобие вавилонских богов — наказали людей боги Египта. Но Яхве, Господь, отнюдь не против труда вообще; напротив: уже в сцене изгнания из райского сада он приговаривает людей к пожизненному труду. Но к какому? К труду свободных земледельцев, а не рабов фараона. Таким образом, Яхве, Господь, оказывается уникальным богом: он расходится со всеми остальными богами региона в определении характера обязательного труда. Поэтому он стоит особняком в региональном пантеоне и вынужден бороться с другими богами за признание, вынужден отвоевывать у них «Свой» народ, который будет жить по Его, и только Его, заповедям. В сущности, вся история препирательств Моисея с фараоном и насланных Яхве на египтян «казней египетских» — это и есть история такой войны Яхве, Бога Израиля (о котором фараон презрительно говорит, что «не знает такого бога»), с богами Египта — и его конечного торжества над ними (в виде торжества над фараоном, которому они покровительствуют).

Почему же Яхве отвергает рабство и барщину? Потому что в его «понимании» (то есть в понимании еврейских ца-

рей, торопливо добавляют авторы) обязательный труд должен быть только таким, каким он сложился в Палестине, а не в каком-нибудь Египте, иными словами — трудом царских земледельцев, которые отдают десятину Богу, положенное — царю, а остальным распоряжаются сами. А почему то был именно такой, а не иной труд? Да просто потому, объясняют авторы, что именно такова была в те древние времена структура труда (и общества) на Палестинском нагорье, где и сложилось первое еврейское царство, признавшее Яхве, Господа, своим Богом, выведшим народ из рабства «рукою мощною, мышцей простертою». Кстати, в этой характеристике победоносного Яхве есть и свой насмешливый аспект: обычно обладателями «мощной руки», «сильной руки», «руки, способной пустить сразу десять стрел из одного лука» неизменно именовали себя на своих стелах египетские фараоны, возвеличивая тем самым своих богов; но вот — мышца Яхве оказалась сильнее!

Таким образом, рассказ об исходе — это страстное возвеличение Яхве, который мощнее всех других богов (прежде всего египетских), и одновременно — это возвеличение силы того царя (и народа), которому покровительствует такой Бог; и одновременно — это идеологическое обоснование власти этого царя и его законов (которые объявляют ся «заповедями Яхве»), а также обоснование необходимости труда (земледельческого, а не рабского) на этого правителя. Не удивительно, что Кут и Орт (как и наша еврейская традиция, кстати) считают рассказ об исходе центральным узлом всех основных мотивов текста J. Удивительней другое — что тотчас после такого признания они объявляют этот «центральный узел» полностью вымышленным! И это ведет нас напрямик к исторической части их гипотезы, не менее оригинальной и дерзкой, чем изложенная выше религиозная.

В этой части своей гипотезы Кут и Орт призывают нас принять как факт, что весь рассказ об Исходе в тексте J — вымышленная история! Не было исхода, не было Моисея, не было завоевания Ханаана и не было двенадцати колен, между которыми была разделена завоеванная земля. Так и хочется спросить: а были ли сами евреи? На это авторы твердо отвечают: были. Но история евреев выглядела иначе, не так,

как она излагается в тексте J, столь хорошо знакомом нам по ТАНАХу. Этот текст, говорят Кут и Орт, нужно перечитать под углом зрения того, что известно современной исторической науке.

Что же ей известно? Отбирая лишь то, что они считают «надежно установленными фактами» и «разумными гипотезами», авторы рисуют следующую картину. Незадолго до 1000 года до н. э. на Палестинском нагорье (то есть в нынешних Самарии и Иудее) располагались многочисленные деревни свободных еврейских земледельцев. Между деревнями высились отдельные города (разумеется, города в древнем понимании этого слова, то есть небольшие крепости, окруженные более или менее мощными стенами; Иерусалим принадлежал к их числу). Эти города нагорья были заняты египетскими гарнизонами, поскольку Египет — в ту пору сильнейшая держава Ближнего Востока — контролировал всю Палестину. И разумеется, нещадно эксплуатировал местное население (что и отразилось в рассказе о «египетском рабстве»). Возможно, имели место народные волнения (истории об этом ничего не известно, но этого нельзя исключить), и можно думать, что в таком случае египтяне очередной раз вторгались в страну, наводили порядок и затем хвастливо запечатлевали сей победный факт на стенах очередного фараона (именно так, по всей видимости, появилось и единственное сохранившееся упоминание такого рода — о побежденном «народе Израиль» на стеле фараона Мернепты, примерно в 1200 году до н. э.). Не удивительно, что Египет воспринимался как злейший и сильнейший враг, как постоянная опасность; не удивительно, что «антиегипетский мотив» пронизывает весь текст J, в котором постоянно повторяется одна и та же сказочная схема: еврейские герои (Иосиф, Моисей) побеждают египтян не числом, а умением, не силой, а хитростью. (Кстати, не исключено, добавляют авторы, что в рассказе о службе Иосифа у Потифара отразилась реальная история какого-нибудь местного еврейского аристократа, сотрудничавшего с египетским наместником в Палестине.)

Была и еще одна группа палестинского населения, которая видела в египтянах постоянную угрозу. То были «бедуинские» (по существу, те же еврейские) пастушеские племена,

чьи владения сплошным кольцом окружали нагорье. Собственно, и евреи-земледельцы, утверждают авторы, первоначально были пастухами, а их легендарный «праотец» Авраам — обычным «бедуинским» шейхом, такими же шейхами были и его потомки. Имена типа Авраам, Исаак, Иаков, говорят авторы, еще долго сохранялись среди тогдашних пастушеских племен, напоминая об общем происхождении евреев-земледельцев и евреев-пастухов. Постепенно среди тех и других сложилась традиция, возводящая это происхождение к общему предку Аврааму, что и было (полтысячелетия спустя) использовано в тексте J. Автор этого текста, выдающийся писатель-идеолог, искусно соединил земледельческие и пастушеские мифы об Аврааме и его потомках с идеей Яхве — Бога, покровительствующего Авраамову роду в его борьбе с Египтом.

Кут и Орт приводят ряд примеров такого соединения, из которых я для краткости выберу самый эффектный (он характеризует заодно и текстологические методы этих авторов). Речь идет о посещении Авраама «тремя ангелами», которых тот принимал и угощал под Мамврийским дубом (Бытие, 18:1–15), и «сказал один из них: Я опять буду у тебя в это же время [в следующем году], и будет сын у Сарры, жены твоей». Эта фраза вызвала у престарелой Сарры «внутренний смех», на что «ангел» (то есть Яхве) обиженно спросил: «Есть ли что трудное для Господа?» Смех Сарры, объясняют нам авторы, вызван был тем, что в этот миг она ощутила сексуальное наслаждение, род оргазма, ибо именно в этот миг Яхве «вошел» в нее, и она засмеялась от счастья. Когда же она выразила сомнение, что понесет, Яхве оскорбился: «Что, для Меня это такое чудо, что ли?» В сущности, здесь (куда живет и ярче, чем в Евангелиях) рассказана история непорочного зачатия, с добавлением существенной детали: поскольку своим поступком в отношении Сарры Яхве нарушил законы бедуинского гостеприимства, Он тотчас объявил, что сделал это ради великого дела размножения (не это ли Он первым делом заповедал Ною?), а в качестве «компенсации» обещал хозяину произвести от него «великий народ».

Такое соединение народных мифов с прославлением Яхве как гаранта величия народа, говорят авторы, позволило J сле-

лать свой текст, а заодно и монотеистическую идею самого Яхве приемлемыми для простого народа и тем самым достичь своей главной идеологической цели. Ибо, по мнению авторов, повторю, главная цель J состояла в том, чтобы утвердить в народе культ Яхве, чтобы с помощью этого освятить царскую власть, ее законы и необходимость крестьянского труда на царя и городскую знать. Авторы убеждены, что текст J, хоть и предназначался для «народа», был создан при царском дворе, выражал потребности царя и знати и отражал так называемую «высокую» традицию (этим словом историки обозначают традиции, сформировавшиеся в придворной среде грамотеев-писцов и жрецов-священников, в противоположность «низкой» традиции, то есть легендам и сказаниям народных слоев). Текст J, утверждают авторы, — это «высокая традиция» высших слоев, отражающая историю, какой ее видят эти слои, освящающая («сакрализирующая») эту историю с помощью ссылок на Божественное покровительство и навязывающая себя простому народу посредством искусного и намеренного включения в состав своей традиции элементов традиции «низкой», знакомой этому народу.

Поскольку этот текст, продолжают авторы, сложился спустя добрых 500 лет после описываемых в нем легендарных событий начальной истории народа, трудно думать, что он отражает какие-либо реальные исторические факты. Следовательно, такие древнейшие эпизоды текста, как история Авраама и его потомков, египетское рабство, исход и завоевание Ханаана, правильнее рассматривать не как отражение сохранившейся в народной памяти «истинной» древней истории еврейского народа (что мог помнить неграмотный народ о своей истории спустя 500 лет? Что, к примеру, помнили — и что знали — европейские крестьяне X века о событиях времен падения Римской империи, отдаленных от них на те же 500 лет?), а как аллегорическое отражение каких-то важных для автора, для его целей (то есть в конечном счете — для царского двора), и действительно реальных событий совсем недавнего прошлого. Иными словами авторы полагают, что J — под видом истории Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа, Моисея и Иисуса Навина — на самом деле излагает (в доступной «народу» мифологической форме, используя образы зна-

комых легендарных героев) историю царствующего правителя, создавшего еврейское государство. Кто же этот царь, кто истинный герой основного библейского текста, этой «книги J»? Иными словами, когда и где эта книга была написана?

Кут и Орт развивают свою гипотезу следующим образом. К 1000 году до н. э., говорят они, власть Египта над Ханааном резко ослабла. (Это действительно подтверждается документами того времени — перепиской египетских наместников в Сирии с фараонами, найденной при раскопках городища Эль-Амарна.) Причиной такого ослабления были, видимо, внутренние трудности Египта. Как бы то ни было, египетские гарнизоны в Палестине оказались отрезанными от своей страны. И тогда, надо думать, крестьянское население Палестинского нагорья воспряло духом. Пастушеские племена Южной Палестины и Синая тоже почувствовали вкус свободы. В сущности, произошло примерно то же, что в нашем веке на Ближнем Востоке, когда отсюда ушли великие державы, — регион впервые за долгие века оказался предоставлен сам себе. Открылось окошко «благоприятных возможностей», и можно думать, что освободившиеся народы не преминули им воспользоваться. Именно поэтому, утверждают авторы, в тогдашней Палестине и смогли произойти два важных события: население нагорья объединилось под властью единого царя (каковым оказался Саул), а среди евреев-пастухов появился свой собственный вождь-объединитель (каковым стал Давид — соперник Саула, бежавший к пастухам от преследований царя).

В этой части своей гипотезы Кут и Орт не одиноки и не оригинальны. Другие современные историки тоже признают историчность библейского рассказа о возникновении первого еврейского царства на Палестинском нагорье. Но каждый из них объясняет становление этого царства по-своему. Одни считают, что объединение нагорья произошло насильственным путем — в результате какого-то внешнего завоевания (может быть, тем же Саулом). Другие полагают, что это было результатом уже упоминавшегося крестьянского восстания против местных (и к тому времени ослабленных) египетских гарнизонов (причем кое-кто из сторонников данной гипотезы добавляет, что подняла крестьян на это восстание группа

религиозных египетских еретиков-монотеистов, бежавшая из Египта в Палестину). Наконец, третьи утверждают, что царство возникло в результате проникновения в Нагорье кочевников-пастухов из близлежащих степей Негева и Синая.

Оригинальность гипотезы Кута и Орта состоит в том, что она сочетает в себе непротиворечивые элементы всех трех вышеупомянутых теорий. Во-первых, она признает факт крестьянских волнений — по мнению авторов, это отразилось в рассказе о том, как «старейшины Израиля» потребовали себе царя (Саула). Во-вторых, она сохраняет и возможность участия каких-то пришлецов-монотеистов в этом воцарении: может быть, говорят Кут и Орт, пророк Самуил, так неохотно помазавший на царство Саула вопреки воле Яхве, и был одним из этих пришлецов, принесших в Палестину культ единого Бога. Но главное в этой гипотезе — предположение о том, что решающую роль в объединении всей (и земледельческой, нагорной, и пастушеской, степной) Палестины сыграло именно вторжение пастушеских племен с равнины в горную часть страны, до того управлявшуюся Саулом. Давид, утверждают авторы, как раз и был руководителем этого союза пастушеских племен; библейский же рассказ о «завоевании Ханаана» армиями Иегошуа Бин-Нун — это всего лишь отражение этого реального завоевания нагорья армией Давида.

Таким образом, центральную роль в гипотезе Кута и Орта играет Давид. По их убеждению, этот искусный стратег и прирожденный политик первым осознал и сумел использовать историческое «окошко возможностей», открывшееся в результате ослабления Египта. Потерпев поначалу поражение в борьбе с Саулом за власть над нагорьем, он бежал в южные степи и — посредством серии хитроумных военных и политических маневров — сплотил тамошние пастушеские племена в единый союз, своего рода племенную федерацию — сначала для организации коллективного заслона против возможного возвращения египетских армий (в этом он нашел поддержку филистимлян, осевших к тому времени на побережье), а затем — для вторжения в нагорье и овладения им. Сколотив такую федерацию, Давид возглавил ее и сделал своей столицей Хеврон — главный центр тогдаш-

ней пастушеской части Палестины. Здесь он, как следует из танахического рассказа, провел целых семь лет, все это время готовясь к вторжению в нагорье.

Достаточно усилившись (и попутно разгромив те пастушеские племена, которые не примкнули к созданной им федерации), Давид, наконец, вторгся в нагорную Палестину, захватил Иерусалим, перенес туда свою столицу и провозгласил себя царем. Земледельцы Палестины были обложены налогом, но зато получили право на свободный труд (которого были лишены под властью египетских наместников, в «египетском рабстве») и гарантии защиты от египетских притязаний. А пастушеские племена, в благодарность за поддержку, получили право беспрепятственного пользования пастбищами нагорья: оно было разделено на 12 районов, каждый из которых был закреплен за тем или иным племенем. Отсюда, говорят авторы, и пошла история «двенадцати колен»: по их мнению, она была придумана задним числом, чтобы оправдать такой «раздел» Палестины. Что же до названий этих уделов — «удел Дана», «удел Иуды» и так далее, — то они, говорят Кут и Орт, попросту отражают имена тогдашних пастушеских вождей — союзников Давида: ведь и они были такими же евреями, как земледельцы нагорья; поэтому среди них были распространены те же имена.

Такова в самых общих чертах та историческая гипотеза, которую предлагают Кут и Орт в своей книге «Первый текст Библии». Гипотеза, надо признать, довольно революционная. Ведь если вдуматься, авторы утверждают не более не менее, что вся танахическая история евреев, все ее события, от прихода Авраама в Ханаан и до Моисея и Иисуса Навина, впервые зафиксированные в тексте J, есть на самом деле не что иное, как продуманная и сознательная аллегория. По глубокому убеждению авторов неведомый (и, несомненно, гениальный) J попросту описал в своем тексте историю воцарения Давида, спроецировав ее в легендарное еврейское прошлое и «поделив» между легендарными героями. Но отсюда следует, что не правы были все те историки, которые много десятилетий подряд считали, что текст J был создан при дворе Соломона.

На самом деле, говорят авторы, он был создан именно при дворе Давида, который первым сумел использовать предоставленную историей короткую передышку для объединения всех еврейских племен — как земледельческих, так и пастушеских — в единое царство (Саул еще правил только в нагорье). Именно Давиду и понадобилась собственная «придворная» история, которая прославила бы его деяния и утвердила бы его власть в сознании подданных. Передышка эта продолжалась всего 60 лет: как мы знаем, к концу царствования Соломона первое объединенное еврейское царство распалось на Иудею и Израиль. Авторы полагают, что это было вызвано тем, что к тому времени Египет снова укрепился и его «агентура» в Палестине спровоцировала этот раскол, чтобы ослабить и подчинить евреев. Но в эпоху Давида, заключают авторы, евреи успели получить не только собственное национальное государство, но также собственный национальный миф и собственную национальную идеологию — как раз в виде текста J, этой первой версии ТАНАХа, навеки сплотившего евреев если не территориально, то духовно.

Этот текст, по мнению Кута и Орта, был создан с осознанной целью укрепления новорожденной монархии и освящения ее родословной и ее претензий посредством культа Яхве. Не случайно культ этот в тексте J — подчеркнуто «пастушеский», «палаточный», не знающий никакого Храма; во времена Соломона, строителя иерусалимского Храма, такой пастушеский культ был бы уже немыслим. Текст J сделал главными героями еврейской истории не земледельческих, а пастушеских вождей, этих подлинных хозяев нового государства и его аристократию. Он приписал им задним числом сакральную историю и легендарную генеалогию, возведя их к Аврааму, Исааку и Иакову. Традиционные хождения этих пастухов в Египет, их периодическое порабощение египтянами, временные союзы их вождей (Иосифа?) с египетскими наместниками палестинских городов — все это было использовано для создания величественной мифологической эпопеи исхода. Фигура Давида — законодателя нового царства и создателя новой нации превратилась под пером J в грандиозный образ законодателя Моисея. Раздел между пастушескими вождями пастбищ нагорья стал историей «двенадцати

ти колен». И так далее. Так, говорят авторы, и были созданы национальный эпос, национальный миф и национальная религия. И подлинным их создателем был неведомый гениальный писатель Давидова двора, именуемый сегодня J.

Возможно, поначалу текст J замышлялся в виде всего лишь обычной хвалебной песни, этакого гомеровского эпоса, исполняемого перед лицом тшеславного царя и угодливой знати. Но соединение, сделанное J, в этом тексте всех национальных сказаний и легенд, в которых нашла воплощение недавняя и хорошо знакомая тогдашним евреям реальная история становления их первого государства, привело к тому, что этот эпос глубоко запал в народную память и стал «священной книгой» новой нации. Заново и глубоко переосмысленные (как изначально направлявшиеся Господом Яхве) истории еврейских праотцев и «египетского рабства», Моисея и Исхода, скитаний в пустыне и «дарования законов», завоевания Ханаана и «двенадцати колен» — все это стало основой новой веры и содержанием уже не племенной, а национальной истории. И эта основа уцелела даже после распада государства.

Так заканчивают свое объяснение происхождения, смысла и судьбы первого текста ТАНАХа американские авторы. Добавим уже от себя: этот эпос вобрал в себя и самые замечательные, чарующие воображение, самые распространенные на всем Ближнем Востоке легенды — о создании человека «по образу и подобию богов», о райском саде и потопе, о Вавилонской башне и т. п. Положенные на этот баснословный, но благодаря давности и распространенности почти достоверный фон, все прочие рассказы J тоже могли быть восприняты как почти достоверные. Поэтому религиозная идея и светская идеология (частично заимствованные из вавилонских и угаритских предисточников), искусно переплетенные с мифом, могли действительно стать в таких условиях общенародными.

С другой стороны, все это могло происходить, конечно, и совершенно иначе: текст J мог не иметь таких «скрытых намерений»; он мог действительно отражать пусть и легендарное, но имевшее реальную фактическую основу еврейское прошлое; становление монотеистической религии мог-

ло начаться задолго до создания этого текста, а в нем найти лишь свое гениальное воплощение — и так далее; вы можете все это продолжить вместо меня. И тогда гипотезу Кута — Орта придется признать неверной.

Следует помнить, взвешивая степень ее достоверности: эта гипотеза относится именно к тексту J, то есть только к тому, что является содержанием первых книг ТАНАХа. В Торе есть и отдельный рассказ о Сауле и Давиде — это Первая и Вторая книги Царств; но они написаны другими авторами; как считается — уже после Соломона. В тексте же самого J никаких прямых упоминаний о Сауле, Давиде и Соломоне нет, и все, что в него «вложили» Кут и Орт, — это их самостоятельная историческая реконструкция. Таких реконструкций в последние годы появилось немало. Гипотеза Кута и Орта затрагивает небольшой отрезок истории — какое-нибудь столетие. Однако эта смелая реконструкция заслуживает, на мой взгляд, отдельного рассказа, который я ей и посвятил.

Часть вторая Перечитывая библейские свитки

Глава первая Споры о Кумране

Не так давно западные журналисты брали интервью у Изхара Хиршфельда, профессора Еврейского университета в Иерусалиме. Интервью было приурочено к выходу новой книги Хиршфельда, посвященной раскопкам в Кумране и так называемым «свиткам Мертвого моря». Книга Хиршфельда вышла на иврите, но одновременно появилось сообщение о ее предстоящем выходе на Западе, и в нем говорилось: «Книга профессора И. Хиршфельда переворачивает все прежние представления историков о Кумране».

А в чем они состоят, эти «прежние представления»? — спросит пытливый читатель. И что это за Кумран вообще?

Увы, пытаться рассказать, не будучи специалистом, в чем состоят «все прежние представления историков о Кумране», было бы, по меньшей мере, самонадеянно. Но к счастью, это не потребуется. Чтобы ответить на вопрос пытливого читателя, достаточно припомнить лишь самые основные факты.

Речь идет о том самом Кумране — древнем еврейском поселении вблизи Мертвого моря, на полпути между Иерихоном и Эйн-Геди, — в пещерах вокруг которого в середине прошлого века были найдены знаменитые рукописи и фрагменты, написанные (частично на иврите, частично на арамейском) в период от II века до н. э. до I века н. э. и содержащие поистине бесценный материал для понимания иудаизма того времени и зарождавшегося тогда христианства. Эти-то рукописи и называются «свитками Мертвого моря», или иногда еще — «Кумранскими рукописями». Понятно, что находка таких материалов не могла не всколыхнуть в свое время научный мир, и она его действительно всколыхнула, да так, что волны этого толчка не утихают до нынешнего дня. Книга профессора Хиршфельда — еще одно тому подтверждение. Другим подтверждением могут служить споры, что вспыхнули недавно в связи с публикацией статей израильских археологов Ицхака Магена и Юваля Пелега, в которых они подвели итоги своим десятилетним раскопкам в том же Кумране. Широкому читателю эти «древние новости» вряд ли известны, и поэтому представляется важным о них рассказать.

История обнаружения, собирания, публикации и анализа свитков Мертвого моря изобилует не только поразительными научными открытиями, но и живописными деталями поистине приключенческого толка. Достаточно сказать, что впервые и совершенно случайно обнаружил эти свитки арабский пастух, что потом бедуины продавали их историкам «по сантиметрам», что израильские специалисты добывали эти кусочки библейских документов через цепочку подставных лиц на иорданских базарах, что эти драгоценные документы тайком вывозились из Палестины... — но все это многократно описано в популярных книгах, количество которых тянет уже на приличную библиотеку. Стоит только, быть может, упомянуть о другой стороне этой истории — не столько научной и даже не столько приключенческой, сколько скандальной. Ибо мало того что значительная часть собранных с таким трудом и важных для всего научного мира свитков и их разрозненных фрагментов долгие десятилетия укрывалась от глаз специалистов-историков, так еще и собранный в Кумране археологический материал до сих пор им во многом недоступен.

Первые свитки и фрагменты были собраны в пещерах Мертвого моря в период с 1947 по 1956 год. Их значение было осознано сразу же после открытия, и еще в 1953 году был учрежден международный комитет по их изданию. Лет десять спустя многое увидело свет в виде семитомной оксфордской серии «Открытия в Иудейской пустыне», но в частных руках оставалось еще несколько тысяч фрагментов, представлявших собой обрывки примерно сотни рукописей, и вот их-то публикация была вдруг по непонятным причинам приостановлена, а доступ к ним ограничен узким кругом в два десятка человек. Эти люди долгие годы публиковали отдельные фрагменты, зачастую даже без серьезного анализа. Все призывы прекратить эту недостойную практику и опубликовать весь материал оставались втуне, и непристойная свара ученых вокруг этих свитков продолжалась до самого начала 1990-х годов. Затем сторонники общедоступной публикации пошли на решительный, хотя и беспрецедентный шаг. Гершель Шанкс, издатель важнейшего в библейского археологии журнала «Biblical Archeology Review» (BAR), каким-то хитрым способом раздобыл фотографии неопубликованных фрагментов и самовольно издал их (с помощью калифорнийских профессоров Р. Айзенмана и Д. Робинсона) в виде двухтомника «Факсимильное издание свитков Мертвого моря». Тем самым все они стали наконец доступны для широкого научного изучения.

С археологическими находками в Кумране дело обстояло примерно так же. Уже в далеком 1951 году французский Библиеведческий институт направил известного археолога, доминиканского священника Ролана де Во, на раскопки в Кумран, но большинство предметов, найденных им на этих раскопках, долгое время оставались недоступны для свободного научного анализа, их описания не были опубликованы, и специалистам приходилось полагаться на безапелляционные суждения самого де Во. В результате важнейший вопрос: что представлял собой древний Кумран? — долго не получал однозначного решения. Строго говоря, не имеет он его и поныне. Споры, как говорится, продолжаются. А между тем этот вопрос, как ученым сразу же стало ясно, тесно связан с вопросом о том, кто был автором Кумранских рукопи-

сей (то есть свитков Мертвого моря), а это, в свою очередь, связано с вопросом, каково место этих рукописей в истории иудаизма и христианства.

Начнем с конца — со значения Кумранских рукописей. Уже первые свитки, найденные в пещерах вокруг Кумрана в конце 1940-х — начале 1950-х годов, удивили историков своим содержанием. Кроме двух копий Книги пророка Исаии и некоторых ранее неизвестных версий Книги Бытия и Псалтири, здесь были также документы ритуального характера, позднее получившие у специалистов название «Устава общины». Они получили такое название, потому что описывали правила поведения членов некоей религиозной общины, причем во многом принципиально отличавшейся от тогдашней еврейской общины, но в чем-то предвосхищавшей общину и принципы раннего христианства, как они изложены в Новом Завете. Возникло впечатление, что эта странная община была «переходной» от иудаизма к христианству. Кто же в нее входил? Известный израильский историк профессор Сукеник первым, еще в 1953 году, высказал предположение, что кумранскую общину составляли ессеи — небольшая секта в тогдашнем иудаизме, известная по описаниям Филона Александрийского и Иосифа Флавия, а также греческого историка Плиния Старшего. Если верить Флавию, ессеи насчитывали не более четырех тысяч человек во всем тогдашнем Израиле, были рассеяны по всей стране и отличались резко критическим отношением к тогдашним руководителям иерусалимского Храма, подчеркнутым стремлением к почти монашескому аскетизму и чистоте и углубленным интересом к «тайнам Торы». Плиний, в отличие от Флавия, сообщал, что ессеи не рассеяны по стране, а живут кучно и в основном на западном берегу Мертвого моря, неподалеку от Эйн-Геди.

Кумран находится именно там, где указал Плиний, а рукописи, найденные вокруг него, действительно давали основание думать, что они написаны ессеями, какими их описал Иосиф Флавий. Именно так и рассудил профессор Сукеник. Поэтому, двигаясь в рассуждениях еще далее вспять, разумно было предположить, что сам Кумран был тем ессеиским духовным и физическим центром, о котором писал Плиний. Не удивительно, что Ролан де Во прибыл на раскопки Кумра-

на с твердым убеждением, что призван раскопать что-то вроде монастыря ессеев. Поэтому все археологические находки, сделанные им там, он истолковал в том же духе, выпятив те, которые соответствовали этому убеждению, и оставив в тени или вообще сочтя несущественным все остальное. Так с легкой руки Сукеника и де Во, а затем Игаля Ядина и других авторитетных исследователей Кумрана утвердилось мнение, что Кумран — это центральное ессейское поселение в Древней Палестине и соответственно, что все Кумранские рукописи — часть библиотеки этого поселения. А так как некоторые кумранские тексты, как уже сказано, действительно содержали некое подобие раннехристианских идей, то вскоре ессеи были объявлены прямыми предшественниками первых христиан.

Эту мысль — в виде гипотезы — впервые высказал уже в 1955 году американский литературовед Эдмунд Уилсон в книге «Свитки Мертвого моря»; позднее она стала почти канонической, и сегодня в Британской энциклопедии можно прочесть, что свитки Мертвого моря «являются частью библиотеки, принадлежавшей еврейской религиозной секте (ессеи), которая существовала в Кумране с середины II века до н. э. и вплоть до 68 года н. э.» (то есть до взятия Иерусалима римлянами и разрушения второго Храма). Аналогично в каталоге выставки «Сокровища Святой земли» в американском Метрополитен-музее было сказано, что Кумран был «центром еврейской секты, где составлялись и использовались эти тексты». И если вы отправитесь сегодня в Кумран (полчаса езды от Иерусалима), то первое, что вас встретит перед экскурсией по развалинам, это короткий вступительный фильм, в ходе которого артисты, наряженные древними евреями (какими их, наверно, представляет себе Голливуд), расскажут, как они пришли в Кумран «в поисках чистой и безгрешной жизни», как создали здесь секту «Яхад», как размышляли здесь «о тайнах Торы», как писали свитки, в которых предсказывали и описывали последнюю, апокалиптическую «схватку сынов Света с сынами Тьмы» и как один член этой секты, некий Иоанн, пошедший с ессейской проповедью к людям, был казнен царем Иродом (прозрачный намек на Иоанна Крестителя).

А потом вас проведут по раскопкам. Вокруг низкой квадратной каменной башни (обвалилась, наверно, за века) протянутся перед вами развалины былых помещений и построек: вот акведук, приводивший воду из близлежащего вади, где по весне скатывалась в Мертвое море дождевая вода, а вот широкие и глубокие цистерны для ее хранения; вот ступени, ведущие к бассейнам для ритуального очищения, и малые подсобные помещения, а вот огромный «обеденный зал»; вот, наконец, длинное прямоугольное строение, возле которого в землю воткнута табличка с надписью «Комната автора» (знаменитая «Комната писцов», или Скрипториум, как назвал ее де Во, нашедший здесь обломки столов и несколько бронзовых чернильниц, окончательно убедивших его в том, что это и было место сочинения и написания Кумранских рукописей).

Посмотрев фильм и внимательно изучив все надписи на табличках, вы покинете Кумран с тем же твердым убеждением, что и де Во. И всю пустынную, безлюдную дорогу назад будете, наверно, увлеченно представлять себе, как в те давние времена в этой далекой затерянной глуши жила группа аскетов и подвижников, посвятивших жизнь созданию новой религии. И вам будет совершенно невдомек, что все услышанное и увиденное вами в Кумране — всего лишь одна из версий, лишь одно из многочисленных толкований загадок Кумрана, то, которое принято учеными из Музея Израиля и многими другими, — но отнюдь не единственное. Это будет вам невдомек по той простой причине, что в фильме и на развалинах от вас заботливо скрыли многочисленные натяжки и прямые противоречия, которыми изобилует это «каноническое» толкование и вокруг которых в кумрановедении еще и сегодня идут ожесточенные споры. Давайте же поговорим об этих спорах и о других толкованиях кумранских находок.

В 1997 году Эшель и Кросс нашли за стенами Кумрана «остракон» (глиняный черепок) с древней надписью. В этой надписи они обнаружили слово «Яхад» — то самое, которое упоминается в некоторых Кумранских рукописях как самоназвание ессейской секты. Эта находка была объявлена (сначала в статье Эшеля и Кросса, а затем в каталоге Музея Из-

раиля в Иерусалиме) «первым доказательством прямой связи между местом и (найденными в нем) рукописями», иначе говоря — подтверждением того, что «данное место (Кумран) действительно служило общинным центром ессеической секты». находку широко рекламировали газеты Израиля и западных стран. Черепок, вкупе с другими экспонатами Кумрана, торжественно объехал весь мир и триумфально прибыл на Кумранскую выставку 2001 года в Чикаго. Здесь, однако, его ожидал конфуз, ибо уже за четыре года до того профессор Норман Голб, возглавлявший кафедру еврейской истории и цивилизации имени Давида Розенбергера как раз при Чикагском университете, посвятил знаменитому черепку статью, в которой убедительно показывал, что прочтение надписи на нем, предложенное доктором Эшелем и принятое Музеем Израиля, на самом деле не имело под собой никаких оснований. Действительно, зная иврит и внимательно разглядывая эту надпись, можно убедиться, что четыре последние буквы нижней строки лишь с огромной натяжкой могут быть прочитаны как слово «Яхад».

Разговор о натяжках и противоречиях в «каноническом» толковании Кумрана с тем же успехом можно было бы начать, скажем, с рассказа о том, что при раскопках в Кумране было найдено кладбище, на котором были захоронены более тысячи человек, — несколько многовато, не правда ли, для уединенной «монастырской» общины? Еще более странно, что добрая половина этих захоронений принадлежала женщинам, что совсем уж не вписывается в наши представления об аскетической секте, члены которой, как утверждал Плиний, давали обет безбрачия. Зачем понадобилось целомудренным ессеям такое количество женщин? Или вот, к примеру, другая история — с тридцатью филактериями, или тфилин, остатки которых были обнаружены (вперемешку с рукописями) в пещерах, окружающих Кумран. В этих двух кожаных коробочках, которые повязывает себе на лоб и левую руку молящийся еврей, находятся написанные на пергаменте молитвы. Любопытно, однако, что в кумранские тфилин были вложены, как оказалось, самые разные молитвы, что опять-таки странно для секты, которая свое единомыслие подчеркивает даже в самоназвании — «Яхад» (что значит

«вместе», «заедино»). А чем объяснить наличие в развалинах Кумрана тысяч однотипных глиняных тарелок и кувшинов, как будто изготовленных на продажу или для использования в каком-то большом хозяйстве? Или большую, явно крепостного вида башню (ту самую, ныне обвалившуюся)? Или отсутствие жилых помещений — и это при наличии гончарных мастерских, печей для литья железа, стойл для животных и тому подобного?

Таких примеров можно привести еще много, и для каждого из них «каноническая» версия вынуждена искать отдельное, зачастую весьма натянутое, объяснение. Женщины? Наверно, рядом с «безбрачными ессеями» в Кумране жили и «ессеи семейные». Много захоронений? Возможно, сюда приходили ессеи со всех концов Палестины. Отсутствие жилых помещений? Значит, все насельники Кумрана жили в близлежащих пещерах. А найденные рукописи? Вероятно, именно там они и изучали Тору. Но почему в пещерах нет никаких останков, никаких следов пребывания людей? Ну, может быть, они жили не в самих пещерах — там они только хранили рукописи и изучали Тору, — а, скажем, в шалашах и палатках рядом с Кумраном. А почему в тфилин вложены разные молитвы? Видимо, руководители секты разрешали всем членам общины молиться, как кто привык. А зачем столько глиняной посуды? Они из нее ели. И так далее, и тому подобное. Это как раз тот метод объяснения, который по-латински называется «ad hoc» (буквально «к этому»), то есть применительно к данной конкретной потребности: каждая отдельная гипотеза — для объяснения каждой отдельной загадки, вне зависимости от целого. «Целым», которое призваны сохранить все эти частные гипотезы, является лишь один, главный принцип: Кумран — это место пребывания ессеической (протохристианской) общины, которая создала Кумранские рукописи.

Этот принцип намертво связывает проблему Кумрана с проблемой свитков Мертвого моря. Между тем свитки, подобные кумранским, а также отличные от них, но тоже содержащие древние тексты, и просто документы той давней эпохи (письма, записки, долговые обязательства и тому подобное), которых нет в Кумране, были найдены и во многих других местах вокруг Мертвого моря. Это громадное на

сегодняшний день палеографическое наследие отражает духовную и бытовую действительность Иудеи на переломе тысячелетий, и многим ученым представляется, что свитки Мертвого моря следует изучать именно на этом фоне, а не в шорах «протохристианского» подхода. Освобожденная при этом от проблемы свитков проблема Кумрана предстает в совершенно ином свете. Об этом первым заговорил еще в 1984 году упомянутый выше профессор Голб. По его меткому наблюдению, тот случайный порядок, в котором одна за другой обнаруживались Кумранские рукописи, сильно повлиял на толкование всей кумранской проблемы, потому что в числе первых были найдены некоторые свитки «протохристианского» или, во всяком случае, ессеяского содержания, и это сразу же склонило исследователей сосредоточиться на ессеях как «главных подозреваемых» в авторстве всех Кумранских рукописей вообще. Однако, по мнению Голба, знаменитые свитки Кумрана имеют не ессеяское, а совсем иное происхождение, а сам Кумран никогда не был «монастырем ессеев». Статья Голба положила начало целому ряду новых гипотез, выдвинутых другими учеными для решения загадок Кумрана, и можно, не очень преувеличивая, сказать, что неканонические толкования этих загадок сегодня конкурируют с каноническими на равных.

Займемся самим Кумраном, отдельно от пресловутых «свитков». По другому меткому замечанию, которое принадлежит археологу Дэвиду Стаси, на взгляды многих археологов — в особенности тех, кто первыми начали раскопки в Кумране, — тоже повлияло некое случайное обстоятельство, а именно то, что во времена первых раскопок (как, впрочем, и сейчас) Кумран выглядел глухим, заброшенным уголком пустыни, далеким от всех центров цивилизации, и потому мог показаться идеальным местом для группы людей, которые хотели «уйти от мира» в аскезу, отшельничество и изучение Торы. Однако более поздние археологические исследования в этих местах показали, что в последние века до нашей эры — те самые, которыми датируются Кумранские рукописи, — Кумран выглядел совершенно иначе.

Результаты этих исследований рисуют такую картину. Во II веке до н. э. Кумран находился на скрещении торговых

и военных путей, всего в 12 километрах (3 часа неспешной ходьбы вдоль низкого берега Мертвого моря) от огромного Хасмонеяского поместья в Иерихоне, в центре которого возвышался пышный царский дворец (династия Хасмонеев правила в Иудее со 152 по 37 год до н. э.). Хасмонеев привлекли в эти места два растения, которые приносили царской казне большую прибыль, — финиковая пальма и бальзамное дерево. Плоды первого и сок второго пользовались в те времена огромным спросом. Учитывая это, хасмонеяские цари приказали провести в этот район акведуки, и постепенно огромный участок ранее бесплодной земли был превращен в сельскохозяйственные угодья. Одновременно был построен большой жилой комплекс для управляющих поместьем, а также для отдыха царской семьи. А необходимую знати посуду и другую утварь решено было изготавливать в близлежащем Кумране, благо там были большие запасы горючего битума и отличной глины (трехтонные ее запасы археологи недавно вскрыли прямо под главной кумранской цистерной). Можно думать, что именно тогда в Кумран был проведен отдельный акведук. О том, что вода, поступавшая по нему в Кумран, предназначалась не для питья или ритуального омовения, свидетельствуют специальные стоки для грязи и прочих осадков, сделанные в устье акведука, перед самым входом в цистерну. О ремесленном назначении тогдашнего Кумрана говорят и запасы сохранившейся тем посуды — грубая и плохо обожженная, она зато была идеально приспособлена для упаковки и перевозки, а это составляет два главных требования к массовому производству. Кумран стал, по существу, составной частью иерихонского поместья Хасмонеев, и можно думать, что главную часть его населения составляли тогда рабы и наемные рабочие, ремесленники и земледельцы. Одни жили и работали здесь, другие обслуживали поместье и возвращались в Кумран только на ночлег, в шалаши и землянки.

Кумран приглянулся Хасмонеям не случайно. В древности здесь высилась небольшая крепостца (отсюда и башня), защищавшая те дороги, что вели к Иерусалиму с восточных границ Иудейского царства. Надобность в этой крепости со временем отпала, гарнизон из нее был выведен, и в крепости

появились новые обитатели, которые, как уже сказано, обслуживали иерихонское поместье иудейских царей. Судя по количеству костей, постоянное население Кумрана было незначительным, не более нескольких десятков.

Невольно возникает вопрос: если эти люди жили в самом Кумране, а не в близлежащих пещерах (и уж подавно не изучали там Тору, потому что были ремесленниками, а не набожными отшельниками), то каким образом попали в эти пещеры пресловутые Кумранские свитки? Хотя сторонники канонической теории настаивают на том, что пещеры служили своего рода библиотекой, или книгохранилищами, кумранских текстов, но, не говоря уже о странности и крайнем неудобстве такого способа хранения (ведь если бы в Кумране действительно существовала религиозная община, то эти свитки нужны были бы ей для изучения чуть не каждый день), позволительно задать более общий вопрос: а могла ли вообще существовать община «удалившихся от мира» ессеев в таком шумном, грязном, задымленном ремесленном ночлежном поселке, как тогдашний Кумран? Разумеется, не исключено, что какую-то часть обитателей Кумрана составляли отдельные ессеи, но если общее число тамошних жителей никогда не превышало нескольких десятков и большая часть из них была занята гончарным ремеслом и трудом в иерихонском поместье, то могли ли оставшиеся создать такую огромную библиотеку? А если нет, то каково все-таки происхождение этих свитков?

Но прежде чем отвечать на этот главный вопрос, закончим разговор о Кумране. Он был снова разрушен в ходе «Первого восстания» — знаменитой Иудейской войны (66–71 годы н. э.), когда римляне захватили Иерусалим и разрушили второй Храм. Многие жители бежали тогда из столицы Иудеи, и кое-кто из них пытался найти убежище в Кумране. Преследовавшие их римляне захватили его и разрушили. Еще позже, во время так называемого «Второго восстания» (восстания Бар-Кохбы, 131–135 годы н. э.), Кумран ненадолго был превращен повстанцами в укрепленный пункт — и опять разрушен римлянами. После этого он окончательно пришел в запустение, как и вся Иудея.

Как мы видим, за время своего многовекового существования Кумран пережил ряд трансформаций. Чем же все-та-

ки он был в хасмонеиские и иродианские времена, к которым относятся свитки, найденные в пещерах вокруг него? Мы уже знаем канонический ответ археологов-«ортодоксов» — ессеиским монастырем или, по меньшей мере, центром крупной ессеиской общины. Мы знаем также, с какими противоречиями сталкивается этот ответ. А что говорят археологи-«еретики»?

«Зачинатель ереси», упомянутый выше Норман Голб, с самого начала утверждал, что люди, населявшие Кумран, никогда не принадлежали к секте ессеев или какой-либо другой радикальной еврейской секте (надо заметить, что представление, будто в те времена в иудаизме существовали только три течения: саддукеи, фарисеи и ессеи, — весьма поверхностно; были еще zeloty, терапевты, банаи и некоторые другие). Сам Голб считал, что Кумран всегда был крепостью, но, как мы видели, это предположение опровергается всей совокупностью найденных позднее археологических данных, которые заставляют, скорее, видеть в Кумране II—I веков до н. э. скромное поселение ремесленников и сезонных сельскохозяйственных рабочих. Но другой стороны, с представлением о Кумране как о скромном ремесленном поселке не согласуется близкая к дворцовой изощренная сложность кумранского жилого комплекса. В самое последнее время эту путаницу усугубили сенсационные данные раскопок упоминавшихся выше Ицхака Магена и Юваля Пелега. Эти археологи обнаружили в развалинах Кумрана такие предметы, как драгоценные украшения, остатки явно импортных (дорогих по тем временам) стеклянных сосудов, каменные флаконы для изысканной косметики, изукрашенные гребни, иными словами — предметы, которым явно не место ни в ессеиском монастыре, ни в поселке ремесленников и сезонных рабочих. На основании этих находок профессор Изхар Хиршфельд выдвинул еще одну гипотезу, предположив, что Кумран был именем богатого землевладельца, возможно — какого-нибудь вельможи при дворе Хасмонеев.

Понятно, что все эти гипотезы исключают ессеискую природу Кумрана, и не удивительно, что сторонники канонической версии встретили их в штыки. Так, американский пастор Рэндалл Прайс из Университета штата Нью-Мексико

немедленно предпринял поездку в Кумран, провел там молниеносные, продолжавшиеся всего пять недель раскопки и объявил, что нашел очередное «несомненное доказательство» ессейского характера поселения — кости животных, уложенные таким специальным манером, который может объясняться только правилами какого-то особого религиозного ритуала. Судя по этой поистине отчаянной попытке спасти прежние представления, новые археологические данные всерьез угрожают самим основам канонической «кумрано-ессейской» теории. И не случайно международная конференция археологов, прошедшая в 2002 году в Броуновском университете (США), констатировала, что эти новые гипотезы практически вытесняют (если еще не вытеснили) прежние представления науки о Кумране.

Но если Кумран не был поселением или монастырем ессеев, это возвращает нас к поставленному ранее вопросу: каково же происхождение Кумранских свитков? Какие предположения на сей счет выдвигают противники «кумрано-ессейской» теории?

Из семи свитков Мертвого моря, первыми попавших в руки исследователей, три представляли собой варианты библейских книг (Исаии и Бытия), а четыре резко выделялись на их фоне. Один из них, уже упомянутый выше «Устав общины» («Седер а-Яхад»), резко противопоставлял членов некой религиозной общины всему остальному человечеству: по изначальному установлению Божьему люди делятся на «сынов света» и «сынов тьмы» и в конце времен Господь дарует первым полную победу над вторыми; пока же члены общины «сынов света» должны подчиняться строгим правилам общежития и следовать возвышенным этическим нормам, перечисленным в заключительной части свитка. «Свиток гимнов», содержащий около 35 псалмов, пронизывала мысль об изначальной греховности человека и предопределенности не только его судьбы, но даже его мыслей. Лишь избранные (слова «Израиль» в тексте нет) удостоены постижения этой великой мудрости Господнего замысла, и лишь у них есть надежда на спасение; собственно, вступление в общину и становится первым шагом к такому спасению и посмертному воскресению. Свиток с текстом, посвященным «Войне

сынов света с сынами тьмы», подробно описывал грядущую в конце времен «последнюю» войну, в ходе которой будут уничтожены все враги сынов света — сначала потомки Симы, потом Хама и, наконец, Яфета. А в свитке, содержащем комментарий к библейской Книге пророка Аввакума, провозглашалось, что Господь дал откровение некоему «Учителю Праведности» и откровение это состоит в том, что конец времен приближается.

Имя «Учителя Праведности» снова появилось в другом, приобретенном позднее свитке — так называемом «Дамаском документе», где более подробно излагалась история секты. Согласно документу, она возникла в Иерусалиме через 390 лет после разрушения первого Храма (то есть в начале II века до н. э.), незадолго до появления «Учителя Праведности» (он же «Единственный Учитель», или «Учитель Единого», или, в некоторых прочтениях, просто «учитель общины»), который объединил всех своих последователей в так называемый «новый завет». Ему противостоял некий «проповедник лжи», под влиянием которого Израиль отступил от «нового завета» и власть в Храме (уже втором) узурпировали «неправедные». (Этот эпизод отражает определенную реальность: именно во II веке до н. э. Ионатан Хасмонеи, брат Иуды Маккавея, стал первосвященником, узурпировав эту власть у потомков Садока — первосвященника времен Давида и Соломона; эту власть Хасмонеи удерживали потом около 150 лет.) Поэтому члены секты под руководством «законодателя, излагающего Тору» бежали в «Дамаск» (одни исследователи считают это названием реального Дамаска, куда могли бежать противники Александра Янная, когда тот захватил престол Иудеи; другие видят в этом названии метафору пустыни). Там они будут находиться до второго появления «Учителя Праведности», которое произойдет «в конце дней».

Легко понять возбуждение ученых, которым попали в руки эти свитки. Хотя налицо было определенное сходство изложенных в них религиозных идей с идеями гностиков и зороастрийцев (последователей Заратустры, иранского пророка VI века до н. э.), еще большим было их совпадение с этическими и мистическими элементами новозаветного раннего

христианства, вплоть до фигуры «Учителя Праведности», его вторичного появления в конце времен и спасения тех, кто следует его учению. Вскоре существование неизвестной секты, создавшей эти свитки, было объявлено доказательством полной исторической реальности Христа и его первых последователей. И поскольку профессор Сукеник выдвинул предположение, что эти свитки созданы ессеями, а де Во, на основании своих раскопок, назвал Кумран местом их создания и центром есеевской общины, то представление о том, будто кумранские ессеи были прямыми предшественниками ранних христиан, а Кумран — важнейшим очагом протохристианства, утвердилось окончательно.

Как я уже говорил, эта «кумрано-есеевская гипотеза» господствовала в науке в течение почти тридцати лет. Но тем временем обнаруживались и изучались все новые и новые свитки и их фрагменты, и постепенно стало ясно, что материалы «есеевского» происхождения составляют лишь небольшую их часть. Значительно большую долю собранного исследователями «кумранского архива», как оказалось, составляли не столько произведения есеевского характера, сколько документы библейского толка — копии библейских книг (несколько отличные от канонических) или их переводы на арамейский и даже греческий языки, а также апокрифы (то есть книги, не вошедшие в библейский канон) и псевдоэпиграфы (книги, авторство которых приписывается тем или иным упоминаемым в Библии лицам, — например, «Завешание Нафтали» или «Речения Моисея» и т. п.). Общая картина стала исподволь меняться — совокупность Кумранских рукописей все больше выглядела как «библейская библиотека» самого широкого профиля с изрядным вкраплением «есеевских» материалов, а вовсе не как собрание чисто «есеевских» творений. В целом это собрание текстов проливало новый свет на историю иудаизма — стало очевидно, какое большое, пестрое и противоречивое множество библейских прочтений, трактовок и версий существовало в тогдашней еврейской среде, какие разноречивые идеи, концепции, мысли сталкивались в еврейском коллективном уме, какие основные течения «вываривались» в этом бурлящем духовном котле.

Первым, кто высказал сомнения в чисто ессе́йском характере Кумранских рукописей, был Норман Голб. Исходя из определенных палеоэпиграфических соображений, он заявил, что в написании свитков, найденных в пещерах вокруг Кумрана, участвовало не менее 150 писцов — число, намного превышающее все приведенные выше археологические данные о количестве жителей Кумрана.

Надо сказать, что вопрос о «писцах Кумрана» тоже оказался довольно запутанным и противоречивым. Представление о том, что найденные в пещерах свитки писались в Кумране, возникло после того, как де Во и сопровождавший его Хардинг нашли в одном из раскопанных ими помещений вделанный в пол глиняный кувшин, похожий на те, в которых в пещерах хранились рукописи, а в другом помещении — обломки деревянных столов и целых пять чернильниц. Все это и было объявлено доказательством того, что свитки Мертвого моря писались в этом втором помещении (которое, как уже говорилось выше, получило название «Комнаты писцов»), а затем помещались в глиняные кувшины и относились в пещеры для хранения. Поскольку пол в помещении с кувшином датировался I веком н. э., то есть периодом, близким к временам Иудейской войны, или «Первого восстания», то и рукописи были первоначально датированы первым веком. Дополнительным подтверждением этой датировки стали найденные де Во и Хардингом в том же помещении старинные монеты.

Однако последующие раскопки как в самом Кумране, так и в соседних местах, в частности — в Иерихоне, поставили под сомнение эти выводы де Во. Пресловутый пол в первом помещении оказался настланным на более древний, засыпанный в конце I века до н. э. и затем расчищенный. Найденный там кувшин относится к этим более древним временам, поскольку совершенно аналогичный кувшин, твердо датированный концом I века до н. э., был найден Рахелью Бар-Натан в развалинах Иерихона. Другие кувшины, найденные де Во, хотя и относятся к I веку н. э., но, по признанию самого де Во, не предназначались специально для хранения свитков и потому не могут свидетельствовать, что свитки писались именно в I веке н. э., а не раньше. Из пресловутых пяти

чернильниц (именно это необычное количество чернильниц в одном месте когда-то и заставило де Во заговорить о специальной «Комнате писцов» в Кумране) три оказались, как выявил более поздний анализ, принадлежащими к III веку н. э., то есть ко временам, когда никакой кумранской общины уже наверняка не существовало. И наоборот, монеты, найденные де Во и Хардингом, оказались более древними, относящимися к I веку до н. э. На то же, более раннее время указывают данные палеографического анализа Кумранских рукописей (например, Ада Вардени доказала, что в кумранских текстах нет того способа написания букв — специфического полукурсива, — который был характерен для I века н. э.), а также радиоуглеродного метода их датировки.

Любопытно, что хотя все эти факты стали со временем известны де Во, он ни разу не упомянул их в своих выступлениях и статьях последующих лет. Данные его собственных раскопок, как мы уже говорили, до сих пор не опубликованы полностью, и трудно понять, почему он так упорно датировал все свои находки именно I веком н. э., несмотря на все противоречия этой датировки с новейшими данными. Возможно, то была ошибка, возможно, какую-то роль сыграл тот факт, что I век н. э. очень хорошо знаком историкам — это время подробно описано Иосифом Флавием и другими тогдашними авторами, тогда как I—II века до н. э. — это «темные века» иудейской истории. Но не исключено также, что датировка Кумранских рукописей I веком н. э. была продиктована де Во его подсознательным стремлением доказать историчность Иисуса Христа: уж очень хорошо ложился «Учитель Праведности» на его образ. Как бы то ни было, Грег Дудна, который суммировал все эти споры в своей обзорной статье «Передатировка Кумранских свитков» (2004 год), в конце статьи заключает, что все имеющиеся сегодня данные приводят к решительному выводу: Кумранские свитки были написаны не позднее конца I века до н. э., то есть почти за столетие до Иудейской войны.

Несколько более точную дату предлагает упоминавшийся нами выше Майкл Вайз, проделавший специальный анализ скрытых намеков в тексте этих свитков. Вайз пришел к выводу, что шесть таких намеков относятся к людям и событи-

ям, существовавшим или имевшим место во II веке до н. э., двадцать шесть — к людям и событиям I века до н. э. и нет ни одного, который относился бы ко времени позднее 37 года до н. э. На этом основании Вайз заключает, что «почти 90 процентов всех “ессейских” рукописей Кумрана были написаны (или переписаны) в первом веке до нашей эры, причем 52 процента из них — в десятилетие между 45 и 35 годами до н. э. Потом это занятие буквально обрывается. Несомненно, тут таится какая-то загадка, требующая разрешения».

Одно из возможных решений этой загадки предложил иерусалимский ученый Стивен Пфанн, один из главных дешифровщиков Кумранских свитков. Он выдвинул предположение, что ессеи жили в Кумране (и, по его мнению, писали там свои рукописи) лишь до землетрясения и пожара 31 года до н. э. Потом они переселились в Иерусалим по приглашению царя Ирода и, возможно, снова вернулись в Кумран с началом Иудейской войны. В промежутке же, соглашается Пфанн, там могли временно жить ремесленники и сезонные рабочие, а может, даже и вельможи. Этим, по Пфанну, объясняется противоречивость кумранских археологических данных. Пфанн, как видно из его гипотезы, упорно хочет сохранить авторство Кумранских рукописей за ессеями. Но Дудна в своем обзоре приходит к несколько иным выводам. «Не вступая в противоречие со всеми имеющимися сегодня данными, — пишет он, — можно думать, что главная или, во всяком случае, значительная часть этих текстов была импортирована в Кумран, то есть доставлена извне, тогда как некоторые действительно могли быть составлены на месте... Что касается их обнаружения в пещерах, то тут могут быть три объяснения. То могло быть постоянное хранилище, вроде так называемой “генизы”, откуда свитки и не планировалось изымать, — они просто складывались там, поскольку представляли собой священные тексты, которые у евреев, даже устарев или придя в негодность, не уничтожаются, а хранятся в особом помещении. Либо же это было своего рода действующее книгохранилище, которым пользовались до тех пор, пока война или другое бедствие не нарушили прежний порядок жизни и не заставили его забросить. Либо же, наконец, свитки могли спрятать

там во время той же войны, а спрятавшие их люди уже не смогли за ними вернуться, потому что были убиты или изгнаны. А возможно, что каждое из этих объяснений приложимо к различным пещерам». И далее Дудна, подобно Вайзу, указывает на еще одну загадку Кумрана: «Любопытная деталь состоит в том, что в одних пещерах, более удаленных от самого Кумрана, свитки находились в кувшинах, а в других, расположенных ближе, они были разбросаны как бы наспех. Но при этом во всех пещерах были найдены свитки самого разного рода и относящиеся к разным датам. Как это истолковать? Не знаю и не думаю, что кто-либо из кумрановедов может предложить ответ».

Мысль о том, что большинство свитков было доставлено в Кумран извне для сохранения во время опасности, приобретает в последние годы все больше сторонников. А поскольку в этом случае авторами свитков не обязательно должны быть ессеи Кумрана, то такое авторство приписывается самым разным группам, существовавшим в тогдашней Иудее, — ведь принести свитки в Кумран могли откуда угодно. Так, Баумгартен и Шиффман предложили гипотезу, согласно которой основная часть Кумранских свитков была написана не ессеями, а саддукеями (влиятельной при Хасмонеях религиозной группой, тесно связанной со жречеством иерусалимского Храма и крупными землевладельцами) или группой «радикальных садокитов», идейно родственной этому течению тогдашнего иудаизма. В пользу этой гипотезы говорит, во-первых, само название «саддукеи» (современная наука связывает его с первосвященником Садок, к которому возводит себя и секта из «Дамасского документа»), а во-вторых, содержащееся в свитках (и характерное как раз для саддукеев) строгое требование исполнения всех мельчайших предписаний религиозного закона. Однако социальное положение саддукеев во времена второго Храма, отрицание ими воскресения из мертвых и ряд других важных деталей саддукейской доктрины явно не совпадают с перечисленными выше религиозными идеями собственно ессейских документов Кумрана, и потому гипотеза Баумгартена — Шиффмана представляется кумрановедам не очень убедительной.

Самое радикальное объяснение загадки Кумранских свитков предложил все тот же Норман Голб, и оно постепенно приобретает все больше сторонников. Сегодня в его пользу высказываются многие авторитетные археологи и историки, занимающиеся Кумраном, в том числе упоминавшиеся нами Изхар Хиршфельд и Ицхак Маген. По Голбу, свитки Мертвого моря вообще не имеют отношения к Кумрану, независимо от того, существовала там какая-то сектантская (ессейская?) община или нет. Широкий спектр этих документов, отражающих самые разные течения и подходы в тогдашнем иудаизме, может быть объяснен, как утверждает Голб, только предположением, что все они первоначально принадлежали либо храмовой библиотеке, либо, еще вероятней, самым разным группам и отдельным людям. В таком случае они могли оказаться в пещерах по самой простой причине — владельцы спрятали их там, когда бежали из Иерусалима от римлян в конце «Первого восстания».

Развивая эту «гипотезу бегства», Норман Голб опубликовал статью «Маленькие тексты, большие вопросы», в которой предложил детальную возможную картину такого бегства, довольно убедительно обосновывающую его версию происхождения Кумранских свитков. В книге Иосифа Флавия, напоминает Голб в своей статье, говорится, что евреи, бежавшие из Иерусалима, захваченного римлянами в 70 году н. э., направлялись по двум основным путям — на юг и на восток. Голб считает, что целью первого потока, который шел через Бейт-Лехем (Вифлеем), Иродион и вادي Эйн-Геди, была горная крепость Масада на западном берегу Мертвого моря, тогда как второй поток беженцев, шедший на восток, двигался в сторону другой горной крепости — Макерус, построенной во времена наибольшего распространения Хасмонейского царства на восточном берегу того же моря, в Трансиордании. Этот поток мог разветвиться: одни люди обогнули Мертвое море по суше, с севера, тогда как другие перешли его вброд или вплавь в ближайшем удобном месте. На карте, которую Голб прилагает к своей статье, этим «ближайшим удобным местом» (после Иерихона) оказывается именно Кумран. И потому именно здесь, готовясь продолжить путь по воде, беглецы расставались с драгоценной ношей, захва-

ченной из Иерусалима, — со своими свитками, которые они не хотели оставить на осквернение римлянам. Отсюда и такое необычное скопление этих свитков в Кумранских пещерах. Некоторая часть беглецов продолжила путь к Макерусу, другие остались в Кумране. Эти последние вскоре погибли от рук римлян, пришедших по их следам и разрушивших кумранскую крепость. В свое время погибли и те, кто надеялся укрыться в Макерусе, как впоследствии погибли и защитники Масады.

А свитки — что ж, свитки остались. Вы можете увидеть их в Храме книги при иерусалимском Музее Израиля. Будете смотреть — вспомните тех, кто шел в толпе людей по темным гористым тропам, пробираясь к Мертвому морю, то и дело оглядываясь на пылающий Иерусалим и сжимая под одеждой спасенные от огня и позора будущие Кумранские свитки. Впрочем, если предпочитаете другой вариант, представьте себе иную картину — склонившихся над рукописями неведомых писцов-ессеев. Ученые ведь все еще не пришли к согласию. А пока они спорят, мы двинемся дальше в нашем рассказе. Потому что в самые последние годы вокруг Кумрана и его свитков закружились новые загадки.

Глава вторая

Судьба гипотезы

Описанные выше давние загадки Кумрана и споры вокруг них в последнее время были дополнены новыми, и одна из самых интересных таких новинок оказалась связанной с изложенной выше гипотезой Нормана Голба, согласно которой, если помните, свитки Мертвого моря вообще не имеют отношения к Кумрану, а являются документами, которые первоначально принадлежали либо библиотеке иерусалимского Храма, либо самым разным группам и отдельным людям, бежавшим от римлян в конце Иудейской войны.

Эта гипотеза, как я уже рассказывал, в свое время вызвала яростные возражения оппонентов, и несколько последующих лет в научной печати вокруг нее шла ожесточенная по-

лемика, причем в ходе этой полемики Голб почти в одиночку защищался от множества влиятельных критиков, которые не брезговали порой даже намекать на его «научную несостоятельность» и «душевную неуравновешенность». И вот спустя несколько лет эта чисто научная дискуссия внезапно получила загадочное, поистине детективное продолжение. У почтенного 80-летнего профессора Голба объявились энергичные — но анонимные — союзники. В Интернете стали множиться письма, статьи и другие материалы, подписанные никому не известными и различными именами, но одинаковые по характеру — в том смысле, что в них резко критиковались научные оппоненты Нормана Голба и превозносились его идеи.

И это еще не все. Вслед за письмами и статьями в защиту Голба начали появляться блоги, посвященные полемике между Голбом и его противниками, причем эта полемика комментировалась в негативном по отношению к противникам Голба ключе. Вершиной загадочного шквала публикаций стало появление блога под именем известного историка-кумрановеда, профессора Нью-Йоркского университета Лоренса Шиффмана. Шиффман многие годы был резким противником Голба, но теперь вдруг признался в плагиате — заимствовании научных данных у того же Голба. Это признание подхватила масса «проголбовских» анонимных блогов и авторов комментариев, а дотошные люди стали замечать, что среди них выделяется один автор — некий «Джадда», на долю которого в конце 2008 года приходилось чуть не 80 процентов таких публикаций.

Вся эта история тянулась с конца 2007 по начало 2009 года. Задетые ею профессора были раздражены, но подозревать престарелого Голба в том, что он все это пишет сам, они, разумеется, не могли (хотя многое в этих статьях и письмах свидетельствовало о глубоком знакомстве авторов с идеями и работами чикагского профессора). И тогда один из этих «обиженных», профессор Каргилл, начал самостоятельное расследование. Он стал собирать и анализировать анонимные «проголбовские» материалы в попытке найти их общие приметы. Появление плодовитого «Джадды» сильно помогло ему, потому что в текстах этого автора наличествовали яркие

индивидуальные признаки, и вскоре профессор-детектив опубликовал статью «Кто такой Джадда?». Как писал Каргилл, этот автор, скорее всего, живет (или работает) в Нью-Йорке, причем неподалеку от определенной библиотеки — на это указывал тот факт, что многие источники «Джадды» содержались как раз в этом книгохранилище.

«Вычисленных» Каргиллом данных оказалось достаточно. Спустя несколько дней полиция вышла на след и арестовала подозреваемого. А затем последовало сенсационное сообщение: арестованным оказался преуспевающий нью-йоркский адвокат, действительно проживавший вблизи указанной библиотеки, и этого адвоката звали... Рафаэль Голб. Да, это был родной сын профессора Голба. Найденные при его аресте материалы неопровержимо свидетельствовали, что он был единоличным создателем блогов и автором статей этой беспримерной двухлетней кампании. Сам Норман Голб об этой затее сына не знал, и сообщение об аресте Рафаэля его потрясло. Поначалу он даже назвал это «провокацией» своих научных врагов, однако позже, под давлением фактов, вынужден был признать вину сына. В 2010 году Рафаэль Голб был приговорен к шести месяцам заключения и пяти годам условно, а в 2011 году его имя было вычеркнуто из списка нью-йоркской коллегии адвокатов.

Так закончилась эта детективная история. Но все еще ждет своего конца научный спор, который ее породил, — кому же все-таки принадлежали Кумранские рукописи? На фоне всеобщего единодушия гипотеза Голба, утверждавшего, что кумранские списки составляли своего рода «Иерусалимскую библиотеку», просто не могла не показаться «еретической». Именно поэтому она была так враждебно встречена кумрановедческим «истеблишментом». Но история Рафаэля Голба заново привлекла внимание к этой «ереси», и тогда у нее неожиданно нашлись новые, уже не анонимные, а открытые защитники, притом — из числа уважаемых специалистов. Наиболее решительной из них оказалась Рахель Элиор, профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Элиор пошла даже дальше Голба в отрицании связи ессеев с Кумранскими свитками. В интервью, опубликованном в израильской газете «Гаарец» в связи с арестом Голба-младше-

го, она заявила, что, по ее мнению, ессеи действительно не были авторами Кумранских рукописей, причем по той простой причине, что «есеев вообще никогда не существовало». Именно так заявила Элиор потрясенному корреспонденту. Ессеи, сказала она, это выдумка Флавия, который расцветил своими домыслами туманные упоминания двух предшествовавших ему авторов: философа Филона Александрийского и историка Плиния Старшего. По мнению Элиор, Филон, говоря о «есееях» и их взглядах, имел в виду некое утопическое религиозное братство. Но слова «есееи», или «эссены», продолжила Элиор, не существует в иврите. И никаких рассказов о такой секте нет в тогдашней литературе на иврите или арамейском языке. Это заставляет сильно усомниться в точности рассказа Флавия. Правда, он писал, будто был знаком со всеми тремя (по его утверждению) течениями тогдашнего иудаизма: саддукеями, фарисеями и ессеями, — поскольку якобы в возрасте от 16 до 19 лет побывал и в саддукеях, и в фарисеях, и в ессеях. Но далее Флавий говорит, что один только испытательный срок у ессеев занимает три года; как же он всего за три года успел «побывать» и в ессеях, и в саддукеях, и в фарисеях? И по этой причине, закончила свое интервью Элиор, мы имеем все основания сомневаться в правдоподобности этого «личного свидетельства» Флавия.

Как отнестись к этому спору современного историка с древним? Как всегда, следует прежде всего выслушать доводы обеих сторон. Что конкретно говорят нам авторы, писавшие об ессеях? Филон, этот видный последователь греческой философской школы стоиков, умерший в 50 году н. э., говорит, что ессеи в количестве более 4 тысяч человек живут по всей Стране Израиля, ведут простой, скромный образ жизни, не знают денег и не имеют имущества, посвящают все свое время изучению религиозных книг и строжайшему следованию их предписаниям, отвергают всякое насилие и использование оружия, соблюдают субботу, богобоязненны, честны, набожны, праведны, равны, свободны, не женятся, а живут общиной, в которой имущество, деньги, еда и одежда являются общей собственностью. Каждую субботу они собираются в синагогах, молятся и толкуют Тору философским или аллегорическим образом. Филон не называет ни

одного имени, или места, или исторического свидетельства, которые подтверждали бы его рассказ.

Римский историк Плиний Старший (ум. в 79 году н. э.) посвящает эссеям несколько строк. Он повторяет за Филоном, что они не женятся, не имеют денег и насчитываются тысячами «уже на протяжении поколений». Но в отличие от Филона он говорит, что ессеи живут возле Эйн-Геди. Наконец, Флавий, повторив все это, уже называет ессеев одной из трех «главных» групп в тогдашнем иудаизме и добавляет, что особенностью религиозной практики ессеев являются ежедневное утреннее ритуальное омовение и совместная молитва. Он упоминает также о строгом уставе их общины, длительном (три года) испытательном сроке, о наличии у ессеев тайных «священных книг», рассказывающих «об ангелах», и о том, что они живут до ста лет. (Многие современные историки, например Марголис во «Всеобщей истории евреев», добавляют к описанию Флавия множество новых сочных деталей, вроде того, что ессеи якобы ходили в белых одеяниях, дети у них воспитывались сообща, общение с женщинами категорически запрещалось и так далее. Откуда у них эти сведения, непонятно. Все эти подробности даются без всякой ссылки на источники, даже на Флавия, но потом кочуют в популярной литературе.)

Что возражает на это Элиор? Она отмечает как главную странность, что существование такой сплоченной группы с ее необычными идеалами свободы, равенства, общинной жизни, суровой набожности и аскетизма не отмечено ни одним автором тех столетий, которые предшествовали Иудейской войне, когда эта группа наверняка уже должна была складываться (говорил же Плиний о «многих поколениях»). Не отмечено оно и ни одним автором I века н. э., когда ессейская община, по словам Филона и Плиния, уже насчитывала тысячи человек. С другой стороны, в описаниях всех трех перечисленных авторов есть ряд неправдоподобных деталей — например, «монастырский» образ жизни, известный тогда в Египте, но совершенно не свойственный Палестине, фантастическое для тех времен долголетие, нарушение заповеди «плодиться и размножаться», отказ от владения рабами и от применения оружия, невозможность размещения такого количества людей в небольшом оазисе Эйн-Геди и так

далее. Все эти большие и мелкие сомнения и противоречия исчезают, если принять, что Филон в своем пространном очерке действительно описал не реальных «ессеев», а некую утопическую религиозную общину, какой она могла бы выглядеть, если бы воплотила в жизнь идеалы стоиков. А Плиний и Иосиф Флавий, зачарованные этим идеалом «святой общины», добавили к ее описанию детали, которые соответствовали их собственным стремлениям и представлениям.

Означает ли этот вывод, будто Элиор принимает гипотезу Голба, что Кумранские рукописи — это библиотека беглецов из Иерусалима? Нет, и по той же причине, по какой гипотезу Голба долгие годы не принимал кумрановедческий истеблишмент: она говорит, что эта гипотеза игнорирует важнейший факт — загадочное, необъяснимое отличие содержания значительной части свитков Мертвого моря от литературы саддукеев и фарисеев. Игнорирует она и второй, не менее важный факт — при всем своем внешнем различии эти странные свитки обнаруживают явное внутреннее единство, которое неопровержимо указывает, что все они, скорее всего, являются творениями одной или нескольких идейно близких религиозных групп. Как-то не укладываются эти два факта в голбовскую схему пестрой, многообразной «Иерусалимской библиотеки». Заметим, однако, что они не укладываются на первый взгляд и в гипотезу самой Элиор. Если не было ессеев, а была литература, отличная и от литературы саддукеев, и от литературы фарисеев, то кто же был ее автором? Но Элиор как раз и вела нас к этому вопросу, потому что у нее давно уже есть на него ответ — своя оригинальная гипотеза, совершенно по-новому объясняющая, кто написал загадочные свитки Мертвого моря.

Глава третья

Революция фарисеев

Прежде чем излагать гипотезу профессора Элиор, напомним основной факт: почти 30 процентов всех древних рукописей II века до н. э. — I века н. э., найденных в Кумра-

не, составляют тексты явно «сектантского» содержания, излагающие религиозные взгляды, весьма отличные от идеологии двух главных групп тогдашнего иудаизма — саддукеев и фарисеев. Именно этот факт и дал основание большинству ученых приписать эти тексты «секте ессеев». Любой историк, который хочет опровергнуть «ессейскую теорию», как это делает Элиор, обязан объяснить, кому в таком случае принадлежат эти тексты. И, как я уже сказал, Элиор такое объяснение предлагает. Согласно ее гипотезе (частично повторяющей давнюю гипотезу Л. Шиффмана), это документы особой группы — саддукеев-еретиков, отколовшейся от основной массы своих собратьев. В ходе идейной борьбы со своими прежними единомышленниками эта группа, говорит Элиор, постепенно сдвигалась в сторону все более жесткого, даже ожесточенного обособления, а ее фанатичная вера в свою правоту находила выражение в мистически-мессийских видениях некой «последней и решительной» схватки сил света и тьмы (в которой они, разумеется, представляли собой сторону «сынов света»). Но надо заметить, что эта борьба внутри саддукейства развертывалась на фоне более широкого и давнего противоборства основной массы саддукеев со все усиливавшейся группой фарисеев. А это главное противоборство, по теории Элиор, завершилось (вскоре после падения второго Храма, то есть после 70 года н. э.) победоносной «революцией фарисеев», которая привела к торжеству нынешнего, так называемого талмудического иудаизма (в противовес иудаизму библейскому) и к полному уходу саддукеев (как храмовых, так и «отколовшихся») с исторической сцены.

Прежде чем излагать эту теорию, стоит хотя бы вкратце напомнить некоторые исторические детали. Историки знают о саддукеях лишь со слов их противников — из раввинистической литературы более позднего времени. Судя по этим данным, саддукеи вели свою родословную от первосвященника первого Храма по имени Садок, который помазал Соломона на царство. Преемники Садока, иногда именовавшие себя садокитами, оставались первосвященниками и во втором Храме, построенном Эзрой (Ездрой) после возвращения евреев из вавилонского плена. Однако еврейское царство не

было восстановлено и после возвращения из плена, так что второй Храм был построен под эгидой чуждой иудаизму власти, и потому его легитимность, а также авторитет его священников-садокитов многими оспаривались.

Эти споры о религиозной чистоте уже тогда породили раскол в обществе и привели к появлению первых «отколовшихся», которые и стали называться фарисеями (впрочем, кое-кто возводит это название к слову «перушим», то есть «комментарий», что тоже возможно, поскольку эта секта в основном состояла из знатоков Торы, толковавших ее в духе устной традиции; не случайно христианские Евангелия называют их «книжниками»). Споры между садокитами и фарисеями особенно обострились, когда в III веке до н. э. Палестина попала под эллинистическое владычество и царь Антиох Эпифан в ходе борьбы с иудаизмом нарочито осквернил Храм, введя туда свинью в качестве жертвы богам. Это святотатство вызвало знаменитое восстание Маккавеев, в результате которого власть Антиоха в Иудее была свергнута и там воцарилась династия Маккавеев (они же Хасмонеи). Но по мнению многих тогдашних евреев, Храм был безнадежно осквернен. Правда, садокиты утверждали, что его очистило последующее «чудо Хануки» (когда крошечный светильник, найденный в Храме после отвоевания его армией Маккавеев, горел целых восемь дней). Но поскольку после воцарения Хасмонеи стали править и в Храме, присвоив себе звание первосвященников, партия фарисеев еще более утвердилась во мнении, что Храм стал «сакральнo нечистым». Они стали противопоставлять Храму авторитет синедриона (высшего религиозного собрания), в котором главенствовали еще до Хасмонеев. Напротив, саддукеи смирились с тем, что цари отняли у них первосвященничество, и примкнули к Хасмонеям. Вместе с ними они составили тогдашнюю еврейскую аристократию.

Как и многие другие аристократии Ближнего Востока, эта хасмонеиско-саддукейская знать вскоре подпала под влияние эллинизма, что вызвало глубокое социальное, политическое и культурно-религиозное недовольство более традиционной еврейской массы. Фарисеи стали выразителями этого недовольства, вылившегося в открытое восстание, которое,

однако, потерпело поражение, после чего вожди фарисеев были изгнаны из страны. Но затем им было позволено вернуться, и они окончательно захватили руководство синедрионом. Религиозная борьба фарисеев с саддукеями опять обострилась и в конце концов стала причиной оккупации Палестины армией римского полководца Помпея (63 год до н. э.) и ее превращения в римскую провинцию. Эта борьба шла теперь вокруг вопроса о роли Храма и храмовой службы (на первоначальности которой настаивали саддукеи), а также вокруг вопроса, надлежит ли следовать только букве Письменной Торы (как считали саддукеи) или же позволительно дополнять ее Торой Устной (которую, по мнению фарисеев, Господь дал даже раньше Торы Письменной). Саддукеи сурово требовали исполнения того, что написано в Торе, например «око за око»; фарисейский же синедрион, опираясь на устную (народную) традицию, «либерально» разрешал заменить «око» эквивалентной платой. Не менее глубокими были и чисто догматические различия: саддукеи (находясь под влиянием греческих стоиков и эпикурейцев) отрицали существование души, не признавали загробной жизни и воскресения из мертвых — всего того, что так «согревало» сердце простого верующего и что фарисеи «вычитывали» в Устной Торе.

Понятно, что столь глубокие расхождения по фундаментальным вопросам делали борьбу непримиримой, но до тех пор, пока был Храм и сохранялась царская власть, сохранялся и раздел религиозной власти: саддукеи правили в Храме, фарисеи — в синагогах и местах изучения Закона; саддукеи по-прежнему считали, что слово Божье напрямую передается людям через пророков, фарисеи утверждали, что ни у кого нет монополии на слово Божье, ибо оно познается в непрерывном изучении и толковании его людьми (а потому «весь Израиль — народ священников»). Когда же в результате еврейского восстания 66–71 годов н. э. римляне захватили Иерусалим и разрушили второй Храм, саддукеи лишились своей последней опоры, и многовековая борьба завершилась победой фарисеев.

Одним из главных результатов этой победы стало провозглашение «конца пророчеств». В Библии насчитывается 55

имен людей, которые оставили по себе некие внятные пророчества (семь из них были женщинами). От пятнадцати из них остались книги, от одних большие, от других поменьше, слова некоторых (например, пророка Натана) просто пересказаны, имена многих не упоминаются вообще, но в целом понятно, что люди такого рода (причем самого разного возраста и из самых разных сословий) существовали на протяжении всей древней еврейской истории. И вдруг эта традиция была объявлена прервавшейся. Расхожее мнение связывает это с травмой от разрушения первого Храма (586 год до н. э.), но на самом деле пророки были и после этого, ибо Книга Иезекииля появилась уже в вавилонском плену, а Книги Аггея, Захарии и Малахии были написаны еще позже, уже во времена создания второго Храма (после 516 года до н. э.). На Малахии, однако, цепь известных нам пророков почему-то оборвалась, а после разрушения второго Храма место пророков в еврейской жизни окончательно и монополично заняли фарисеи-толкователи Торы, которые вскоре канонизировали как Тору, так и свои собственные толкования (Устную Тору) в виде знаменитого Талмуда.

Именно этот переворот в религиозной жизни древнего еврейства Рахель Элиор и называет «революцией фарисеев». Отныне общение пророков с Богом сменилось общением мудрецов с текстом. Это была подлинная революция, ибо она знаменовала переход от мира, в котором Бог присутствовал в жизни и давал, через пророков, ответы на главные вопросы еврейского существования, к миру, в котором Бог перестал говорить с людьми напрямую и все ответы на «главные вопросы» следовало искать посредством изучения и интерпретации библейского текста и устного закона (каковой интерпретацией занимались теперь особые люди — «мудрецы Торы»). В этом новом мире авторитет Бога был настолько подменен авторитетом Текста и Комментария, что, сообщив Бог однажды свое мнение спорившим мудрецам, они заявили бы ему, что это «всего лишь еще одно мнение». Стоит ли говорить, что переход к этому новому типу веры, в котором решающую роль играли интерпретаторы текстов (сначала фарисеи, а потом их преемники — раввины), попросту

требовал «устранения» пророков, то есть предварительного провозглашения «конца пророчеств»?

Талмудическая (фарисейская) традиция говорит, что этот «конец» наступил сам собой: мол, после Малахии пророки уже «больше не появлялись». Но Рахель Элиор отмечает любопытное совпадение: одновременно с этим наступил еще один, тоже давно известный специалистам, переворот в еврейской религиозной жизни — произошло изменение еврейского календаря. Известно, что сейчас у евреев календарь в основном лунный. Весь Талмуд в своих толкованиях и предписаниях глубоко и сущностно базируется на лунных циклах. Власть синедриона в эпоху второго Храма, а особенно в послехрамовые времена тоже была во многом связана с прерогативой надзора над выполнением указаний лунных календарных циклов. Однако, как показали раскопки, в древних синагогах астрологические мозаичные круги имели в вершине месяц нисан — прямое свидетельство того, что в доталмудическую эпоху год начинался именно с этого месяца, как это предписано в Письменной Торе (Исход, 12), а не с месяца тишрей, как стало обычным в талмудическую эпоху. До появления книги Элиор эту смену календарей считали мало значащим событием, в ее же книге оно оказывается важным звеном некой всеобъемлющей религиозной революции, которая произошла в определенный период древнееврейской истории, когда талмудическая идеология полностью подчинила жизнь народа своей власти. Как писал в рецензии на книгу Элиор известный израильский религиовед Иосиф Дан, «то была настоящая революция, которая началась с провозглашения “конца эпохи пророчеств” и насильственной смены календаря, а кончилась отказом от “слова Бога живого” в пользу текста и традиции и утверждением нынешнего библейского канона».

Как утверждает Элиор, в какой-то момент длительной борьбы фарисеев и саддукеев, задолго до этой революции, некоторая часть саддукеев, которая не примирилась с капитуляцией своих храмовых собратьев перед Хасмоняями, объявила этих собратьев «идушими по неверному пути», отошла от них и постепенно сформировала обособленную

секту, стремившуюся восстановить «исходную чистоту» храмовой службы и первосвященничества времен Садока. Эта группа создала свой устав религиозного и бытового поведения, а в мечтах о реванше породила ряд мистико-мессийских текстов, описывающих схватку сил добра и зла в конце времен. Это продукция сектантов-саддукеев и есть, по мнению Элиор, то, что называют «ессейскими свитками». И действительно, в так называемой «ессейской» части Кумранских рукописей легко заметить поразительные параллели с описанными выше деталями: это и самоназвание создателей свитков («садокиты», «дети Садока»), и упоминания о борьбе некоего «Учителя Праведности» с «Неправедным Жрецом» (или «Учителем лжи»), и перечень догматических расхождений между ними. А ритуалы садокитов, описанные в таких свитках, как «Некоторые вопросы Торы» и ряде других, столь же поразительно напоминают ритуалы саддукеев, вплоть до их солнечного календаря.

Означает ли это, что Элиор нашла окончательное решение загадки Кумрана, которое так долго ускользало от других ученых? Увы, ответ не так прост. Дело в том, что Кумранские свитки настолько неоднозначны, что дать им какое-либо однозначное толкование можно (во всяком случае, пока) лишь ценой предпочтения одних прочтений этих свитков другим, столь же возможным. К примеру, упомянутый выше свиток «Некоторые вопросы Торы» вроде бы подтверждает теорию Элиор: его основному тексту предшествует отрывок солнечного, то есть саддукейского, календаря, после чего следует обращение кого-то к кому-то: «И ты знаешь, что мы отделились от остального народа и избегаем вмешиваться в его дела... И ты знаешь, что в наших действиях нет никакого зла, но только озабоченность этими делами; и мы писали тебе об этом, убеждая тебя понять, что написано в книге Моисея, и у пророков, и у Давида, и в хрониках всех поколений». Далее перечислены 24 пункта религиозных расхождений автора и адресата — и все они в основном связаны с вопросами ритуальной чистоты Храма. Анализ этого документа приводит ученых к выводу, что его авторы никак не могли быть фарисеями и вряд ли были поголовно теми ессеями, которых описал Флавий, а скорее близки к тем «отколовшимся садду-

кеям», о которых говорит Элиор. Однако другой текст того же рода, так называемый «Храмовый свиток», посвященный в общем тем же вопросам: строительству Храма, храмовой чистоте, праздникам и богослужению, — содержит такие детали (особая архитектура Храма, якобы сообщенная автору текста самим Всевышним, отличие календаря от строго солнечного, наличие добавочных праздников, отсутствующих в Торе), которые не позволяют считать этот текст саддукейским.

Вдобавок следует заметить, что все эти главные «сектантские» тексты (уже названные и такие, как «Свиток войны», «Комментарий на Аввакума», «Комментарий на Еноха» и др.) были найдены в Кумране не в одной, а во многих копиях (их число доходило до пятнадцати), причем от некоторых сохранились только крошечные фрагменты. А различия между этими копиями таковы, что почти по каждому вопросу можно насчитать несколько возможных толкований. Из-за этого теряет однозначность даже само понятие «кумранская община», которое с такой легкостью используется в популярной литературе. Тексты действительно говорят о некой группе единомышленников, но именуют ее то «Яхад» («Вместе», «Сообщество»), то «сыны света», то «садокиты», то «эбиониты», так что трудно понять, идет речь об одной общине или о нескольких сходных, а то и различных. Есть основания думать, что первоначально общину составляли три бывших храмовых жреца и двенадцать их учеников, которые по каким-то религиозным вопросам разошлись с большинством и то ли сами ушли, то ли были изгнаны в некий «Дамаск», причем, как я уже говорил, непонятно, является ли «Дамаск» реальным Дамаском, или метафорой «изгнания вообще», или другим названием утопического «Небесного Иерусалима». Но не исключено, что речь идет все-таки о сходных группах, потому что во многих текстах фигурирует единый духовный наставник — «Учитель Праведности». Впрочем, и о нем возможны как минимум четыре мнения: ко времени написания свитков он давно уже умер; он жив и возглавляет общину (какую именно?); он придет в будущем, это мессия (при этом в некоторых свитках упоминаются два мессии); и, наконец, учитель был не один — существовали несколько

учителей, сменявших друг друга (не отражена ли здесь династия Садокитов?). Против «Учителя Праведности» выступает «Неправедный Жрец», он же «Учитель лжи» (хотя иногда это две разные фигуры). В прошлом (вариант — в настоящем, еще вариант — в конце времен) имела место (имеет место, будет иметь место) беспощадная война каких-то колен Израилевых с какими-то врагами, причем первых будут возглавлять «сыны света» (а возможно, ангелы), а вторых — «сыны зла».

Даже этого кратчайшего (и крайне упрощенного) пересказа достаточно, чтобы увидеть, что гипотеза Элиор, при всей ее привлекательности, вряд ли может объяснить все противоречивые особенности Кумранских свитков, разве что ценой «отсечения» одних и «спрямления» других деталей. Впрочем, с помощью «отсечения» и «спрямления» может обосновать и куда более впечатляющие гипотезы — например, утверждение, что в кумранских текстах речь идет не о ессеях и не о саддукеях, а о первых христианах. Но это уже другая история, и о ней речь впереди.

Глава четвертая

От «Учителя Праведности» до «Кода да Винчи»

Как я уже рассказывал, знаменитые Кумранские свитки были найдены более 60 лет тому назад, и, хотя значительная их часть была тогда же обнародована, стала общедоступной и вызвала огромный научный интерес, около 40 процентов найденного материала попали в руки работавшей под присмотром Ватикана «Международной комиссии» во главе с монахом-доминиканцем Роландом де Во, и эта комиссия в течение примерно 40 лет (!) без всякого объяснения препятствовала их публикации. Более того — никому, кроме самих членов комиссии (и то при условии подписания «присяги секретности»), не позволялось даже взглянуть на хранимые в глубочайшей тайне свитки. Этот неслыханный в истории науки покров секретности (оксфордский историк Геза Вермес назвал его «величайшим научным скандалом XX века»)

был сорван лишь в 1991 году, когда три историка, Шанкс, Эйзенман и Робинсон, нашли факсимильные копии засекреченных документов в отделе рукописей библиотеки Калифорнийского университета (где они хранились в тайне от широкой общественности) и опубликовали их фотографии.

Чем объяснить этот странный эпизод? По мнению некоторых специалистов, поведение комиссии было продиктовано опасениями, что публикация новых свитков может подорвать доверие к господствующей «ессейской» гипотезе. Однако другие специалисты (тот же Геза Вермес, например) объясняли ситуацию просто плохим подбором членов комиссии и авторитарным стилем работы де Во. Но были и третьи (например, Джон Аллегро), которые выдвигали самое интересное объяснение: они утверждали, что публикацию свитков тормозит сам Ватикан, опасаясь, что в них может содержаться что-то такое, что способно бросить тень на канонические воззрения об истории возникновения христианства и на фигуру Христа.

Эти подозрения имели под собой почву. С самого начала было очевидно, что какая-то связь между возникновением христианства и кумранской сектой вполне могла существовать. Кумранские свитки, как показала их датировка, относились как раз к тому важному историческому периоду (II век до н. э. — I век н. э.), когда в ортодоксальном иудаизме происходил переход от библейской к талмудической эпохе, а на его периферии складывалось раннее христианство. К тому же содержание некоторых свитков тоже указывало на определенную связь их авторов с идеями первохристиан. Даже сторонники «ессейской» гипотезы признавали возможность такой связи, хотя и видели в ессеях, вслед за Флавием и в соответствии со многими особенностями кумранских текстов, все же одно из направлений тогдашнего иудаизма. Но некоторые другие ученые уже начиная с 1960 годов выдвинули куда более смелую гипотезу, по которой кумранские ессеи не просто «идейно близки» к первым христианам, а сами и были первыми христианами. Выдвигая такое предположение, эти авторы опирались на специфическое прочтение тех 30 процентов кумранских текстов, содержание которых резко отличалось от идеологии ведущих групп ортодоксаль-

ного иудаизма — саддукеев и фарисеев. И вот это «первохристианское» прочтение привело некоторых кумрановедов к радикально новым гипотезам касательно истории раннего христианства. Так что Ватикану, по всей видимости, было чего опасаться и ради чего тормозить публикацию.

Первым из кумрановедов, обратившим внимание на сходство «ессейства» и христианства, стал уже упомянутый Джон Аллегро, английский филолог, который еще в 1960-х годах высказал предположение, что ессейские тексты, верования и обряды были «матрицей» раннего христианства. Аллегро считал поэтому, что изучение Кумранских свитков приблизит науку к пониманию общих корней иудаизма, христианства и ислама. Воодушевленный этой идеей общности всех религий, он в 1970 году опубликовал свою главную книгу «Крест и священный гриб», в которой, опираясь на филологические данные различных семитских языков, утверждал, что все религии, включая христианство, выросли из древнего культа плодородия (Иисус у него был вариантом Озириса, а Мария — богини Изиды), причем в разных таких культах общим символом бога всегда был некий «священный гриб» (*amanita muscaria*), ритуальное съедение которого вызывало транс и галлюцинации мистического содержания. Католическая церковь, понятно, сурово осудила книгу, но и специалисты-филологи высказали серьезные сомнения относительно ее научной части, и в результате Аллегро был фактически отлучен от кумрановедения.

Его идеи, однако, нашли продолжателей. В 1973 году профессор Коллеж де Франс Андре Дюпон-Соммер, следуя мысли, некогда высказанной Эрнестом Ренаном, предположил, что «христианство было победившим ессейством». По его убеждению в некоторых Кумранских свитках можно найти упоминания о каком-то «вожде», который сначала погиб от рук врагов своей общины, а затем воскрес, покарал своих врагов и привел общину к победе; в этой фигуре нетрудно увидеть черты евангельского Иисуса Христа. В подтверждение своей мысли Дюпон-Соммер указывал, в частности, на отрывок из кумранского текста «Комментарий на Аввакума», где сказано: «И Неправедный Жрец преследовал Учителя Праведности в его изгнании, чтобы уничтожить его в гневе

своим. И во времена, назначенные для Судного дня, он появился перед ними, чтобы уничтожить и победить их в святой день субботнего отдыха». По Дюпон-Соммеру, речь тут шла о двух событиях: сначала о смерти Учителя, а затем — о его появлении (воскресении) и победе, причем второе он относил ко времени захвата Иерусалима Помпеем (63 год до н. э.). В других местах того же текста он усматривал описание мученической смерти Учителя и заключал: «Галилейский Учитель (то есть Иисус. — *Р. Н.*) во многих отношениях похож на поразительную реинкарнацию Учителя Праведности». Однако другие специалисты (например, Кук в книге «Разгадывая загадки свитков Мертвого моря», 1994) впоследствии показали, что прочтения Дюпон-Соммера неверны и кумранского «Учителя Праведности» вряд ли можно считать прообразом евангельского Христа: в текстах нигде не говорится, будто он был распят или будет высшим судьей в конце времен, и точно так же нигде не предсказывается его «победное воскресение»; когда же тексты говорят о «мессии» (они иногда говорят о нем, а в документе 4Q521 — даже о двух мессиях сразу, сначала из рода жрецов, а затем из рода царей), то нигде не отождествляют его с «Учителем Праведности». Вообще, во всем, что касается этого учителя, имеет место крайняя путаница: как уже говорилось, согласно одним свиткам, он уже умер ко времени их написания, согласно другим, он жив и возглавляет общину, согласно третьим, «Учитель Праведности» был не один, а существовали несколько учителей, сменявших друг друга, а кроме того, во многих важных свитках он вообще не упоминается.

Однако, несмотря на провал гипотез Аллегро и Дюпон-Соммера, попытки аналогичных «первохристианских» прочтений и поиски евангельских героев в кумранских текстах продолжались и позже, причем в соответствии с обилием возможных прочтений первоисточников постепенно возникло и множество различных таких отождествлений. Так, в гипотезе историка Джейкоба Тейхера из Кембриджа «Учитель Праведности» — это опять же Иисус, но его враг, «Неправедный Жрец», — уже не Помпей, как у Дюпон-Соммера, а апостол Павел, а у австралийской исследовательницы Барбары Тиринг (книга «Иисус-Человек» и другие труды)

«Учитель Праведности» — это Иоанн Предтеча (который якобы провел какое-то время в Кумране), а его оппонент — сам Иисус (к тому же дважды женатый и отец четырех детей). Однако наибольшая — отчасти даже скандальная — известность в этом списке увлекательных фантазий выпала на долю гипотезы одного из виднейших американских кумрановедов Роберта Эйзенмана, того самого, который участвовал в описанной выше самовольной публикации «засекреченных» Кумранских свитков.

Вскоре после этой публикации Эйзенману и другому американскому историку, Майклу Вайзу, были доверены расшифровка и анализ пятидесяти из этих свитков, и год спустя они опубликовали результаты своей работы в книге «Рассекреченные свитки Мертвого моря», которая вызвала резкий протест специалистов. Опираясь на три из проанализированных ими документов, авторы заявляли, что кумранские тексты имеют «в целом мессианский характер», причем фигура мессии в них отличается от того победоносного мессии, который известен из еврейской традиции, — у «кумранцев» это «страдающий мессия». Важнейшим доказательством своего утверждения Эйзенман и Вайз объявляли документ Q285, где речь идет о некоем «вожде», который не то был убит, не то сам убил кого-то. Поскольку документ был найден в виде нескольких фрагментов, многое в его прочтении зависело от того или иного склеивания этих кусочков; кроме того, ключевое слово в тексте выглядело как ряд согласных (ивритские слова пишутся без гласных), и в зависимости от подстановки тех или иных гласных этот ряд можно было прочесть как «они убили» или как «он убил (его)».

На основании такого рода произвольных и спорных прочтений авторы воскрешали старую, высказанную за десять лет до того гипотезу Эйзенмана, согласно которой кумранская община представляла собой воинствующую (!) мессианскую секту иудеохристиан, крайне враждебно относившихся к «оккупантам» — римлянам и еврейским «коллорабационистам» тех времен — царской династии и саддукейской храмовой знати. Основателем секты эта гипотеза именовала «страдавшего» и погибшего мессию (воскресения которого она ожидала), а руководителем ее (еще жившим во времена на-

писания свитков) — «Учителя Праведности». Привлекая далее материал Евангелий, Эйзенман утверждал, что «страдающий мессия» Кумранских свитков — это Иисус, а «Учитель Праведности» — его брат Иаков, который, как рассказывают христианские «Деяния апостолов», после смерти Иисуса стал руководителем иерусалимской общины первых христиан. В специальной работе «Иаков, брат Иисуса» Эйзенман приложил незаурядные усилия, чтобы доказать справедливость фразы в «Деяниях апостолов», согласно которой у Иисуса были родные братья и сестры; эта фраза противоречила христианской догме о непорочном зачатии, и католическая церковь обошла эту трудность, объявив Иакова либо сыном сестры Девы Марии, тоже якобы Марии, либо сыном Иосифа от первого брака.

В христианских источниках Иаков действительно именуется «Праведным», и о нем известно, что он глубоко почитал второй Храм и был пуритански строгим в отношении всего, что связано с Храмом (отсюда, считает Эйзенман, такое внимание к храмовым и ритуальным вопросам в текстах кумранской общины). Община Иакова, по Эйзенману, отличалась непримиримо враждебным отношением ко всему «иноземному» (римлянам, эллинизаторам и их пособникам из числа евреев) и была в этом плане близка по духу тем «зелотам», которых Флавий называет «четвертой» еврейской партией тех времен. Вместе с зелотами (или под именем зелотов) Иаков и его единоверцы, по мнению Эйзенмана, готовили восстание против римлян, и за это первосвященник Анания велел побить Иакова камнями. Эта казнь (произошедшая, по христианским данным, в 62 году н. э.) была, по Эйзенману, первопричиной еврейского восстания 66 года, которое закончилось разрушением Храма. Что же до враждебного Иакову «Неправедного Жреца», то это, считает Эйзенман, не кто иной, как апостол Павел.

Далее гипотеза Эйзенмана разворачивается как добротный детективный роман. Павел, оказывается, был чуть ли не римским «провокатором», засланным в ряды опасных для римлян первохристиан. Поэтому он побывал в их оплоте Кумране и даже провел там три года, после чего понял, как можно ослабить и даже подорвать это опасное для властей учение.

Под видом развития идей мессии-Христа он стал провозглашать нечто прямо противоположное проповеди «Учителя Праведности» Иакова: вместо строгого подчинения заветам Торы и правилам Храма — отказ от Ветхого Завета и свободу поведения (ибо Иисус якобы будет судить людей не по делам, а «по вере»), вместо обособления от иноземцев и их растлевающих идей (лозунг «несть ни элина, ни иудея») и вместо борьбы с оккупантами — сотрудничество с ними и отказ от борьбы («кесарю — кесарево»). Павел, утверждает Эйзенман, извратил раннее христианство, приспособив его к требованиям римских властей, и именно такое христианство римляне со временем сделали государственной религией. Детали этого сюжета заинтересованный читатель может найти в главной книге Эйзенмана «Свитки Мертвого моря и первые христиане» (1996).

Гипотеза Эйзенмана отличалась смелыми обобщениями, не имевшими, к сожалению, достаточных оснований в самих кумранских текстах. Но главная слабость этой гипотезы (как, кстати, и всех ей подобных, описанных выше) состояла в том, что она противоречила датировке Кумранских свитков. Привязать кумранскую общину к первым христианам (например, «Учителя Праведности» к Иакову и «Неправедного Жреца» к Павлу) можно лишь в том случае, если окажется, что соответствующие кумранские тексты написаны во времена Иисуса, Иакова и Павла, а это значит — не раньше середины первого века нашей эры. Но первые же датировки Кумранских свитков, проведенные методами археологии и палеографии, показали, что большинство так называемых «сектантских» документов относится к I и даже II векам до н. э. Эйзенман и Вайз объявили эти методы «слишком грубыми» и потребовали провести радиоуглеродную датировку. Вскоре после публикации их книги такая датировка тоже была проделана (она охватила лишь большие документы, поскольку требовала сжигания кусочка пергамента, на котором написан текст, а некоторые тексты были найдены в крошечных фрагментах). Эта новая датировка подтвердила точность прежних выводов палеографии, и тогда Эйзенман и Вайз объявили «грубой» и ее. Но несколько лет спустя, когда новый способ масс-спектрометрической датировки (не требующий

сжигания материала) подтвердил все прежние даты, гипотеза Эйзенмана и ей подобные окончательно потеряли хождение в науке (хотя продолжают волновать воображение многих людей).

Понятно, что все эти шумные научные бои вокруг «первохристианских» толкований загадочных Кумранских свитков не могли уйти от внимания журналистов, и один из них, австралиец Donovan Joyce, сообразил, что из этого материала можно выкроить изрядную сенсацию. В 1973 году он опубликовал книгу «Свиток Иисуса», в которой рассказывал, как пытался пробраться в «загадочные пещеры Масады», куда его не пустил «суровый израильский воин-археолог Игаль Ядин», как он подкупил какого-то археолога из команды Ядина и тот дал ему копию якобы найденного там свитка, автор которого, называя себя Иисусом (!), рассказывал, что годы назад возглавил восстание против римлян, за что едва не был распят, но бежал, женился на Марии Магдалине и имел от нее ребенка, однако затем снова пошел против римлян и вот теперь ждет своей смерти в Масаде. Этот свиток, завершал Joyce, у него отобрали в аэропорту, и он исчез «в тайниках Ватикана».

Книга была опубликована, действительно произвела некую сенсацию, автор даже получил от возмущенных христиан несколько писем с угрозой убить его, но затем волна интереса схлынула. Однако ненадолго. В 1982 году два энергичных автора, Майкл Байджент и Ричард Лей, опубликовали еще более шумевшую книгу «Святая кровь, Святой Грааль», в которой воскресили выдумку Joyce, разукрасив ее еще несколькими искусно соединенными мифическими сюжетами. Их «Иисус» тоже имел ребенка от Марии Магдалины, но этот ребенок был доставлен во Францию и там дал начало королевской линии Меровингов. Все это было делом могущественной тайной организации «Приорат Сиона», создавшей для защиты «династии Христовой» специальный Орден тамплиеров; а сама тайна была запечатана в документе, получившем название «Грааль». Ватикан с первых же дней, опасаясь за свою власть, пытается найти и уничтожить этот Святой Грааль и борется с защитниками потомков Иисуса — сначала с тамплиерами, потом с катарами, а главное — с «Приоратом

Сиона» (во главе которого, если верить авторам, были такие люди, как Леонардо да Винчи, Виктор Гюго и французский поэт и драматург Жан Кокто). Но эта тайная организация существует и сегодня, стремясь создать «Объединенную Европу» и стать ее властителем.

Эта книга вызвала огромный интерес, но, как видно из ее изложения, состояла она, по сути, из наскоро слепленных мифов, хорошо замешанных на столь же популярной «теории заговора», даже нескольких сразу: «Иисуса» против римлян, «Приората Сиона» против Каролингов, Ватикана против «Приората Сиона», — и не обошлось, конечно, без «Протоколов сионских мудрецов», по образцу которых и был выдуман «Приорат Сиона». (Не так давно дальний отголосок этой фантазии прозвучал в Интернете, где появился рассказ о создании израильской атомной бомбы благодаря помощи, которую Жан Кокто оказал Шимону Пересу через свою «марионетку» де Голля.) Впрочем, эта всеядность не сошла авторам с рук: украл основную идею у Джойса, они, в свою очередь, были обокрадены небезызвестным Дэном Брауном, который спустя почти двадцать лет использовал «историческую» начинку Байджента и Лея, написав на ее основе свою нашумевшую книгу «Код да Винчи». Попытка авторов судиться с Брауном кончилась для них провалом: суд справедливо признал их теории «коллективными мифами» и обязал их выплатить три миллиона евро судебных издержек.

Часть третья
Древность, извлеченная из глубин

Глава первая
Ашера — царица неба

Не так давно на экраны европейского телевидения вышел и вызвал большой интерес трехчастный фильм, сделанный по материалам книг и лекций историка одного из английских университетов Франчески Ставракопулу. Интерес этот легко понять. Как утверждает Ставракопулу, она обнаружила и доказала некий сенсационный факт, имеющий прямое отношение к Господу Богу. «Его называют по-разному: Яхве, Аллах или просто Господь, — говорит Ставракопулу в заставке к фильму, — но все, кто исповедует одну из великих авраамических религий, будь то евреи, мусульмане или христиане, согласны в том, что этот Бог — единственный Творец всего и вся, а не просто один бог среди многих других. — И продолжает: — Однако после многолетних исследований истории и религии Израиля я пришла к волнующему и для некоторых, возможно, малоприятному выводу, что у этого Бога была жена и звали ее Ашера».

Ставракопулу утверждает, что ее открытие опирается на многочисленные древние тексты угаритского происхождения, в которых то и дело упоминается могущественная богиня плодородия с этим именем, и на столь же многочисленные фигурки и надписи из Угарита, посвященные ей. Угарит, как известно, это город-царство древнего Ближнего Востока, религия которого, как считают многие историки, оказала прямое влияние на древнееврейскую. В угаритских источниках Ашера выступает как супруга главного бога по имени Эль. Единый еврейский Яхве, утверждает Ставракопулу, именуется в Библии как Яхве Элоим (множественное от «Эль»), и та же Ашера упоминается в связи с этим Яхве как в самой еврейской Библии, так и в надписи VIII века до н. э. на обломке сосуда, найденного при раскопах в Кунтиллет Аджруд в Северном Синае. «Эта надпись, — объясняет Ставракопулу, — содержит просьбу о благословении, обращенную к “Яхве и Его Ашере” как к божественной паре. — И добавляет: — Позднее были найдены и другие надписи того же рода, подкрепляющие мысль о том, что у библейского Бога когда-то была жена, которая, если верить библейской Книге Царств, почиталась даже в иерусалимском Храме, где ей была установлена специальная статуя».

Что значит «была»? Была — а потом ее не стало? И что это за статуя богини в иерусалимском Храме, если еврейская религия сурово запрещает всякие изображения подобного рода? Как вообще отнестись к этому «сенсационному открытию»? Не выдумка ли все это?

Нет, не выдумка. Единственное, что тут, мягко говоря, не совсем точно — это утверждение об «открытии». Потому что все, что рассказывает Ставракопулу в своем фильме, давным-давно известно всем знатокам древней истории. Гипотезу о существовании у древних евреев богини Ашеры выдвинул еще в 1967 году еврейский историк Рафаэль Патай в своей книге «Ивритская богиня». Но и он не был первым. Об угаритской богине Ашере (она же Атира, Элат и Кодеш), а также о многочисленных (около сорока) упоминаниях этого имени в Библии специалистам было известно и до Патая. Заслуга этого ученого состояла в том, что он первым связал эти два факта и заявил, что Ашера была главной богиней не

только в Угарите, но и в древнееврейской мифологии. Позднее раскопки в Синае подкрепили эту гипотезу. Здесь, в развалинах древней крепости Кунтиллет Аджруд, были обнаружены среди прочего обломки двух больших сосудов для воды, почти сплошь расписанных живописными изображениями животных и воинов; ниже этих изображений начертаны (смешанным финикийским и ивритским шрифтом) надписи, в одной из которых неведомый автор просил благословения у «Яхве из Шомрона и его Ашеры», а во второй — у «Яхве из Темана и его Ашеры». Впоследствии аналогичная пара имен была найдена и в надписи: «Благословен Уриягу от Яхве и его Ашеры, от врагов Он спас его», обнаруженной в Хирбет-эль-Хом вблизи Хеврона.

Кто же она, эта Ашера? Для лучшего понимания стоит обратиться к Библии. Почти все упоминания об Ашере (в русском синодальном переводе она названа Астартой) осуждают тех, кто ей поклоняется (например, говорится, что царь Манасия «посадил себе» или «сделал себе» Ашеру и этим «сделал зло перед лицом Господа»), и восхваляют тех, кто эту Ашеру «разбил» или «срубил». Здесь Ашера явно понимается как священное дерево или деревянная статуя. Во Второзаконии имеется прямой запрет сажать такое дерево или поклоняться такой статуе. Однако в некоторых других случаях (например, в Четвертой книге Царств, а также дважды у пророка Иеремии) о ней говорится как о богине. Именно на этом основании Патая уже в 1947 году, в более ранней своей книге «Человек и храм в древнееврейском мифе и ритуале», выдвинул тезис о длительном существовании в еврейской религии сильных элементов политеизма и, в частности, культа многочисленных женских богинь и великой Богини-Матери, выступавшей под такими именами, как Ашера, Анат, Астарта, Ашима, Матронит (она же Шехина) и даже Шабат (то есть персонифицированная суббота).

По мнению Патая, статуи херувимов в Соломоновом Храме были изображениями этих богинь, а вне Храма ее символизировали священные деревья и шесты. Другая исследовательница этого вопроса, Тильда Бингер, в своей книге «Ашера, или Богини Угарита, Израиля и Библии» (1997) добавила к этому предположение, что в Древнем Израи-

ле Ашере поклонялись не только в виде деревянной статуи, но также в виде статуи из глины или камня (иногда без ног), которую ставили перед домом или в лесу, а вдоль дорог Древней Палестины — просто в виде высоких деревянных шестов. Такие женские статуи, хотя и небольших размеров, действительно зачастую находят при раскопках Древнего Израиля.

Однако в 2000 году идеи Патая и Биндер получили куда более широкую интерпретацию, когда американская исследовательница Джудит Хадли в своей книге «Культ Ашеры в Древнем Израиле» заявила, будто все эти находки однозначно доказывают, что богине Ашере поклонялись не просто как одной из богинь или главной богине, а как «супруге Яхве». Эту идею Хадли подхватил и еще более энергично развил известный американский археолог Вильям Девер. В книге «Была ли у Бога жена?» (2006) он последовательно изложил теорию, согласно которой Ашера выступала в еврейской религии как богиня-супруга Яхве вплоть до эпохи Давида, Соломона (и даже всех последующих царей Израиля и Иудеи) и ей поклонялись как «царице неба», устраивая в ее честь специальные праздники. В доказательство своих построений Девер ссылаясь на упомянутые выше цитаты из Книги Иеремии («Дети собирают дрова, а отцы разводят огонь, и женщины месят тесто, чтобы делать пирожки для богини неба» — и в другом месте: «И когда мы кадили богине неба и возливали ей возлияния, то разве без ведома мужей наших делали ей пирожки с изображением ее?..»).

Книга Девера вызвала бурные споры среди ученых. Израильские археологи Ахитув и Амит назвали ее, по сути, безграмотной и недостоверной, тогда как некоторые западные теологи сочли «глубокой» и «замечательной». В целом, однако, интерпретация Девера не получила поддержки большинства специалистов. Многие из них высказали более умеренную гипотезу, по которой Ашера не была ни «царицей неба», ни тем более супругой Яхве, но имела статус некоего «посредника», через которого осуществлялось благословение Яхве, в силу чего в синайских и хевронских надписях и появилось выражение «Яхве и его Ашера». И наконец, третья, самая большая группа ученых осталась при мнении, что по-

клонение Ашере-Астарте представляло собой просто часть тех домонотеистических культов Ханаана, непрерывная борьба с которыми проходит сквозь все книги Библии, начиная с Второзакония.

Очень выразительно описывает эту длительную борьбу израильский археолог Финкельштейн в своей книге «Библия, извлеченная из земли». Он напоминает, что во времена Давида и Соломона дворцовая и храмовая бюрократия была слабой, а авторитет иерусалимского Храма стоял далеко не так высоко, как это описывается в Библии. В ту пору и даже много позже Храм отнюдь не был единственным средоточием религиозного культа. Параллельно с ним в Иудее и Израиле существовала также обширная система обрядов, практиковавшихся среди простого сельского населения. «Раскопки Баруха Гальперина и других, — пишет Финкельштейн, — доказали существование на всей этой территории многочисленных родовых святилищ, где отправляли местные обряды и приносили жертвы местным богам и богиням. Это поклонение родовым или местным богам не было — вопреки утверждениям редакторов Библии — каким-то “отступничеством” от якобы повсеместно существовавшей уже “чисто монотеистической” религии (чистый монотеизм появился только после вавилонского изгнания). То была часть древней традиции жителей Нагорья (Иудеи), которые почитали Яхве наряду с множеством других богов и богинь, заимствованных у соседних народов... Широкое распространение этой синкретической религии, — продолжает Финкельштейн, — доказывается сотнями фигурок обнаженных богинь плодородия, найденных в Северо-Западном Синае и в предгорьях Иудеи. Все они, по всей видимости, были посвящены богине плодородия Ашере. Однако этот глубоко укорененный культ не ограничивался только сельской местностью. Есть достаточно библейских и археологических свидетельств того, что синкретический культ Яхве процветал в самом Иерусалиме. Так, пророк Иезекииль упоминает о пагубной практике устанавливать культовые объекты, посвященные другим богам (включая вавилонского Таммуза), в иерусалимском Храме. И даже после суровой религиозной реформы царя Езекии, о котором в Библии сказано, что “он разбил Ашереу и срубил

столбы”, этот народный политеизм воскрес снова, причем сразу же после смерти царя, когда его преемник Манассия, как сказано в Четвертой книге Царств (21:3–7) “поставил жертвенники Ваалу... и соорудил жертвенники всему воинству небесному на обоих дворах дома Господня... и поставил истукан Астарты, который сделал, в доме...”».

Подведем итоги. История Ашеры — интересный этап в истории иудаизма, но звание «супруги Яхве» эта богиня вряд ли заслуживает. Она вполне могла быть и предстательницей перед ним (поскольку упоминается как «его Ашера»). Мнение большинства специалистов по этому поводу еще в 1983 году подвели Роберт Грейвз и Рафаэль Патай в своей совместной книге «Еврейские мифы»: «Поскольку творение поначалу понимали как естественное рождение, а не искусственное создание мира, то его центральным персонажем была женщина. Однако большинство мифов Ближнего Востока принадлежат уже к тому времени, когда по крайней мере часть священных прерогатив женщины была передана состоявшему ранее в ее свите воину-мужчине. Тем не менее богини были хорошо известны иудеям библейских времен, которые совершали молитвенные ритуалы в рощах богини Ашеры и... почитали Астарту, богиню финикийцев и филистимлян. Но хотя Ашеру и Астарту почитали во всех сословиях, пока существовало Иудейское царство, нигде в Библии нет и намека на ее связь с Яхве-Элоимом, и никакая иудейская традиция не приписывает ни одной богине роль создательницы». Спустя пятнадцать лет швейцарский библеист Отмар Киль почти буквально повторил этот вердикт в своей книге «Боги, богини и их изображения в Древнем Израиле»: «Ни изображения Ашеры на черепках, ни ее упоминания в библейских текстах не понуждают нас заключить, будто отношения между Яхве и “его Ашерой” имели сексуальный характер».

Так что, суммируя мнения ученых, можно сказать, что на данный момент высший суд научной справедливости большинством голосов отвергает намеки на какую бы то ни было сексуальность еврейского Бога.

Глава вторая

Великий Иерихон

В тех же местах, где когда-то царил Ашера, есть и другая историческая загадка — древний Иерихон. Библейский рассказ о стенах, павших от рева еврейских военных труб, некогда увековечил имя Иерихона в человеческой памяти. Но для историков это название звучит еще весомее. Иерихон — одна из важнейших вех на пути человечества из каменного века в век бронзовый. Это один из древнейших, а может быть, и самый древний город на Земле. В сокровищнице исторических ценностей, которыми столь богата Земля Израиля, Иерихон — одна из ценнейших. Самому старому из сохранившихся народов западной цивилизации вполне приличествовал самый древний (из сохранившихся) ее город, и не случайно какое-то время назад журнал «Сайентифик америкэн» открыл свой специальный номер, в котором были собраны все ранее опубликованные в журнале статьи, посвященные древним городам мира, статьей, рассказывающей о раскопках в Иерихоне. Принадлежала она перу Кэтлин Кенъон, дочери бывшего директора Британского музея и знаменитой исследовательнице, которая в середине XX века впервые открыла миру долгую и славную историю древнего Иерихона. Эту волнующую и загадочную историю стоит проследить. Вчитываясь в нее, разглядывая фотографии археологических раскопок в Иерихоне, невольно ощущаешь, как ты все глубже и глубже опускаешься по ступеням веков в прошлое.

Вот уже скрылись из виду гигантские метрополии современности, пустынное стала земля, все меньше на ней людей и поселений, в сотнях и тысячах километров находятся они друг от друга, разделенные безлюдными и дикими пространствами; вот уже одни только охотничьи племена с их каменными орудиями остались на поверхности планеты, и именно тут, в этой дали туманного прошлого, взгляд натывается на нечто неожиданное и явно искусственное: мощные каменные стены, взметнувшиеся к небу из пустыни. Иерихон...

Человечество не сразу перешло к оседлому образу жизни. Этот переход произошел лишь с окончанием последнего ледникового периода, «каких-нибудь» десять тысяч лет назад, в конце каменного века. Именно тогда в Западной Азии возникли первые оседлые поселения — то, что впоследствии стало называться городами. Значение их в истории цивилизации огромно, недаром англичане подчеркивают, что слово «city» одного корня со словом «цивилизация». Город — это нервный узел любой цивилизации, средоточие ее административных, религиозных, культурных и всех прочих функций, символ ее непрерывности и преемственности. Сегодня две трети человечества живет в городах. Но так было не всегда. Первые поселения сосредотачивали в себе всего несколько сот, а то и десятков жителей. Первым городом на Земле стало место, население которого впервые в истории перевалило за тысячу. Это и был Иерихон.

На приведенной в упомянутом журнале исторической шкале, протянувшейся от 8000 года до н. э. к 1000 году после ее начала, длинной цепочкой вытянулись самые древние города Земли. Открывает этот список Иерихон. За ним, с разрывом в полтысячи лет, следует Тель-Абу-Хурейра, что в Сирии. Проходят еще полторы тысячи лет, и появляются Чатал-Хююк в Анатолии (современная Турция) и Мергар в нынешнем Пакистане. Только за пять с половиной тысяч лет до нашей эры возникли первые города Месопотамии — знаменитые Ур, Урук и другие, а за ними, с разрывом еще в три с половиной тысячи лет, — Иерусалим и Кносс на Крите. Большинство этих городов ныне занесены песками, а Кносс — вулканическим пеплом. И только в Иерихоне и Иерусалиме все эти нескончаемые тысячи лет до наших дней непрерывно продолжают жить люди. Что уж тут говорить о Помпеях или Пётре, а тем более о первом русском городе Новгороде, возникшем практически уже в «наши», исторические времена, где-то на рубеже первого тысячелетия новой эры! Младенцы...

Как ни странно, еще несколько десятков лет назад такой список немислимо было себе представить. Историки знали, конечно, что Иерихон существовал еще во времена завоевания евреями Ханаана, но никогда не думали, что его стены

уходят в такую седую древность. Да и стен этих давно уже не было. Первых археологов привела в Иерихон вовсе не эта древность (о которой никто не догадывался), а жгучее желание проверить библейскую легенду — воистину ли стены этого города рухнули от рева труб?

Поиски этих рухнувших стен начал британский археолог Джон Гарстанг в 1930 году. Именно он первым обратил внимание на древний холм неподалеку от города и пришел к выводу, что как раз под этим холмом должны скрываться остатки библейского Иерихона. Холм (или курган) в семитских языках — «тель», что созвучно английскому «tell» («рассказывать»). И раскопанный Гарстангом Тель-Иерихо действительно рассказал о прошлом этого города.

Нет, археолог не нашел подтверждения библейской легенды. Зато он отыскал кое-что более важное для исторической науки. Глубоко в раскопе его сотрудники обнаружили бесспорные свидетельства того, что люди жили в этих местах уже в конце каменного века. Иерихон стал сенсацией в мировой археологии.

Не удивительно, что вслед за Гарстангом сюда пожаловала следующая археологическая экспедиция, которую возглавляла Кэтлин Кенъон. К тому времени она уже прославилась своим участием в раскопках в Родезии и Англии. В январе 1952 года ее сотрудники первый раз вонзили свои лопаты в землю иерихонского холма и стали слой за слоем снимать его покровы.

Основы современной археологии заложил еще в прошлом веке английский ученый Флиндерс Петри. Он указал, что датировка прошлого может производиться с помощью оставшихся от этого прошлого предметов — артефактов. В особенности красноречива в этом смысле глиняная посуда. Петри показал, что каждой стадии истории Востока соответствовала своя особая посуда, которую можно классифицировать по эпохам и сопоставить с клинописными и иероглифическими надписями Египта и Месопотамии. Это позволяет в конечном счете датировать все эпохи, а с ними — и те слои, в которых были обнаружены «говорящие артефакты». Важно только снимать эти слои один за другим, тщательно и терпеливо отделяя эпоху от эпохи.

Разумеется, это не очень удобный, а главное — не очень точный метод. Отдельные слои порой идут под наклоном, углубляясь в землю и пересекаясь там с другими слоями. Черепки нередко перемешиваются временем и человеческой рукой. Впоследствии методы Петри были усовершенствованы и дополнены приемами радиографического (радиоуглеродного) определения дат, которые оказались несравненно более точными. Именно с их помощью удалось доказать, что даже Кеньон ошиблась в своей датировке иерихонских руин. Она определила возраст города в 7000 лет, тогда как радиографические методы показали, что он на добрую тысячу лет старше. Ошиблась Кеньон и во многом другом. Тем не менее ей принадлежит несомненная заслуга: она извлекла из небытия доселе практически неведомый древний город и показала его человечеству. В Иерихоне глубина культурного слоя оказалась чудовищной — до 70 метров! Уже одно это говорило о глубочайшей древности и непрерывной преемственности жизни в этих местах. Оно и не удивительно.

В раскаленной Иудейской пустыне первобытные охотники, первыми сменившие кочевой образ жизни на оседлый, могли поселиться только там, где есть вода и подходящая для земледелия почва. Иерихон — оазис среди пустыни, это видно еще и сегодня, когда спускаешься с Иудейских гор и едешь в сторону Мертвого моря. Оазис обязан своим существованием многочисленным подземным источникам, среди которых еще в древности выделялся так называемый «Фонтан Элиши».

Экспедиция Гарстанга вскрыла неолитические слои только на самом крайнем, северо-западном углу холма. Да и то для этого пришлось рыть глубокую шахту. Кеньон сразу же обнаружила, что артефакты каменного века находятся и на западной оконечности холма, где древние слои подходят намного ближе к поверхности земли и залегают на глубине всего четырех метров. Первое поразительное открытие не заставило себя ждать: оказалось, что площадь поселения уже в каменный век была куда больше, чем думалось. По размеру оно явно превосходило примитивные поселения той эпохи (вроде Чатал-Хююка), которые археологи время от времени раскапывали на Ближнем Востоке. Это означало, что и по

количеству жителей Иерихон уже в те времена значительно превосходил обычную деревню.

Кеньон оценила его первоначальное население примерно в 2000 человек. Произвести эту оценку ей позволило второе крупное открытие. Доведя раскопки до скального слоя, то есть до максимальной глубины, сотрудники экспедиции вскрыли в этом первом, самом раннем слое остатки глиняных сооружений — грубые хижины, в которых жили основатели Иерихона. Они напоминали собой глиняные подобию круглых шатров кочевых охотников. Но эта фаза иерихонских построек оказалась довольно короткой. Уже следующий период (следующий слой) продемонстрировал исследователям огромный прогресс в строительстве и архитектуре. Дома (а их уже можно было без преувеличения назвать не хижинами, а настоящими домами) приобрели прямоугольную форму, стены стали толще и прочнее, в них появились четко прорезанные входы, а внутреннее пространство жилья было разбито на отдельные комнаты, тесно группировавшиеся вокруг общего двора. Но самым интересным было обнаружение следов штукатурки на стенах и полах, что придавало помещениям законченный, даже отчасти современный вид.

Это уже были жилища прочно устоявшейся, сложившейся общины. К тому же — общины весьма организованной, судя по тому, что все поселение окружала массивная каменная стена. У иерихонцев каменного века еще не было посуды, и этот вроде бы малозначительный факт показывает, как глубоко ушли археологи в глубь времен, к самому началу оседлой жизни человечества: ведь горшки и миски — одно из первых изобретений оседлых людей. Несомненно, причиной, по которой бывшие охотники облюбовали и решили укрепить это место, стала прежде всего его пригодность для земледелия. Обилие воды и тропический климат оазиса делали необычайно плодородной его землю, и пришельцы могли рассчитывать, что сумеют добыть себе здесь пропитание. Судя по тому, как расцвел и продолжал расти Иерихон впоследствии, они не обманулись в своих ожиданиях.

Но прогресс этих первых поселенцев не ограничивался областью материальной культуры. Одно из самых поразительных открытий, совершенных экспедицией Кеньон, со-

стояло в обнаружении среди руин каменного века особого помещения, явно служившего ритуальным, то есть религиозным, целям. В глубине небольшой комнаты археологи нашли нишу, где возвышался грубо обработанный каменный пьедестал, а рядом с ним — уже тщательно обработанный кусок вулканического камня, который, судя по виду и месту обнаружения, когда-то был предметом неизвестного нам религиозного культа. Окружавшие камень глиняные фигурки животных свидетельствовали о том, что религия первых иерихонских поселенцев, скорее всего, представляла собой культ плодородия. По сути, эта находка в Иерихоне позволила историкам воочию увидеть, как зарождались древнейшие религии оседлого человечества и как возникали их первые храмы.

Но что еще более поразительно — оказалось, что культура древнейших земледельцев каменного века не исчерпывалась одним лишь культовым поклонением богам плодородия. Кеньон нашла целую галерею портретных масок! Их было семь, и каждая представляла собой высохший череп, на который какой-то неведомый древний художник наложил слой глины, грубо изобразив на нем черты человеческого лица. До сих пор историки искусства знали только о раскрашенных человеческих портретах из знаменитого Фаюмского оазиса в Египте. Теперь перед ними предстали на несколько тысячелетий более древние, возможно первые в мире, изображения людей, к тому же — людей каменного века. Археологи увидели не просто глиняные или каменные фигурки божков и богинь — перед ними были лица реальных людей, живших семь — восемь тысяч лет назад! Иерихон оказался настоящей «машиной времени».

Кто же были эти люди? Почему они удостоились такой чести? Не исключено, что портреты изображали почитаемых в поселении предков-основателей, вроде римских Ромула и Рема. Но в таком случае искусство живого портрета (а не просто схематического изображения оленей и охотников, как во французских пещерах) возникло уже в седой древности. Уже тогда первобытный Рембрандт вглядывался в лица своих соплеменников, чтобы запечатлеть их для вечности. И видимо, отдавал себе отчет в том, что он творит...

Говорят, что искусство особенно расцветает в суровые и опасные эпохи. Судя по толщине каменных стен первого города, иерихонский Рембрандт жил именно в такую эпоху: стены не воздвигаются для защиты от друзей. Иерихонцы одни из первых на Земле перешли к оседлому земледелию; вокруг еще бродили дикие охотничьи племена, и врагов у горожан, надо думать, было предостаточно. Тем не менее первый город просуществовал на удивление долго — об этом свидетельствует толщина культурного слоя, в пределах которого техника изготовления изделий практически не меняется.

Жизнь людей в ту пору была короткой, умирали (или погибали) в среднем в возрасте тридцати лет. В городе успело смениться не одно поколение: сложились традиции, устоялись обычаи, проглядывалась в смутной дали непонятого времени какая-то своя легендарная история, о которой рассказывали детям и внукам. Всему этому пришел внезапный конец где-то в начале бронзового века. Палестина, как ее станут в будущем называть, стала тогда местом бурного городского строительства. Как грибы после теплого дождя поднимались вокруг поселения, защищенные стенами, воздвигались дома и жилища, строились храмы и капища; там, где раньше на всю огромную пустынную округу был один Иерихон, слухи о котором наверняка уже обросли сказками и легендами, теперь появилось множество конкурентов. А где города, там цивилизация, а где цивилизация, там войны.

К тому времени неолитический Иерихон уже высоко поднимался на своем холме — ведь столько поколений оставляли здесь следы своего пребывания. Примерно к 3000 году до н. э. (когда настоящие города на всей планете еще можно было пересчитать по пальцам) стены Иерихона возвышались на холме 20-метровой высоты. Из ворот города в разные стороны разбегались торговые дороги. Об этом можно судить по тому факту, что в слоях этой эпохи уже обнаруживается не только местная посуда, но и черепки глиняных изделий из других мест, расположенных подальше к северу, западу и востоку.

Сотрудники Кэтлин Кеньон нашли в раскопках и другие признаки цветущей и широкой торговли. Город еще более расширился — видимо, разбогател. Надо полагать, что

окрестное население массами тянулось под прикрытие иерихонских стен: ведь город защищал вход в Ханаан со стороны южных и восточных пустынь, откуда непрестанно рвались к этим плодородным землям племени кочевых охотников. С каждым разом они все ближе подступали к городу, а порой даже нападали на него. Судя по раскопкам Кеньон, стены Иерихона разрушались не менее семнадцати раз! И далеко не всегда виной этому были землетрясения.

В 2100 году до н. э. стены были разрушены полностью и до основания. На сей раз виновники известны точно — это воинственные племена амореев, именно в ту пору захватившие большую часть здешних земель. Они не только разрушили стены Иерихона, но вдобавок сожгли город дотла. После слов с обоженными пламенем остатками стен пошли «пустые» слои — видно, жители бежали из города или были уведены в рабство.

Почти двести лет угрюмые и безлюдные руины Иерихона одиноко высились в пустыне. Другие города, помоложе, став жертвой такой катастрофы, уходят в небытие, заносятся песками. Но не таков этот древнейший город.

Уже на рубеже 2000 года до н. э. в археологических слоях снова стали появляться остатки жилищ. И опять, как в начале заселения, — это грубые, примитивные постройки. Их явно создавали пришельцы, не знавшие навыков городской жизни, ее архитектуры и методов строительства. Видимо, на развалины Иерихона пришли жители других мест, привлеченные древней славой города и его плодородными землями. А к 1900 году до н. э. появляются новые крепостные стены и добротные, просторные дома. В развалинах этих построек археологи нашли бронзовое оружие и украшения из бронзы. Это позволило установить, что новые поселенцы пришли откуда-то с севера, несколькими волнами, причем каждая следующая волна несла с собой все более высокую культуру бронзового века. Не удивительно, что город стремительно разрастался, и уже через несколько сотен лет периметр городских стен охватил огромную по тем временам площадь — самую большую, которую когда-либо занимал Иерихон. Сами стены тоже были возведены по новой системе — насыпанный вдоль основания вал, видимо, предназна-

чался для того, чтобы воспрепятствовать приближению боевых колесниц.

Культуру новых жителей Иерихона сохранили их гробницы. Археологи раскопали десятки таких гробниц с уцелевшими в них остатками изделий из дерева, текстиля, плетеных корзин и даже пищи. И снова Иерихон оказался непохожим на других: во всех остальных местах здешней земли такие артефакты давно истлели, а здесь время их совершенно не тронуло. Благодарить за это следует сухой и жаркий климат Иорданской долины. Он — и только он — позволил историкам узнать, как жили люди в Святой земле в эпоху появления там праотца Авраама.

Каждая гробница содержала богатый набор вещей и провизии. Можно думать, что люди того времени верили в загробную жизнь и старались снабдить покойников всем необходимым для продолжения существования на том свете. Предполагалось даже, что они будут есть, сидя за столами, и поэтому археологи обнаружили в гробницах целые комплекты мебели — деревянные столы, стулья и кровати, отделанные с немалым искусством. Деревянные и глиняные горшки и кувшины содержали запасы пищи, а большие, с четырьмя ручками сосуды — питье. На полах были расстелены плетеные матрацы, в деревянных чашках или алебастровых сосудах были приготовлены туалетные принадлежности, в плетеных корзинах деревянные и металлические гребни лежали вперемежку с одеждой. Разумеется, все это сохранилось лишь фрагментарно, но и в таком виде позволяет увидеть, что люди в Иерихоне жили зажиточно. То была уже настоящая и довольно высокая по тем временам цивилизация.

Конец ее наступил вместе с концом среднего бронзового века, с началом становления и расширения великих ближневосточных империй. Лежавший на скрещении путей Ханан оказался предметом внимания и интереса великих держав. Около 1560 года до н. э. (Иерусалим уже был тогда столицей племени иевуситов) в страну вторглись египтяне. Они захватили, разграбили и сожгли Иерихон. С этого момента культурный слой снова становится стерильным.

Предшественник Кэтлин Кенъон, уже упоминавшийся выше Гарстанг, нашел, правда, на краю иерихонского холма

какие-то жалкие остатки невысоких стен и временных жилищ, которые он датировал 1350 годом до н. э. Что же касается библейского рассказа о Иерихоне, то сегодня можно уже с почти полной уверенностью утверждать, что к концу XIV столетия до н. э., то есть ко времени, к которому большинство современных историков относят завоевание Ханаана евреями, не было вблизи Мертвого моря ни богатого и сильного города, ни тех стен, которые мог бы сокрушить рев еврейских боевых труб. Там находилось лишь небольшое и вряд ли защищенное поселение. Так что предание о рухнувших от трубного гласа стенах Иерихона — всего лишь красивая легенда. Ну что ж, Иисус Навин не был ни первым, ни последним среди тех, кто слегка преувеличил свои боевые заслуги, — достаточно глянуть на победные стелы египетских фараонов и ассирийских царей того времени.

Впрочем, у Иисуса Навина были вполне реальные причины гордиться взятием Иерихона — вступив в этот древний город, каким бы он к тому времени ни стал, он вместе со своим народом вступил в историю.

Глава третья

В поисках Содома и Гоморры

А теперь еще об одной, не менее знаменитой библейской легенде, она же историческая загадка. Не так давно группа американских археологов под руководством Стивена Коллинза из Юго-Западного университета Троицы в штате Нью-Мехико (США) завершила очередной этап раскопок на холме Тель-Хаммам в районе Мертвого моря. Группа Коллинза ведет свои раскопки в Тель-Хаммаме уже не первый год и за это время вскрыла своего рода «ближневосточную Трою» — лежащие друг над другом остатки крепостных сооружений, возводимых в этом месте начиная с так называемой ранней бронзовой эпохи (3600–2350 годы до н. э.) и до исламских времен. По мнению Коллинза и его сотрудников, древнейшие из этих сооружений представляют собой не что иное, как развалины знаменитого Содома.

История Содома и Гоморры известна всем. Этим городам посвящены два рассказа в Книге Бытия. В первом из них излагается история войны «пяти царей равнины» (включая царей Содома и Гоморры) с царем «элоамским» и его приспешниками. Решающая битва произошла «в долине Сиддим, она же Соленое море». (Российские синодальные переводчики, усомнившись в том, что сражение могло происходить в море, осторожно поправили оригинал и написали: «В долине Сиддим, где ныне море Соленое».) В этой битве «пять царей равнины» победили царей Содома и Гоморры, те обратились в бегство и утонули в «смоляных ямах», которыми изобилвала долина, но затем в войну вступил праотец Авраам со своими слугами и наголову разбил армию захватчиков. Как говорят некоторые комментаторы, «Авраам вернул городам долины Сиддим их былую независимость». Но видимо, вернул напрасно, потому что из второго библейского рассказа мы узнаем, что жители Содома и Гоморры вели себя из рук вон плохо, грехи их буквально вопияли до небес и Господь покарал их, пролив «дождем серу и огонь... с неба», и «увидел», как на всем пространстве содомско-гоморрской равнины «дым поднимается с земли, как дым из печи».

Живописные подробности этих рассказов: смоляные ямы, соляные столпы, дым, стелющийся над огромной равниной, — явно были когда-то кем-то увидены и свидетельствуют о том, что легенды о Содоме и Гоморре содержат определенные элементы реальности. Однако в отношении главного содержания легенды остается много неясного. У комментаторов нет согласия даже по вопросу о том, за что именно Господь покарал эти два города (а на самом деле еще и три соседних). Обычно считается, что за мужеложство, но многие мудрецы Талмуда утверждают, что вовсе не за это, а в первую очередь за душевную злобу содомитян, за их бесчувствие, ненависть к «чужакам» и садистскую жестокость. К примеру, некоторые талмудические комментарии именно жителям Содома приписывают изобретение так называемого «прокрустова ложа», а бытует еще и легенда, будто содомитяне убили одну из дочерей Лота за помощь чужестранцу, а другую дочь, раздев и вымазав медом, повесили на городской стене

на потребу муравьям, и будто бы крики несчастной были так ужасны, что донеслись до престола Господня.

Легенда о Содоме и Гоморре порождает споры и среди ученых мужей. Одни специалисты считают, что она была навеяна сильнейшим землетрясением (хотя, по утверждению геологов, катастрофических землетрясений в этом районе не было уже много тысяч лет); другие объясняют гибель этих городов вулканической деятельностью (но, по утверждению тех же геологов, в этой местности многие тысячи лет не было извержений вулканов); третьи винят во всем удар крупного метеорита (однако никаких следов метеоритного вещества здесь тоже не найдено); а кое-кто упоминает даже некое извержение, произошедшее в 3123 году до н. э. в Австрийских Альпах, заявляя, что облако раскаленного пепла, выброшенное в Альпах, могло достичь Мертвого моря и выпасть «огнем» на его берегах. Но главная научная загадка во всей этой истории связана, конечно, с географией: где именно находились пресловутые Содом и Гоморра? Некоторые из читателей скажут, пожалуй, насмешливо: «Как это “где”? Известно ведь, где находится нынешний Сдом в Израиле — на западном берегу Мертвого моря, южнее Масады...» — и будут не правы, потому что все это известно именно о нынешнем Сдоме. А библейский Содом, как считает большинство ученых, мог находиться в совершенно ином месте. Например, американец Эд Уайтет утверждал, что нашел его развалины на Синайском полуострове! Основания для таких сомнений дает сам библейский рассказ. В 13-й главе Книги Бытия рассказывается о том, как поссорились пастухи праотца Авраама с пастухами его племянника Лота и как дядя предложил племяннику разойтись подобру-поздорову: «Да не будет раздора между мною и тобою... — сказал Авраам. — Не вся ли земля пред тобою? Отделись же от меня». Лот огляделся. Вся земля иорданская лежала перед ним. «И увидел всю окрестность Иорданскую, что она, прежде нежели истребил Господь Содом и Гоморру, вся до Сигора орошалась водою, как сад Господен, как земля Египетская. И избрал себе Лот всю окрестность Иорданскую; и двинулся Лот к востоку... и раскинул шатры до Содома».

Разговор этот Авраама с Лотом происходил, между прочим, у Вефиля, как сказано в той же главе. Вефиль же — город известный, в Библии упоминается впервые как раз в этом рассказе об отделении Лота от Авраама, а потом — в истории праотца Иакова. Когда Иаков бежал из дома в Харран, ему по пути приснился знаменитый сон о лестнице, по которой спускались и поднимались ангелы, и он, проснувшись, дал тому месту, где увидел этот сон, название Вефиль, на иврите Бейт-Эль, то бишь «дом Бога». Так вот, этот древний Вефиль лежал в двенадцати «римских милях» (то есть почти в восемнадцати километрах) севернее Иерусалима, и Лот, идя «к востоку» от него, должен был пройти много севернее Мертвого моря и выйти на нынешнюю Иорданскую равнину за рекой Иордан. Об этом говорит и тот факт, что место, куда он пошел, орошалось водой, «как земля Египетская», то есть долина Нила. Иными словами, Лот выбрал себе для поселения земли в южной части Иорданской долины. Здесь и сегодня по обе стороны реки простираются два больших оазиса: равнина Иерихона — к северо-западу от окончания Мертвого моря, и так называемый «Иорданский диск» — округлая равнина радиусом в 25 километров, но к северо-востоку от этого же края Мертвого моря, уже в Заиорданье, то есть на территории Иордании.

Упомянутый выше холм Тель-Хаммам, где ведут раскопки американские ученые, находится как раз в центре этого «Иорданского диска». И именно здесь, по их убеждению (а вовсе не на западном берегу Мертвого моря, около нынешнего Сдома), когда-то находился библейский Содом, а также все другие города, цари которых («цари равнины») упомянуты в 13-й главе Книги Бытия. Убеждение американских археологов покоится на том факте, что в этом месте именно в «эпоху праотцев» (на языке науки — в эпоху ранней бронзы) существовал большой укрепленный город. Раскопки показали, что он был окружен стеной 6-метровой толщины с частыми земляными башнями. Затем он был разрушен, но вскоре возник заново в тех же, лишь немного перестроенных стенах и просуществовал в таком виде еще 350 лет, то есть весь период так называемой «промежуточной бронзы».

С началом эпохи средней бронзы (2000—1550 годы до н. э.) он сильно разросся и был окружен новыми, еще более массивными укреплениями толщиной в 50 метров и высотой 20—30 метров. Такой город, разумеется, не мог существовать в полном одиночестве — то был, надо полагать, город-государство, столь характерное для тех времен образование: небольшое царство с мощной крепостью в центре и множеством окружающих ее деревень. Как раз то, что, видимо, имели в виду библейские авторы, говоря о «царствах равнины».

Надо думать, земля вокруг царской крепости на холме Тель-Хаммам была достаточно плодородной, коль скоро она практически непрерывно поддерживала жизнь в этом оазисе на протяжении трех тысяч лет. Можно предположить также, что такое плодородие позволяло поддерживать жизнь и в других городах-царствах этого края — ведь таким же почти непрерывным (и даже более длительным) было существование близлежащего Иерихона, а возможно, и всех иных «царств равнины», упомянутых в Книге Бытия. Это означает, что в глубокой древности вокруг северных берегов Мертвого моря существовал обширный, цветущий и многолюдный край, где возделывали виноградники, растили оливки, пахали и сеяли, добывали дорогую в те времена соль, строили деревни и укрепляли шумные города. И, надо думать, торговали с ближними и дальними землями: не случайно археолог Нельсон Глюк в начале 1920-х годов обнаружил древний торговый путь, который вел из Месопотамии в район Мертвого моря.

Но всему на свете есть мера, и, как показали сейчас раскопки археологов Университета Троицы, примерно за 1550 лет до н. э. жизнь на холме Тель-Хаммам внезапно оборвалась — тамошнее царство постигла какая-то внезапная (ученые думают — климатическая) катастрофа, в результате которой и сам город, и весь окружавший его район обезлюдели совершенно и надолго, на 500—700 лет. Любопытно, что точно такое же внезапное и полное исчезновение жизни было еще раньше обнаружено при раскопках Иерихона — и в то же самое время, около 1550 года до н. э. Что-то случилось тогда на всей территории этого края, более того — на протяжении последующих 700—900 лет это «что-то» не позволяло

жизни в окрестностях Тель-Хаммама возникнуть снова. Как говорит один из археологов, «тот загадочный факт, что такой плодородный край столь долго не заселялся снова, требует дальнейшего изучения». Замечу для полноты картины, что некоторые ученые выдвигают увлекательную гипотезу, согласно которой эта загадочная катастрофа была не климатической, а военной и вызывало ее произошедшее примерно в то же время, около 1550 года до н. э., вторжение древнееврейских племен под водительством Иисуса Навина.

Вернемся, однако, к загадке Содома. На своем веб-сайте руководители раскопок в Тель-Хаммаме так объясняют, почему они считают возможным искать на этом холме или поблизости от него следы библейского Содома: «Тот факт, что Тель-Хаммам и другие места на восточной стороне “Иорданского диска” расположены точно в том географическом районе, куда Библия помещает так называемые “царства равнины”, может оказаться не просто совпадением, и тогда мы обнаружим ту географическую рамку, в которой разворачивалась история Лота и его бегства из Содома во времена средней бронзы». Это несколько странное объяснение, если вспомнить, что эпоха средней бронзы простирается от 2000 до 1550 года до н. э., то есть завершается как раз той загадочной катастрофой, которая прервала историю «царств равнины». Как уже говорено, это времена Иисуса Навина, наступившие через добрых полтысячи лет после времен Авраама и Лота, как они исчисляются в библейской традиции. Утверждение американских археологов означает, следовательно, что они считают библейский рассказ о сожжении Содома легендарным отражением реальной катастрофы, постигшей этот город во времена еврейского вторжения в Ханаан.

Дерзкая гипотеза. Интересно, удастся ли авторам ее доказать. Пока, во всяком случае, они не нашли на своем холме никаких следов «серы и огня», вызвавших гибель библейского Содома. Но там ли они ищут? Действительно ли древний Содом находился на восточном берегу Иордана?

Этот вопрос интересовал многих ученых и породил острые споры. На самом деле нынешняя экспедиция Коллинза — далеко не первая попытка найти следы Содома и Гоморры. Много раньше, в 1924 году, аналогичную попытку

предпринял выдающийся археолог Уильям Олбрайт. Будучи убежден в буквальной точности всего написанного в Библии, он долго искал Содом и Гоморру на юго-западной оконечности Мертвого моря, вблизи нынешнего Сдома, но ничего не нашел. Он обшарил также — на всякий случай — восточный берег моря и вблизи его южного конца нашел подозрительные развалины в районе Баб-эд-Дра, но это были развалины небольшого поселения, а не города, который он искал, и в конце концов Олбрайт и его ученик Райт заключили, что Содом и Гоморра, видимо, находились на южной оконечности озера, но их останки были затоплены. Олбрайту, разумеется, и в голову не пришло бы искать эти останки далеко на севере, в Тель-Хаммаме на «Иорданском диске». Но следующее поколение археологов не согласилось и с его гипотезой об «утонувшем Содоме». В начале 1960-х годов археолог Лапп вернулся к найденному Олбрайтом поселению Баб-эд-Дра и начал интенсивные раскопки в этом месте. Он нашел там большое кладбище, где людей хоронили в неглубоких цилиндрических шахтах, а также останки домов с посудой, глиняными фигурами богинь и другими предметами древнего быта. Некоторые изделия имели приметы месопотамской культуры, что намекало на возможное существование торговых связей между этими отдаленными местами и Месопотамией.

Поначалу Лапп высказывал лишь робкие предположения о том, что Баб-эд-Дра можно отождествить с Содомом, но затем, в период с 1973 по 1979 год, Раст и Шауб обнаружили южнее этого места останки еще четырех поселений (их арабские названия — Нумейри, Сафи, Фейфа и Каназир), и тогда «Журнал библейской археологии» торжественно объявил, что это и есть «пять царств равнины», упомянутых в 13-й главе Книги Бытия, в рассказе о войне этих царств с царями Содома и Гоморры. Журнал сообщал также, что общее число захоронений, найденных в этих «городах», составляет полтора миллиона (!). Кроме того, говорилось в журнальной статье, Баб-эд-Дра существовал более 1000 лет, зато Нумейри — не более 100. А поскольку талмудические мудрецы уже в древности каким-то неизвестным науке способом подсчитали, что Содом существовал всего 52 года, то «Журнал библей-

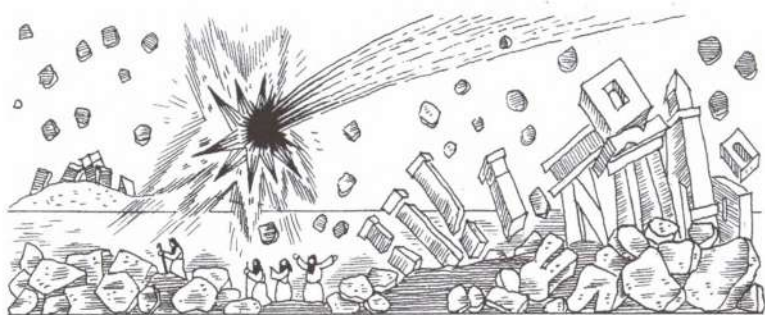
ской археологии» немедленно провозгласил, что Нумейри и есть библейский Содом, и в подтверждение этого в следующих статьях сообщил, будто все эти пять городов были засыпаны пеплом и серой.

Строгие научные сведения о находках в этих пяти древнейших поселениях на южных берегах Мертвого моря заинтересованный читатель может найти на веб-сайте другой археологической экспедиции (EDSP, или Expedition to the Dead Sea Plains), которая под руководством Шауба и Раста ведет там, с небольшими перерывами, раскопки с 1973 года. Эти находки поистине поразительны (хотя, конечно, не так фантастичны, как описывал их «Журнал библейской археологии», известный вольным обращением с фактами). Там действительно были вскрыты кладбища, на которых хоронили в течение сотен лет, раскопаны руины, по которым ученым удалось успешно реконструировать древние жилища, обнаружены следы примитивных святилищ и найдена древняя посуда, порой даже с остатками пищи (что позволило восстановить диету местных жителей) и так далее. Все эти находки подтвердили исходное предположение о длительном существовании тут обширного района древних поселений, который тянулся на юг от Баб-эд-Дра, полукольцом охватывая южную оконечность Мертвого моря.

Наличие тут именно пяти поселений (опять-таки как в библейском рассказе о Содоме и Гоморре) побудило археологов выдвинуть гипотезу, по которой Баб-эд-Дра с его самым большим святилищем был культовым центром всей этой группы поселений, а близкая к нему Нумейра играла роль второго центра. Эти два поселения, по мнению Шауба и Раста, как раз и есть Содом и Гоморра. Их гипотезу подкрепляет тот факт, что поселения действительно несут следы внезапного разрушения. Тому есть даже правдоподобное объяснение: археологи нашли в этих местах воронки со следами выхода природного газа, а также следы нефти и битума. Возможно, говорят они, какой-то особо крупный выброс газа привел к вспышке, которая распространилась по битумным полям и привела к гибели поселений. Тогда воспоминания об этом бедствии могли сохраниться в виде легенды о Содоме и Гоморре.

Вот вам и второй претендент на звание библейского Содома, и даже более убедительный, чем Тель-Хаммам, в котором, как мы видели, пока еще не нашли ни «пяти городов», ни следов катастрофы. Однако и у поселений на юге есть своя «ахиллесова пята», увы. Как показала радиоактивная датировка, все они возникли в самом начале ранней бронзовой эпохи и, просуществовав около 1300 лет подряд, вымерли, не дожив до 2000 года до н. э. А это намного раньше «эпохи праотцев». Так что приходится с сожалением констатировать, что загадка Содома и Гоморры на данный момент все еще ждет решения.

Часть четвертая Новые библейские мифы

Глава первая

Миры в столкновениях, века в хаосе

Дано: «Иисус воззвал к Господу в тот день, в который предал Господь Аморрея в руки Израилю, когда побил их в Гаваоне... и сказал перед Израильтянами: стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. Не это ли написано в книге Праведного: “стояло солнце среди неба и не спешило к западу почти целый день”? И не было такого дня ни прежде ни после того, в который Господь так слушал бы гласа человеческого. Ибо Господь сражался за Израиля» (Иисус Навин 10:12–14.).

Требуется: дать естественнонаучное объяснение этому библейскому рассказу об остановке Солнца и показать, что такое объяснение совместимо с известными законами природы...

Речь у нас пойдет о грандиозной попытке заново перечитать Библию. Попытке, которая привела к гипотезе переворачивающей все наши привычные представления, ибо эта

гипотеза утверждает, что уже на памяти людей происходили космического масштаба катаклизмы. В их результате человечество переживало катастрофы, которые приводили его на край гибели; при этом менялись календари и даты, хронология и названия. Поэтому вся принятая датировка исторических событий основана на ошибочных представлениях: многие знаменитые битвы древности в действительности никогда не происходили, прославленные правители не всходили на трон, великие империи были призраками, знаменитые люди, которых мы считали современниками, жили в разные века, а другие, разделенные столетиями, на самом деле были современниками. Ошибались древние историки, и правы были древние священные книги: моря действительно расступались перед людьми и Солнце действительно стояло над долиной Аиалона — только не по велению Моисея и Иисуса Навина, а в соответствии с законами физики и других естественных наук.

Вокруг этой грандиозной по замаху теории до сих пор кипят споры и страсти. Одни превозносят ее автора как гениального энциклопедиста наших времен, в одиночку предпринявшего титанический труд пересмотра всей прежней научной картины мира; другие считают его всего лишь одним из многих в длинной череде знаменитых «псевдоученых» — создателей вечного двигателя, теории «полой Земли» и «космического льда». Споры не затихают и сегодня, через много лет после его смерти, а написанные им книги продолжают выходить миллионами экземпляров, количество их переизданий на всех языках мира исчисляется сотнями тиражей, а имя их автора остается на устах сотен тысяч людей, увлеченных созданной им грандиозной и поражающей воображение эпопеей «миров в столкновениях, веков в хаосе»....

Нет, не напрягайте память — вы вряд ли знаете этого человека. Вы, скорее всего, никогда не слышали его имени. Вы, всего вероятней, не читали ни одной из его книг. О нем ничего не писали в России и почти ничего — в Израиле. Я сознательно выделяю именно Россию и Израиль, потому что он принадлежал прежде всего именно этим странам — первой по рождению, второй — по выбору. Его старшие братья остались в России, племянница погибла при обороне Моск-

вы, отец и мать похоронены в Израиле, а дочь и сейчас живет там. Его разговорными языками до самой смерти оставались русский и иврит. И при всем том он меньше всего известен именно тем, кто читает на этих языках. Он из тех пророков, которых нет в своем отечестве. Поэтому простая справедливость требует прежде всего воскресить в этом отечестве хотя бы его имя.

Познакомьтесь — Иммануил Великовский. Родился в 1895 году в Витебске, в богатой еврейской купеческой семье. В начале века отец его переехал в Москву, где скоро выбился в купцы первой гильдии и стал одним из ведущих русских сионистов. Великовский унаследовал от отца деловые способности и сионистские увлечения. Прерванное революцией и гражданской войной медицинское образование завершил в 1921 году, когда семья уже находилась в Палестине. В том же году, оставив в России старших братьев, «выбравших революцию», выехал в Европу, в Берлин, где в течение двух последующих лет занимался изданием международного научного журнала «Скрипта», предназначенного помочь созданию Еврейского университета в Иерусалиме; сумел привлечь к участию в журнале Эйнштейна, Бора, Адамара, Леви-Чивиту, Ландау, Френкеля. С 1923 года вместе с женой Элишевой — в Палестине: практикующий врач-психоаналитик в Иерусалиме, Хайфе, Тель-Авиве; автор нескольких теоретических работ по психоанализу, опубликованных в европейских научных журналах. С 1939 по 1979 год живет в США, сначала — обозреватель ближневосточных проблем в американской печати, а с 1950 года — автор ряда книг, в которых изложена разработанная им и упомянутая выше теория. Приобрел всемирную известность после подтверждения ряда высказанных в этих книгах предсказаний новейшими астрономическими исследованиями, но подвергся сначала замалчиванию, а затем уничтожающей критике со стороны американской и международной научной общественности. Умер в 1979 году в Принстоне. «Блестящий ученый» (свидетельство президента Венского психоаналитического общества доктора Федерна); «человек энциклопедической эрудиции» (отзыв многолетнего знакомого и соседа по Принстону Альберта Эйнштейна); «поразительный по увлекательно-

сти литературный талант» (мнение принципиального недруга, крупнейшего американского писателя-фантаста Айзека Азимова); «удивительно приятная личность» (высказывание многолетнего и заклятого врага, крупнейшего американского астронома профессора Харлоу Шепли); «невежественный дилетант» (заключение известного американского астронома и популяризатора Карла Сагана); «сознательный шарлатан» (из письма крупнейшего современного геолога Гарольда Юри). Основные труды: «Столкновение миров» (1950); «Земля в конвульсиях» (1955); «Века в хаосе» (1952); «Человечество в амнезии» (1982); «Рамзес Второй и его время» (1978); «Эдип и Эхнатон» (1960); «Люди моря» (1977).

Биография Великовского — из тех, которые ничего не объясняют. Каким образом преуспевающий врач-психоаналитик пришел к занятиям космогонией и древней историей? Что толкнуло профессионального ученого увлечься Библией и поверить каждому ее слову? Как, наконец, он пришел к своей «безумной» идее? Ибо основная идея Великовского, независимо от ее научной состоятельности, несомненно, относится к разряду тех, которые Нильс Бор некогда окрестил «безумными» — в высшем смысле этого слова. Не случайно тот же Азимов честно признавал, что Великовский «ближе всех других “еретиков” подошел к тому, чтобы поколебать основы всей нашей науки...».

Слово «еретик» настораживает. В воображении возникает устойчивое клише: фанатичный упрямец с безумным блеском в глазах. Вы ищите его в толпе — и находите: вот он, желчный, нервный, нетерпеливый, худой, разговаривает возле лестницы с каким-то очаровательным пожилым джентльменом, очень похожим на мистера Пиквика. Познакомьтесь: доктор Великовский. Нет-нет, вы перепутали: не тот худой и желчный безумец, а именно этот милый седовласый джентльмен и есть доктор Великовский из Тель-Авива. Если существует зримая противоположность стереотипу «фанатика», то это он.

Личное обаяние Великовского признавали даже враги. Его познания в истории, филологии, физике, астрономии нашли отражение в многочисленных книгах и статьях. Его яркий литературный талант засвидетельствован — еще прежде этих

книг — публицистическими статьями в защиту Израиля, регулярно публиковавшимися в конце сороковых годов в газете «Нью-Йорк пост». Блеск и полемическое остроумие его речи подтверждены необычайной популярностью его университетских лекций в студенческих кругах. Широта интересов, простиравшихся от западной музыки и русской поэзии до судеб еврейства и человечества, выдавала в нем подлинного европейского интеллектуала. В целом он принадлежал к числу тех счастливо гармоничных и глубоких людей, которых так и хочется назвать «незаурядными». Как человек он принадлежал к числу тех, кого называют «необыкновенно приятными». У него был всего один изъян: он нерушимо верил в правоту своей безумной идеи.

Эйнштейн назвал становление новой научной теории «драмой идей». Первый акт этой драмы обычно происходит в безмолвной глубине сознания, где новая идея возникает, зреет и приобретает свою будущую форму. Мы не знаем, как это происходит. И лишь задним числом мы можем высказать некоторые объясняющие предположения. Детство, Витебск: воспитание в еврейской семье с ее рассказами о Палестине и чтением Библии; юность, Москва: сионистская среда, мечты о возвращении в Сион, к библейским истокам; зрелость, Палестина: Библия, ставшая осязаемой явью и осязаемой исторической реальностью. Таков фон, на котором вполне может сложиться повышенно серьезное отношение к библейскому слову и запечатленному в нем прошлому своего народа. Наложим на этот фон профессиональные навыки ученого. Эти навыки вкупе с рационализмом убежденного последователя Фрейда несовместимы с нерассуждающей религиозной верой; поэтому серьезное отношение к библейскому слову требует — для цельности мировоззрения — найти ему естественнонаучное объяснение. Ярчайший пример такой рационалистической попытки, продиктованной внутренней мировоззренческой потребностью, дал сам Фрейд — в своей последней книге «Моисей и монотеизм». Великовский прочел эту книгу еще в отрывках, публиковавшихся в 30-е годы в главном психоаналитическом журнале «Имаго», который приходил также и в Палестину. Именно эта книга сыграла в его жизни судьбоносную роль. Усмотрев в ней невольное

саморазоблачение Фрейда, он воспылал желанием написать собственную книгу: «Фрейд и его герои». Она должна была стать психоаналитическим исследованием личности самого создателя психоанализа. В Палестине не оказалось нужных материалов для осуществления замысла, и, будучи человеком состоятельным, Великовский решил отправиться на поиски материала за границу; так он оказался в Америке. Самое интересное во всем этом — что книгу о Фрейде Великовский так и не написал. Предпринятое для нее детальное знакомство с эпохой Моисея привело его к проблеме исхода евреев из Египта; размышления над проблемой исхода поставили перед ним «загадку лишних столетий»; в поисках ответа на нее он сформулировал гипотезу библейских катастроф; пытаясь найти их естественнонаучное объяснение, он пришел к своей идее космических столкновений. Не правда ли, как гладко и просто делаются великие открытия?

На самом деле мы можем только догадываться о том, как они делаются. В каждом подлинном открытии есть что-то от «выхода в четвертое измерение»; наши последующие догадки — не более чем попытка рассказать о четырехмерном озарении трехмерными словами. Тем не менее нужно попытаться.

Говорят, что первым толчком послужило давнее, совершенное с женой еще в 1929 году, путешествие по берегам Мертвого моря. Сейчас проезд вдоль этих берегов в комфортабельном, кондиционированном автобусе израильской пассажирской компании «Эгед» занимает от силы два часа. В 1929 году это означало тяжелый многодневный поход по дикой, пустынной местности. Вдобавок стоял 1929 год — времена арабских антиеврейских волнений в Палестине. В каком-то смысле путешествие было задумано Великовским как символическое: продемонстрировать, что никакие арабские волнения не мешают ему путешествовать где угодно в своей еврейской земле.

Судя по воспоминаниям, сохранившимся на долгие годы, увиденное потрясло Великовского. Оно воспламенило его пылкость ученого и пылкое воображение литератора. Угрюмые, словно вздыбленные ударом гигантского кулака, горы Иудеи и Моава; следы чудовишных геологических катак-

лизмов, изуродовавшие лицо пустыни; остатки застывшей лавы и асфальта под ногами; свинцовые тяжелые воды загадочного моря, вдавненного на сотни метров в глубь земли... Литератор, наверно, пробормотал: какой невероятный, фантастический пейзаж... Ученый, вероятно, откликнулся: как после космической катастрофы. Потом оба, судя по всему, задумались над одним и тем же: когда она произошла? И почему?

Геология относит образование Мертвого моря к незапамятным временам раскалывания и подвижки континентов. Но Библия — та, что не могла не вспомниться в этих местах, рядом с развалинами древнего Содома, — знакомая Великовскому наизусть Библия ничего не упоминала об этом море в самых древнейших своих частях! Ни в рассказе о приходе Авраама в Ханаан, ни в рассказе о наших праотцах Исааке и Иакове, ни даже — самое удивительное — в самом рассказе о гибели Содома и Гоморры...

Можно думать, что драма идей в сознании Великовского началась именно с этого противоречия. Оно стало первым звеном в той логической цепочке, вдоль которой несколько лет спустя двинулась его мысль. Второе звено было того же рода. Он наткнулся на него в ходе работы над книгой о Фрейде. Это была проблема исхода.

Фрейд относил исход к временам фараона Эхнатона, того фараона, который заменил прежнее египетское многобожие культом единого бога Солнца. Фрейд считал Моисея египтянином, приближенным Эхнатона, который заимствовал у фараона-еретика идею монотеизма и принес ее «усыновленному» племени евреев. Судя по тому, что писал впоследствии Великовский в книге «Эдип и Эхнатон», он не разделял эту гипотезу. Он видел во всей конструкции Фрейда всего лишь сублимацию его скрытого «еврейского комплекса». Опровержение фрейдовской датировки исхода могло бы это мнение подтвердить. Ну-ка, посмотрим, как датируется исход в научной литературе?

С того мгновения, как мы задаем этот вопрос, мы тотчас попадаем в ловушку, потому что наука вообще не датирует исход. Она его не признает. Ей не известны никакие археологические свидетельства пребывания древних евреев в Египте

и их ухода оттуда. Египетские источники хранят по этому поводу полное молчание. Исход зафиксирован только в еврейской Библии, а здесь он отнесен ко временам «фараона, который не знал Иосифа». Поскольку Иосифа не знает ни одна хроника египетских фараонов, этим фараоном мог быть какой угодно. Исход мог происходить — если происходил вообще — во времена любой из тридцати (!) египетских фараонских династий...

Эта ситуация порождает то, что можно назвать «проблемой исхода». Это серьезная проблема, поскольку на карту поставлена достоверность Библии как исторического документа в одном из ее самых важных пунктов. В сущности, с этого пункта начинается отсчет еврейской истории. Без его датировки повисает в воздухе вся ее хронология.

Впрочем, многие историки, признавая, что у них нет доказательств реальности исхода, все же согласны во мнении, что исход — событие подлинное. Однако дальше их согласие не идет. В отношении датировки этого предполагаемого события царит разноречивость размером в несколько столетий! Одна из существующих теорий отождествляет евреев-кочевников, пришедших в Египет во времена Иосифа, с кочевниками-гиксосами (по-египетски «аму»), вторгшимися в Египет в конце так называемого «Среднего царства», а исход евреев отождествляет с изгнанием тех же гиксосов, которое произошло в 1580 году до н. э. (датировка здесь — по египетским источникам). Гиксосы правили Египтом 400–500 лет; но и евреи, напоминает эта теория, находились в Египте, согласно Библии, «много поколений». Эту теорию первым предложил египетский жрец Мането, живший в III веке до н. э. и составивший (на греческом языке) перечень всех египетских династий, на который опирается принятая ныне хронология древнеегипетской истории. Запомним это имя. Мането был также одним из первых в истории антисемитов: он утверждал, что гиксосы, изгнанные из Египта, удалились в Сирию и построили там город Иерусалим. Евреи, потомки гиксосов, беспощадных правителей Египта, — естественные и заклятые исторические враги египтян. Любопытно, что эту версию поддерживал также Иосиф Флавий.

Теория эта трудно согласуется с тем фактом, что евреи в Египте были угнетенными рабами, а гиксосы — всемогущими повелителями. Впрочем, при Иосифе евреи могли считаться и привилегированными. Но все же — повелителями Египта?

Есть и вторая трудность. После изгнания гиксосов в Египте началось так называемое Новое царство (XVIII—XX династии). Фараоны тех времен — знаменитый Тутмос Первый, царица Хатшепсут, великий завоеватель Тутмос Третий, строитель Луксора и Карнака Аменхотеп Третий и его преемник Эхнатон — были сильными властителями; вряд ли в таких обстоятельствах ушедшие из Египта евреи могли беспрепятственно вторгнуться в Ханаан, который находился в сфере египетских интересов.

Вторая теория относит исход как раз ко временам Нового царства, примерно на 100 лет позже изгнания гиксосов. При раскопках Тель-эль-Амарны в дельте Нила были найдены глиняные таблички, запечатлевшие переписку Аменхотепа Третьего и Эхнатона с их ханаанскими вассалами; одно из посланий, отправленных из «Урсалима», тревожно извещает фараона (какого именно из этих двух — неясно) о вторжении (с востока) неких «Хабиру». Если отсчитать от даты послания (примерно 1400 год до н. э.) традиционные сорок—пятьдесят лет «странствий в пустыне», получим для исхода приблизительно 1450 год до н.э. Недостатком «аменхотеповской» датировки исхода является то же самое: во времена сильного фараона ни уйти из Египта, ни вторгнуться в Ханаан у евреев не было реальной возможности.

Фрейд не случайно выбрал для исхода период смуты после правления Эхнатона: власть тогда была слабой, в стране царил анархия — самое подходящее время для бегства рабов и их последующего вторжения в Ханаан. Но по такой датировке время исхода сдвигается еще ближе к нам — на 1358 год до н. э.

Некоторые историки, однако, сдвигают исход еще решительнее — ко временам фараона Мернепты, на стеле которого впервые упоминаются Палестина и Израиль («...Я, Мернепта, сделал Палестину вдовой... и разрушил семья Из-

раиля»). И хотя по смыслу надписи очевидно, что к тому времени евреи уже находились в Ханаане, дата водружения стелы — 1220 год до н. э. — почему-то принимается за дату исхода.

Наконец, последняя из теорий, как и предыдущая, тоже исходит из надписи — только не Мернепты, а великого Рамзеса Третьего, который в 1186 году до н. э. завоевал Ханаан. Поскольку в этой надписи (в отличие от стелы Мернепты) Израиль не упоминается, сторонники этой теории считают, что к этому времени основная масса евреев еще не достигла Ханаана. Исход, таким образом, отодвигается ко временам Рамзеса Третьего. Бедный исход!

Я сознаю, что изрядно утомил вас этим неожиданным и затянувшимся экскурсом в древнюю историю. Вы, наверно, уже забыли, что разговор наш, вообще говоря, не об исходе, а о теории Великовского. Меня извиняет лишь то, что эта история имеет самое прямое отношение к Великовскому. Сейчас это станет совершенно очевидно. Позвольте только свести все эти мнения историков в четкую и легко обозримую таблицу. Итак, для исхода предлагаются следующие даты: 1580 год; 1450 год; 1358 год; 1220 год; 1186 год до н. э. Или еще проще: время между 1600 и 1100 годом, когда Ханаан был египетским владением и когда евреи соответственно никак не могли вторгнуться в Ханаан и завоевать его.

Мы сейчас стоим за плечом Великовского в Нью-Йоркской публичной библиотеке и заглядываем в разложенные перед ним тома, которые завалили весь стол. Тот, у кого слух потоньше, наверняка слышит, как он яростно бормочет себе под нос: «Что это все означает?»

«Это» относится не просто к разнобою в датировках исхода. Если бы мы еще и заглянули в те тома, которые лежат перед Великовским, то увидели бы, что за этим разнобоем скрывается куда более существенная трудность. Она-то и порождает сам разнобой. Дело в том, что пресловутые «столетия между 1600 и 1100 годом» — это как раз те века, когда в египетских хрониках ничего не упоминается о евреях, а в еврейских — о египетском присутствии в Ханаане. Возникает странное ощущение, что два этих народа, будучи ближайшими соседями в пространстве, в смысле времени существова-

ли как бы в разных эпохах — иначе почему они так «в упор не видели друг друга»?

Поскольку мысль Великовского упорно вращается вокруг исхода, неудивительно, что рано или поздно он приходит к вопросу об этих исчезнувших из хроник столетиях. И видимо, в процессе размышлений над ним, находит и свой ответ на загадку. Ответ этот целиком в духе Великовского: Библия, считает он, несомненно, права и исход действительно происходил. Тому свидетельством — живость и убедительность описания событий, сопровождавших исход. Всех этих «египетских казней», «расступившегося моря», «огненного столпа», Синайского откровения в реве грома и блеске молний. Все это — не что иное, как описание некой гигантской катастрофы, причем описание реалистическое, какое может дать только непосредственный очевидец. Но эта катастрофа не была просто локальным землетрясением или обычным извержением вулкана в пустыне. То был катаклизм, сравнимый с тем, что сопровождал образование Мертвого моря. Такую катастрофу не могли не заметить и не запомнить египтяне, да и не только они. Она должна была найти отражение в хрониках, летописях и легендах многих народов. Если историки этого отражения не нашли, значит — не там искали. Не в той эпохе. Не в тех временах. Значит, поиск нужно продолжать.

Вы, конечно, уже догадываетесь, что Великовский нашел то, что искал. Но прежде, чем рассказать об этой находке, которая легла в основу всех его дальнейших построений, я бы хотел обратить ваше внимание на одно, оставшееся, боюсь, незамеченным, обстоятельство.

Говоря о «катастрофе, сопровождавшей исход», Великовский не случайно ссылается именно на катаклизм, породивший Мертвое море. Геологическая наука относит образование Мертвого моря к доисторическим временам, но Библия об этом море еще не упоминает; стало быть, если права Библия, «катастрофа, породившая Мертвое море» должна была происходить во времена более поздние, исторические. С другой стороны, наука не признает и катастрофу, сопровождавшую исход евреев из Египта, но о ней рассказывает Библия; стало быть, если права Библия, эта катастрофа тоже имела место — и тоже в исторические времена. Великов-

ский принимает сторону Библии — и науки. Он примиряет их в парадоксальной гипотезе: Библия — в обоих случаях — свидетельствует о том, что на Земле в исторические времена происходили гигантские катастрофы почти космического масштаба; и именно эти катастрофы являются естественно-научным объяснением ряда библейских рассказов, которые прежде рассматривались как «фантастические», «ненаучные» или придуманные для вящего прославления еврейской «избранности» Богом.

Итак, мысль Великовского выловила из всей совокупности фактов два звена: Мертвое море и исход — и провела через них прямую, продолжая которую он не мог не наткнуться на третью точку: рассказ об остановке Солнца, тот знаменитый отрывок из книги Иегошуа бин-Нуна (Иисуса Навина), который я процитировал в самом начале. Если Библия права, то и это катастрофическое явление тоже имело место, причем, если верить Библии, всего через пятьдесят лет после исхода (время сорокалетних странствий евреев в пустыне плюс время вторжения войск Иегошуа бин-Нуна в Ханаан). И поскольку трудно предположить, что на такой короткий исторический промежуток пришлось сразу две разные, но одинаково чудовишные катастрофы, то куда вероятнее предположить, что это была одна и та же катастрофа, точнее — два ее последовательных этапа: на первом произошел исход, второй сопровождался остановкой Солнца.

Теперь уже у нас по спине начинают ползать мурашки. Нам предлагают поверить, что Земля остановилась в своем вековечном вращении, а потом раскрутилась снова! Катастрофу, сопровождавшую исход, еще можно было как-то себе представить. Были же — почти на нашей памяти — лиссабонское землетрясение, извержение Кракатау и еще пара-другая такого же гигантского масштаба стихийных катаклизмов. Более того, скажу в скобках: некоторые ученые еще до Великовского высказывали предположение, что события, описанные в Книге Исхода, могли быть следствием одного из подобных катаклизмов. И даже называли его: то было извержение «примерно 1500 года», разрушившее средиземноморский остров Санторин (и давшее начало легендам о гибели Атлантиды). Однако этим ученым не было нужды объяснять

еще и остановку Солнца — они в нее не верили. А Великовский верил. И связывал ее с «катастрофой исхода» в одну и ту же растянувшуюся катастрофу. Но ведь видимое движение Солнца чисто земными силами не остановить. Для этого нужно, чтобы Земля прекратила свое вращение. А для того, чтобы Земля перестала вращаться вокруг собственной оси, требуются внешние силы, то есть факторы космического порядка! А там, где действуют такие факторы, неминуема катастрофа таких масштабов, которая должна была сотрясти всю планету, поставить на грань исчезновения все человечество и запечатлеться в памяти буквально всех народов. Где ее следы? Неужели они запечатлены только в Библии. Почему? Дело слишком важное, чтобы полагаться на одно-единственное свидетельство, даже если это свидетельство Книги Книг.

Сделаю небольшое отступление. Создатели экстравагантных псевдонаучных теорий, как правило, не утруждают себя поиском доказательств. Гитлеровского любимца профессора Хербигера, создателя «теории космического льда», согласно которой Солнечная система находится в центре гигантской ледяной сферы, а планеты образованы оторвавшимися от ее внутренней поверхности глыбами льда, нисколько не тревожило, что его фантазии находятся в полном противоречии со всеми известными астрономическими фактами — тем более что эти факты все равно были установлены «еврейской наукой». Поклонников учения о «полой Земле», внутри которой якобы живут укрывшиеся там от людского взгляда расы гигантов, ничуть не беспокоит отсутствие геологических подтверждений этой увлекательной сказки. Великовский, однако, шел иным путем. Он считал, что обязан представить фактические доказательства своей гипотезы «библейских катастроф». Более того — он хотел их представить.

Собственно говоря, те факты, которые он предствал как доказательство, существовали всегда. Просто никто никогда не рассматривал их под таким углом зрения, как Великовский, а потому не усматривал в этих разрозненных данных того общего смысла, который усмотрел он. Речь идет о многочисленных легендах и мифах, упоминающих о неких катастрофических перерывах в истории Земли. Так, в преданиях древних этрусков содержатся легенды о «семи прошедших

веках Земли». Аналогичные легенды были в ходу у древних греков. Гесиод писал о «четырех периодах» и «четырех поколениях людей», уничтоженных разгневанными богами. Сходные рассказы существуют у народов Бенгальского залива и Тибета. Священная индийская книга «Бхагавата Пурана» повествует о «четырех периодах существования», каждый из которых кончался катаклизмами, почти полностью уничтожавшими человечество. Такие же сведения содержатся в священной книге древних персов «Авеста» и в древней энциклопедии китайцев. Смутные предания о глобальных катастрофах, приведших к почти полному исчезновению живого на Земле, найдены у ацтеков, инков и майя. В хрониках Мексиканского царства говорится о том, что человек и жизнь уже существовали до того, как сформировались «нынешние небо и земля». На островах Тихого океана, на Гавайях и в Полинезии, а также в Исландии считают, что Земля пережила «девять времен» и каждый раз над ней было «иное небо». Еврейская религиозная концепция, сформировавшаяся уже после исхода, утверждает, что, прежде чем создать существующий мир, Бог семь раз создавал и разрушал небо и землю, пока не сотворил нечто удовлетворявшее Его.

Не известно, к каким временам относятся эти упоминания; не известно, относятся они к одним и тем же событиям или к разным; не известно, наконец, относятся ли они к каким-либо реально происходившим событиям. Однако настойчивость этих древних упоминаний о катастрофах и катаклизмах поразительна. В них, несомненно, есть какое-то общее зерно. Вопрос лишь в том, считать этим «общим зерном» воспоминания коллективной памяти человечества о каких-то реально происходивших в природе катаклизмах или видеть в нем просто общую особенность всякого примитивного мифологического сознания. Наука выбирает второе толкование. Великовский выбрал первое. Не обращая внимания на разницу в датах этих катаклизмов, в их числе и описаний, он принял, что события, описанные всеми этими легендами, не только происходили, но происходили в одно и то же время, то есть что это была одна и та же катастрофа — и конечно же, именно та, что описана в библейском рассказе об исходе евреев и «остановке Солнца».

Действительно, если объединить все эти рассказы в один рассказ об одной и той же катастрофе, да еще произвольно взять из разных рассказов детали, то можно «собрать» некий единый рассказ, похожий на библейский рассказ об исходе. Вот, к примеру, в Книге Иисуса Навина, двумя фразами раньше описания остановившегося Солнца, говорится о чудовишном камнепаде, обрушившемся на ханаанеян. Но о таком же «граде камней» упоминают буддистские тексты и мексиканские источники! Правда, никакие другие описания катастроф из многих известных науке мифов о «камнепаде» не упоминают, но ведь можно и не упоминать об этих разночтениях. Так Великовский выбирает из своих источников необходимые ему факты. Скажем, кровавый цвет, в который окрасился мир перед исходом, согласно Библии, похож на тот красный цвет, который упоминают некоторые легенды древних греков и вавилонян и финская «Калевала». Во многих древних источниках повествуется, что в момент «обрушения неба» горные вершины начали одновременно извергать лаву и камни, — это похоже на библейское описание горы Синай. «Расступившемуся морю» библейского рассказа соответствуют предания китайцев, индейцев Перу, лапландцев и древних жителей Юкатана, повествующие о временах, когда моря были «разорваны» и их воды, поднявшиеся на огромную высоту, обрушились на сушу. В некоторых мифологических источниках рассказывается, что во времена «великой катастрофы» свет был едва виден «во мраке», а светильники задувались ураганным ветром. А мексиканские «Анналы Куаухтитлап» утверждают, что ночь продолжалась значительно дольше, чем положено. Египетский папирус «Агастази IV» говорит: «Зима наступила вместо лета, месяцы повернулись вспять, и часы нарушились». Из китайской летописи известно, что император Ягоу вынужден был провести реформу календаря, потому что прежние месяцы, сезоны и даже продолжительность дня перестали соответствовать новым.

Выстроив древние источники вдоль такой «ариадниной нити», Великовский создал единый и довольно связный рассказ, рисующий (в самых общих, лишенных всякой конкретности чертах) одну и ту же картину: ураганные ветры; чудо-

вишные камнепады; побагровевший мир; вулканические извержения; вздыбившиеся воды морей; длительная «остановка Солнца» («мрак и тьма», продолжавшиеся необычно долгое время); изменение видимого расположения звезд на небосклоне («иное небо») и привычного облика земной поверхности («иная земля») — короче, все то, что могла произвести обрушившаяся на Землю космическая катастрофа, сопровождавшаяся временной остановкой вращения планеты вокруг своей оси.

Более того — некоторые из его источников рассказывали даже о таких причудливо-невероятных деталях «катастрофы», которые были очень похожи, например, на библейский рассказ о «манне небесной», которой якобы на протяжении сорока лет питались скитавшиеся по пустыне евреи. Древние исландские легенды рассказывают, что во времена, когда «горела земля», одна человеческая пара уцелела, питаясь «утренней росой»; маорийцы Новой Зеландии утверждают, что «во времена ураганных ветров», когда «волны достигали небес», из сплошного тумана выпадал иней, которым питались уцелевшие люди; в буддистских источниках сообщается, что, когда «кончается цикл вселенной» и «нет различия между днем и ночью», пищей людям служит «небесная амброзия»; египетская «Книга мертвых» пишет о «священных облаках и великом инее, который рождает земля» во время контакта с небесами; греки описывали амброзию почти в тех же выражениях, что евреи — манну небесную, и аналогичные описания можно найти в преданиях финнов. Единственное, в чем Библия тут оригинальна, так это в своем упоминании о строгом рационировании спасительной пищи: только в Библии говорится, что манна не выпадала по субботам (зато в пятницу, разумеется, появлялась в удвоенном количестве).

На фоне этих многочисленных, подобранных Великовским «подтверждений» библейский рассказ о чудесных событиях, сопровождавших исход, и о не менее чудесной «остановке Солнца» уже не кажется таким уж противоречащим здравому смыслу. Здравый смысл большинства людей, как правило, вполне удовлетворяется, как только кажущиеся невероятными «чудеса» получают «научное» объяснение. В данном случае все чудеса вроде бы замечательно и спол-

на объясняются одной-единственной, простой и доступной уму — и притом вполне естественнонаучной — причиной: космическая катастрофа. Слово «космическая» в наши времена действует почти завораживающе: космос (как и наука) «может все»; в космосе живут пришельцы, почему-то оставившие на Земле свои рисунки и постройки; там летают «тарелки», зачем-то наблюдающие за земной жизнью; там происходят катастрофические столкновения звезд, одно из которых, говорят, привело к рождению нашей Солнечной системы; там чудеса, там леший бродит...

Тем не менее после первой минуты полного детского доверия здравый смысл все же берет свое и начинает допытываться: что это за катастрофа? как она привела к остановке Земли? почему при такой остановке что-то все-таки уцелело? каким образом Земля начала вращаться снова? что именно вызвало такие, а не иные явления — ту же «манну небесную», питавшую евреев, или «огненный столп», который вел их в пустыне? Из зала кричат: давай подробности! И Великовский понимает необходимость «объяснить» все эти детали, иными словами — построить связную, убедительную и в то же время не противоречащую научным представлениям теорию своей «космической катастрофы». И объяснить с ее помощью также все другие загадки библейского исхода, и прежде всего -- едва ли не центральную его загадку: когда пресловутая катастрофа произошла?

Именно в этот момент, просматривая в поисках ответа всевозможные источники, Великовский наткнулся на папирус Ипувера.

Ссылку на этот папирус он обнаружил в подстрочном примечании одной из египтологических книг. Там говорилось, что некий египетский мудрец в каком-то своем сочинении оплакивал превращение вод Нила «в кровь». А это, если вы помните, одна из тех «казней египетских», которые Библия связывает с исходом. Если так, решил Великовский, то папирус должен представлять собой подлинную сенсацию: первое в египетских (да и вообще в любых) источниках независимое от Библии упоминание об исходе!

Выяснилось, что мудреца звали Ипувер. Папирус с его сочинением с 1828 года находился в Лейденском музее, не-

однократно обсуждался историками и признан ими то ли туманным пророчеством какого-то древнеегипетского пессимиста, то ли отрывочной хроникой каких-то действительных происшествий. Великовский принял вторую из этих гипотез. И понятно почему: внимательное чтение папируса не могло не вызвать — разумеется, у него, напряженно ищущего подтверждений библейского рассказа, у других не вызвало — аналогий с Книгой Исхода.

Папирус: Река в крови...

Исход 7:20:...и вся вода в реке превратилась в кровь...

Папирус: Казни по всей земле. Кровь повсюду...

Исход 7:21:...и была кровь по всей земле Египетской.

Папирус: Ворота, колонны и стены поглощены огнем...

Исход 9:23:...и огонь разливался по земле...

Папирус: Деревья сметены... Ни плодов, ни растений...

Исход 9:25:...и побил град во всей земле Египетской все, что было в поле...

Папирус: Земля во мраке...

Исход 10:22:...и была густая тьма во всей земле Египетской...

Самым трудным оказалось опознание в тексте папируса чего-либо похожего на десятую — загадочную и почти невероятно избирательную (с точки зрения гипотезы космической катастрофы) «египетскую казнь» — «избиение первенцев египетских». В конце концов Великовский изящно преодолел эту трудность ссылкой на библейский стих: «Израиль есть сын Мой, первенец Мой». Обычное выражение: «избранный» (Богом) здесь заменено словами «сын, первенец» (Бога). Но в таком случае, решил Великовский, можно сделать и обратное — заменить, где нужно, «первенцев» на «избранных». А «избранных» можно заменить на «знать», и тогда слова из папируса Ипувера: «Дворец опрокинут в одно мгновение» можно истолковать как указание, что опрокинуты дома знати («дворцы»), а с ними, надо думать, погибла и сама египетская знать, а поскольку знать — это «первенцы», то слова папируса сразу становятся описанием «избиения первенцев».

Так шаг за шагом Великовский «доказывает», что в отличие от всех прочих туманных мифологических описаний

каких-то туманных мифологических катастроф, неизвестно когда и где произошедших, папирус Ипувера «совпадает» с библейским рассказом об исходе во всех деталях (а не просто в общих чертах). Тем самым этот папирус, по Великовскому, становится связующим звеном между описанной в нем «катастрофой» — и самим исходом: вслед за Библией он «неопровержимо доказывает», что исход происходил в обстоятельствах какого-то поистине космического катаклизма, постигшего в те дни планету. И одновременно своими конкретными описаниями деталей этого катаклизма он «неопровержимо подтверждает» также и все детали исхода, описанные в Библии. В нем содержится даже намек на то, что в эти самые времена приключилась неслыханная беда с египетским фараоном: он погиб в «небывалых доселе обстоятельствах». Но разве гибель фараона в расступившемся перед евреями море, описанная в Библии, не заслуживает именно такого названия: «небывалые обстоятельства»?

Но мало того что папирус Ипувера был, в глазах Великовского, первым, «с египетской стороны», свидетельством реальности исхода. Не менее важным было то, что, как и большинство египетских текстов, этот папирус был датирован! И поскольку он говорил (по Великовскому) об исходе, то давал возможность установить дату исхода! Сколько копий было сломано историками вокруг этой загадки, мы уже знаем.

Увы — дата эта вызывала серьезные затруднения. Дело в том, что те историки, которые считали папирус Ипувера хроникой подлинных событий, давно обратили внимание на такие его строки: «Пустыня вторглась в страну... Провинции опустошены... Чужое племя пришло в Египет... Азиаты узнали о бедственном положении... Страшись... более миллиона людей... враги... входят в храмы... плачь...» Это явное и недвусмысленное описание чужеземного нашествия, притом — очевидно из Азии. А поскольку по некоторым иным признакам папирус был отнесен историками к временам так называемого Древнего царства в Египте, разрушенного вторгшимися в страну упоминавшимся выше народом гиксосов, историки справедливо предположили, что в этих строках папируса Ипувера речь идет именно о нашествии гиксосов из Азии. Но нашествие гиксосов датируется наукой

2100–2000 годами до н. э. И если папирус Ипувера действительно говорит об исходе евреев и нашествии гиксосов как об одном и том же событии, значит, исход происходил во времена вторжения, а не изгнания гиксосов. Иными словами, на 600–700 лет раньше, чем предполагали самые смелые историки!

Но этого мало. Такая древняя датировка немедленно влечет за собой серьезнейшие, в сущности — непреодолимые, трудности. Между египетской историей, как она описана, например, у Мането (я ведь предупреждал, что нужно запомнить это имя!), и еврейской, как она описана в Библии, возникает разрыв. В самом деле, если прибавить к новой (вычисленной по времени вторжения гиксосов в Египет) дате исхода — 2100–2000 годы до н. э. — еще сорок лет еврейских скитаний в пустыне да десять лет на завоевание Ханаана и плюс еще четыре столетия Эпохи судей, то следующая известная из Библии века — почти пятидесятилетнее царствование Соломона — придется примерно на 1650–1600 или 1550–1500 годы до н. э. А ведь царствование Соломона все историки относят примерно к 967–928 годам до н. э., то есть в лучшем случае на 600, а в худшем — на все 700 лет позже.

Таким образом, если считать папирус Ипувера описанием времен исхода, то Соломон оказывается современником египетской «фараонши» Хатшепсут, которая правила где-то в 1520-х годах до н. э., а вовсе не современником ее отдаленных потомков, как это до сих пор считалось всеми учеными. Но тогда и великий Моисей, возглавивший исход, никак не сможет быть — вопреки Фрейду — современником Эхнатона, ибо тот правил незадолго до упомянутой Хатшепсут, а она, если следовать хронологии папируса, правила одновременно с Соломоном. Моисей же, по Библии, предшествовал Соломону на добрых полтысячи лет. Выходит, Моисей, по новой хронологии, должен был быть человеком куда более древней эпохи — эрохи вторжения гиксосов.

Одно из двух: либо напутал или (для удлинения истории Египта) соврал Мането в своей хронологии фараонов, либо что-то не так в библейской хронологии. Впрочем, есть еще

третий вариант: Великовский неправильно соотнес папирус с библейским рассказом об исходе.

Хотелось бы взглянуть на человека, который осмелился бы высказать такую вероятность в присутствии Великовского!

Но если не отказываться от «библейского» прочтения папируса, то как все-таки быть с хронологией? Какая из них неверна: египетская или библейская? Зная Великовского, нетрудно предугадать его решение. Обдумав ситуацию, Великовский пришел к выводу, что неверна, конечно, принятая до сих пор хронология Египта, основанная на рассказе Мането. Иначе говоря, он принял, что Соломон действительно жил в те времена, в которые его помещает Библия, то есть примерно в 967–928 годах до н.э., и решил двигаться назад от этой опорной точки, меняя попутно всю египетскую хронологию, чтобы привести ее в соответствие с Библией — и папирусом Ипувера.

Согласно папирусу, исход происходил во времена вторжения гиксосов; согласно библейской традиции, исход происходил за 450–500 лет до царствования Соломона. Таким образом, если принять, что Великовский правильно прочел папирус Ипувера, то исход происходил примерно в 1500 году до н. э. Тут ничего не изменилось по сравнению с наиболее распространенной гипотезой ортодоксальных историков. Зато самые радикальные изменения происходят при таком прочтении в египетской истории. Ибо вторжение гиксосов, как мы уже говорили, до сих пор считалось произошедшим в 2100 году до н. э., а у Великовского получается, что оно происходило на тысячу лет позже.

Тут, однако, таится тяжелейшее противоречие. Ведь если продолжать менять хронологию Египта, то в конечном счете придется те египетские события, которые до сих пор считались произошедшими за 500–600 лет до н. э., отнести почти к самому началу нашей эры, то есть чуть не ко временам Иисуса Христа! В частности, согласно списку Мането за 600 лет до н. э. в Египте еще правили фараоны «поздних египетских династий», от Двадцать пятой, примерно, до Тридцатой, а если, вслед за Великовским, передвинуть их на 500–600 лет вперед, то эти фараоны окажутся современника-

ми Иисуса. Возникает поистине гамлетовская ситуация: быть или не быть? По Великовскому, для этих династий просто нет места в истории! И потому он заявляет, что все, что писал Мането о последних веках египетской истории, было попросту высосанной из пальца выдумкой. Добивая Мането, он наносит и еще один, последний удар, заявляя, что ученым недаром всегда казалось подозрительным, что Мането сообщает так мало конкретных данных именно о последних фараонах, деяния которых, казалось бы, должны быть более известны, чем деяния древних, а то, что он все-таки сообщает о них, сплошь и рядом повторяет его же, Мането, рассказы о фараонах более древних династий! Дело в том, торжественно объявляет Великовский, что Мането попросту стремился приукрасить историю Египта, приумножая череду его фараонов; там же, где ему не хватало выдумки, чтобы описать этих выдуманных фараонов, он бестрепетной рукой переписывал описания походов и побед из биографий великих фараонов древности.

В этом месте, однако, Великовский и сам оказывается в затруднении. Ведь на хронологии Египта держится хронология чуть не всей ближневосточной и средиземноморской истории. Значит, выбор стоит так: либо отказаться от гипотезы космической катастрофы и тем самым признать фантастичность рассказа Библии, либо настаивать на полной достоверности библейского слова и для доказательства этого изменить всю древнюю хронологию. Третьего не дано. В такой ситуации выбор Великовского очевиден. Но теперь перед ним уже не одна, а сразу две задачи: во-первых, согласовать свою «новую хронологию» со всеми известными фактами египетской, ближневосточной и средиземноморской истории, а во-вторых, доказать научную реальность упомянутой катастрофы («остановки Солнца»), с которой все началось.

Нельзя не признать, что задача, взваленная Великовским на себя, — поистине титанических масштабов. Ведь обосновать «гипотезу катастрофы» означает, по существу, создать новую теорию астрономической эволюции Земли, а то и всей Солнечной системы, ни больше ни меньше. А обосновать «гипотезу выдуманных столетий» в египетской истории означает, по существу, пересмотреть всю историю Древне-

го мира. Ибо нужно доказать, что Тутмос Первый, к примеру, был современником Давида, а не давно умершим к Давидовым временам человеком; и царица Хатшепсут могла знать царя Соломона, а не давным-давно покоиться в земле ко времени его восшествия на трон. Но ведь ни Тутмос Первый, ни Хатшепсут почему-то не упоминаются в той самой Библии, которая является для Великовского единственным достоверным историческим источником; вместо них в хрониках Давида и Соломона упоминаются совсем иные египетские имена! Где выход из этого противоречия?!

Если бы Великовский в это момент остановился, осознав грандиозность своих задач, это было бы по-человечески понятно. Возможно, в этом случае его гипотезы все равно вошли бы в историю науки — ну, хотя бы на правах интересного курьеза. Хотя и увлекательного, но, увы, — фантастического. Но он не остановился. Он отважился на невероятную по дерзости затею. Он действительно решил — в одиночку! — построить и новую космологию, и новую древнюю историю. Показать, что такие альтернативные теории можно построить и что они будут непротиворечивы. В них все будет связано, все будет логично вытекать одно из другого, а если какие-то прежние представления и придется отбросить, то разве не таким же путем идет всегда человеческое познание? Именно эта фанатичная вера в свою правоту, подвигшая Великовского на его дерзостную затею, — вот что обеспечило ему место если не в истории науки, то в памяти множества людей, которых увлекла грандиозность его фантастических построений и кажущаяся неколебимость его доказательств. Именно этот замах вызывает наше уважение и наш интерес к этому человеку.

Сделав свой судьбоносный выбор, Великовский энергично берется за систематическое изложение созданной им теории. На этом этапе драма идей обретает осязаемые формы: она превращается в драматическое столкновение людей. К началу 1950 года у Великовского уже появились первые друзья, которым он время от времени приоткрывал ход своих мыслей, и первые сторонники, в том числе среди журналистов. В некоторых известных американских журналах стали появляться публикации, таинственно намекавшие на

предстоящее «явление миру» ошеломительной теории, совершенно по-новому объясняющей прошлое Земли и человечества. И тогда зашевелились и будущие заклятые, на всю жизнь, враги — астрономы Гарвардского университета во главе с профессором Шепли. Слухи о предстоящей публикации книги Великовского вызвали у Шепли резкое недовольство, и он потребовал от издательства «Макмиллан» отказаться от «скандальной публикации», сопровождая это требование прозрачной угрозой ослабить издательство в научном мире.

Впоследствии многие ученые готовы были признать, что в своей многолетней борьбе против «теории космических катастроф» они зачастую пользовались неблагоприятными и ненаучными методами. Их нельзя извинить, но можно понять. То были годы маккартистского похода — против американской науки и американской культуры. Если угодно, этот поход можно сравнить с почти одновременной «космополитической кампанией» в СССР: то же мрачное безумие, та же маниакальная подозрительность, та же атмосфера надвигающегося погрома. Стоит ли удивляться яростной реакции ученых на книгу, которая ставила под сомнение все прежние научные истины и предлагала изменить их в угоду... Библии!

Тем не менее в апреле 1950 года, преодолев, наконец (не без потерь), организованное сопротивление научных кругов, первая книга Великовского, озаглавленная «Столкновение миров», вышла в свет, заранее окруженная аурой неминуемой сенсации. Никакие слухи, однако, не могли даже и в малой мере подготовить читателя к той грандиозной ломке прежних представлений, которую предлагал и на которой дерзко настаивал доселе никому не известный автор.

Сведем в обозримую схему исходные установки, с которыми он двинулся в эту беспримерную атаку на здравый смысл и официальную науку. Библия, говорит Великовский (а Библия для него, напомним, непререкаемый источник исторической истины), Библия свидетельствует, что исход сопровождался природными явлениями катастрофического характера. Неведомый автор папируса Илувера, несомненно, был свидетелем тех же явлений с египетской стороны. Изыскания в мифах и хрониках различных народов мира убежда-

ют, что эти катастрофические явления наблюдались и в других местах земного шара. Речь идет, стало быть, о катастрофе, потрясшей всю планету. Данные папируса Ипувера, совмещающие исход с вторжением в Египет гиксосов, позволяют датировать эту грандиозную катастрофу серединой второго тысячелетия до нашей эры.

Сведения, приведенные Великовским, и, конечно же, их количество впечатляют. Но попробуй читатель проверить указанные автором источники, он немедленно убедится, что часть их попросту сказки, а часть вообще не существует, многие цитаты вырваны из контекста и означают нечто совершенно иное, а кое-какие «факты» связаны с обычными в древности неточностями в календаре. Впрочем, сам Великовский посчитал доказанным, что пресловутая «остановка Солнца» (иными словами, резкое изменение характера вращения Земли) действительно имела место, и притом почти в те же самые времена, что и «катастрофа исхода». Была то одна и та же катастрофа, растянувшаяся на десятки лет, или два этапа одной катастрофы, почему-то разделенные полувековым промежутком, или, наконец, две разные катастрофы — вопрос, ответить на который можно, только найдя приемлемое — с научной точки зрения — объяснение всех этих явлений.

И автор предлагает читателям такое объяснение. По существу, оно содержится уже в самом заглавии его книги. «Столкновение миров», по Великовскому, — не художественный образ, а самое что ни на есть реальное событие, произошедшее в том не очень далеком прошлом Земли, о котором говорят свидетельства его многочисленных «очевидцев». «В то самое время, — пишет Великовский, — когда моря вздымались чудовишными приливными валами, в небесах над ними развертывались события, которые потрясенному очевидцу на Земле должны были казаться титанической битвой. И поскольку эта битва была одновременно видна почти по всей Земле и запечатлелась в памяти ее очевидцев, ее течение можно восстановить весьма детально».

Этими словами Великовский начинает изложение своей гипотезы, призванной реконструировать ход и детали «титанической битвы». Парадоксальный подход к Библии: при-

чина описанных в ней событий ищется не в действиях Бога, а в законах природы, согласующихся с современной наукой. Вряд ли подобный подход может удовлетворить истинно верующего человека. Верующий человек не нуждается в научных доказательствах правоты Боговдохновенной книги. С другой стороны, такой подход не может удовлетворить и серьезного ученого. Ибо с первых же страниц «Столкновения миров» становится ясно, что, претендуя на научность своей гипотезы, Великовский тем не менее отказывается от основного метода всякой научной теории — строго математического доказательства. Он вообще нигде не прибегает к математическому аппарату. Он излагает свою теорию космических столкновений чисто качественно, описательно, без привычных в небесной механике расчетов траекторий, импульсов и моментов, без каких бы то ни было расчетов вообще; что называется — абсолютно «на пальцах». На кого же рассчитано такое изложение? Прежде всего, на массовую аудиторию — на ту достаточно образованную и достаточно многочисленную аудиторию, которая не относится ни к категории глубоко и спокойно верующих, ни к разряду профессиональных ученых. На «людей здравого смысла». Им это адресовано, и им об этом судить. Судите же.

Что может остановить и изменить вращение целой планеты? — спрашивает Великовский. Единственной мыслимой причиной такого явления, отвечает он, может быть только воздействие на эту планету какого-то иного небесного объекта сравнимой массы. Приближаясь к ней со стороны, противоположной ее вращению, такой объект, согласно законам небесной механики, в принципе может — благодаря гравитационному и приливному воздействию — постепенно замедлить это вращение и даже приостановить его совсем; если это происходит достаточно «постепенно», такая остановка будет и достаточно «мягкой» (хотя, как мы увидим, ее последствия и в этом случае не перестанут быть катастрофическими). Удаляясь по соответствующей орбите, этот небесный объект в принципе способен заново «раскрутить» планету — и тогда Солнце снова двинется по ее небосводу, но, конечно, не совсем так, как прежде.

Именно это, говорит Великовский в «Столкновении миров», и произошло с Землей в середине второго тысячелетия до нашей эры. Именно это космических масштабов столкновение представлялось потрясенным очевидцам в разных местах земного шара титанической «битвой в небесах».

Небесная механика не исключает возможности столкновения Земли с другими космическими телами — метеоритами, кометами и даже астероидами. Хотя вероятность такого столкновения, как показывают точные расчеты, чудовишно мала, тем не менее следы падения по крайней мере нескольких гигантских астероидов и метеоритов до сих пор сохранились на поверхности нашей планеты — в виде огромных кратеров на Юкатанском полуострове, в Аризонской пустыне, в Австралии, возможно — на Подкаменной Тунгуске в Сибири. Многие ученые полагают, что Тихий океан возник тоже в результате столкновения — только еще более древнего и с еще более громадным астероидом. Практически общепризнано, что Луна образовалась в результате куда более катастрофического (хотя и более древнего) столкновения. Уже в наши времена были опасения, что Земля может столкнуться с астероидом Икар, и подобные опасения привели к созданию сейчас специальной всемирной службы слежения за всеми «опасными» астероидами. Короче, сама по себе идея «столкновения миров» вполне приемлема для современной науки. Великовский ее только конкретизирует: катастрофа была, по его мнению, вызвана столкновением не с астероидом, а с гигантской кометой. Ведь объяснение некоторых особенностей библейского рассказа требует, по Великовскому, наличия газового «хвоста» — а такие хвосты бывают только у комет.

Слово «столкновение» в данном случае следует понимать, конечно, фигурально: комета, по Великовскому, не столкнулась с Землей «лоб в лоб», а лишь прошла в непосредственной — но катастрофически тесной — близости от нее. Столкновением это было только в астрономическом смысле. Тем не менее и такое «прохождение вблизи» должно было повлечь за собой чудовищные по характеру и размаху последствия. Когда Земля вошла в хвост кометы, содержавшаяся

в нем «пыль» могла осесть на поверхность морей, озер и рек, и если она включала красные частицы окислов железа, то должна была окрасить мир в страшный «красный» цвет. Великовский принимает эту возможность за факт и тут же напоминает, что этот пугающий феномен зафиксирован не только в библейском рассказе об исходе и папирусе Ипувера, но и во многих других древнейших источниках.

Затем, по мере сближения с ядром кометы, Земля должна была войти в те области кометного хвоста, где пыль уже перемешана с камнями значительной величины, окружающими ядро; это, говорит автор, должно было неизбежно привести к бомбардировке земной поверхности нарастающим по интенсивности каменным дождем — и действительно, привлеченные Великовским источники сообщают и о чудовищном «граде небесных камней». Но одновременно плотная часть кометного хвоста должна была все сильнее поглощать солнечный свет: поэтому над Землей наверняка стужался мрак, освещаемый разве что чудовищными электрическими разрядами. Со стороны такие космические «молнии» вполне могли выглядеть как гигантские «огненные столпы», вроде того, что так ярко описан в Библии. Вот вам и «научное» объяснение еще одного библейского феномена, который неверующие объявляют невозможным.

«Столкновение» должно было, однако, сопровождаться и другими, не менее устрашающими явлениями. Резкое изменение температуры не могло не вызвать ураганных ветров; гравитационное притяжение приближающегося к Земле космического тела должно было породить огромные приливные волны; то же притяжение не могло не поднять к поверхности жидкую огненную магму, которая потоками лавы рвалась через вспучившиеся горные вершины, превращая их в вулканы; смещения в земной коре не могли не вызвать череду сильнейших землетрясений. И опять-таки — все эти явления, которые должны были сопровождать столкновение миров, действительно были зафиксированы очевидцами катастрофы: мы находим их описание как в библейском рассказе об исходе, так и в многочисленных преданиях и легендах иных народов Земли.

Более того — даже такая странная деталь, как выпадение «манны небесной», из загадки превращается в очередное подтверждение его гипотезы: углеводородные соединения, обнаруживаемые в хвостах комет (а также способные образоваться в атмосфере в специфических условиях «столкновения»), должны были выпадать на поверхность Земли в виде странных, пригодных в пищу осадков. Ведь вся наша пища, в конце концов, состоит из углеводов, не так ли? Попадая в воду, такие осадки придавали ей характерный молочный цвет; не в этом ли объяснение слов о реках, «текущих молоком и медом»?

Разорванные притяжением кометы воды мелких морей могли обнажить вековечное дно, а затем сомкнуться над ним снова: именно этим Великовский объясняет известнейший эпизод с переходом евреями «Тростникового моря» и гибелью в нем фараона; совпадение маловероятное, почти чудесное, верно — но ведь не абсолютно невозможное, не так ли? Все же остальное в библейском рассказе: «казни египетские» с их окрашенным в кровавый цвет миром, землетрясениями и прочими деталями; «огненный столп», словно путеводный знак, указующий дорогу в пустыню; грохочущая извержением вершина горы Синай, где Моисей сподобился Откровения; благодатная «манна», которая спасала евреев все время их странствий, — все это уже объяснено, и все эти объяснения, как мы видели, вполне непринужденно вписываются в картину столкновения Земли с кометой, как ее описывает Великовский, и даже с необходимостью следуют из нее. Но это лишь начало.

Сорок лет скитались евреи по пустыне; еще двенадцать лет прошло до сражения в Аиалонской долине, когда Солнце остановилось по приказу Иегошуа бин-Нуна. Между «чудесами исхода» и «чудом остановки Солнца» пролегло 52 года. Но какое потрясающее и знаменательное совпадение: аборигены Мексики, как это следует из их легенд, тоже ожидали катастроф через каждые пятьдесят два года! Более того — они ожидали, как это свидетельствуют их обряды, вполне определенных катастроф: наступления вечной ночи и окончательной гибели человеческой расы. Когда же это не происходило,

огромный благодарственный костер возвещал собравшимся толпам, что наступил «новый цикл милосердия». Но что самое поразительное — этот цикл одновременно был в их календаре новым циклом планеты Венера!

Упоминание о Венере немедленно вызывает в памяти еще одну знаменательную деталь — еврейский обычай пятидесятого «юбилейного» года. Число 50 «слишком близко», по словам Великовского, к загадочному 52-летнему «циклу катастроф» и потому «наводит на размышления». И действительно, у евреев (как, между прочим, у тех же мексиканских майя) с этим числом (точнее — с этим 50-м годом) был связан ритуал «очистительной жертвы»: в пустыню отправлялся жертвенный барашек для убогатворения злобных разрушительных сил; а силы эти были известны под общим названием Азазель. Но это название — всего лишь синоним «падшей звезды», иначе именуемой Люцифером. Миф о «падшей звезде» существовал и у египтян — они называли ее Сет-Тифон. Арабы приносили аналогичные жертвы в честь звезды аль-Узза. Анализируя древние мексиканские, римские, греческие, китайские, бурятские, эскимосские и другие источники, Великовский всюду обнаруживает мифы о зловещей, «павшей на Землю» звезде, и всюду они, по его утверждению, отсылают к одному и тому же небесному телу — к планете Венера (к сожалению, он не указывает, каким именно образом буряты или эскимосы фиксировали, что в их сказаниях речь идет именно о Венере). Вплоть до какого-то момента древнейшие астрономические мифы, утверждает Великовский, знали всего четыре планеты: Меркурий, Марс, Юпитер и Сатурн; Венера появилась в них позже, и это появление у всех народов связано с «падением звезды», иными словами — с какой-то космической катастрофой. Напрашивается очевидный вывод: Венера и была той загадочной «кометой», которая «столкнулась» с Землей в середине второго тысячелетия до нашей эры. Венера — поздняя гостья в Солнечной системе. Это комета, ставшая планетой. Как это могло произойти?

Обратимся снова к древним источникам. Все они говорят о каких-то двух катастрофах, разделенных 52-летним промежутком (здесь Великовский — видимо, для большей убедительности).

тельности — приписывает бурятам, эскимосам, грекам, китайцам и всем прочим названным им народам то, что раньше говорил только о древних евреях и «мексиканских аборигенах», то бишь майя). Иными словами, столкновение кометы Венера с Землей не было единоразовым. И вот почему. Вторгшись в Солнечную систему, чудовищная хвостатая гостья не просто пролетела сквозь нее в непосредственной близости от Земли. Не только она своим притяжением вызывала на Земле гигантские катаклизмы, но и земное притяжение, в свою очередь, повлияло на комету. Оно искривило ее орбиту и тем самым превратило эту орбиту в периодическую. Вместо того чтобы умчаться в межзвездную пустоту, комета Венера, обращаясь по новой, уже периодической орбите, спустя 52 года снова стала приближаться к Земле — и вот тогда-то она так замедлила ее вращение, что вызвала «остановку Солнца», смещение сторон света и изменение сезонов. Видимо, говорит Великовский, одним из частных последствий этого второго «столкновения» было потрясающее весь Ближний Восток землетрясение, в результате которого рухнули стены Иерихона; по мнению Великовского, это куда более научное объяснение «иерихонского чуда», чем рассуждения о каком-то «резонансе» каменной кладки стен со звуками еврейских труб. (Любопытно, что поэт Анри Волохонский однажды предложил еще и третье, не менее убедительно объяснение: согласно ему, иерихонские стены были, возможно, построены на костях умерших людей, и, когда эти кости услышали зов труб, они решили, что настал день Страшного суда, когда, по словам пророка Иезекииля, кости должны облечься плотью, и потому поспешили восстать, опрокинув крепостные стены.)

Разумеется, и в этом втором столкновении Земля, в свою очередь, снова оказала воздействие на Венеру. Конечным результатом всех этих воздействий был переход Венеры на замкнутую околосолнечную орбиту, подобную орбитам «настоящих» планет. Но до этого Венера в течение долгих столетий оставалась не вполне предсказуемой небесной странницей и потому продолжала наводить на человечество мистический страх. Поэтому новая, неожиданная пертурбация, превратившая ее в «обычную» планету, должна бы-

ла быть воспринята, как «низвержение» злобного и угрожающего вестника небес. И Великовский находит подтверждение тому в знаменитых — и загадочных — словах пророка Исаии: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: “взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой...”» (Исаия 14:12–13). По Великовскому, пафос Исаии — несомненно, пафос очевидца, испытывающего чувство избавления от многовекового страха; стало быть, Исаия был современником или близким потомком современников низвержения заносчивого «сына зари», его «падения с престола»: «денница», утренняя звезда, «упала с неба» (иными словами, сдвинулась ближе к горизонту) и перестала пугать народы (то есть утвердилась на постоянной, предсказуемой орбите).

Но «эпоха столкновений» на этом еще не закончилась. Времена Исаии (и Гомера) были временами рождения Древней Греции и Рима — VIII–VII века до н.э. Но почему-то римский философ Сенека называл их астрономическим водоразделом между старой и новой эпохами, ибо до этого, говорил он, «центр небосвода находился в созвездии Большой Медведицы». А в индийских источниках утверждается, что был момент, когда географическое положение всех мест на Земле изменилось на 500–900 миль. А Птолемей и независимо от него арабские ученые указывали местоположение древнего Вавилона на два градуса севернее, чем дают современные раскопки. А древние обелиски в Южной Америке и Египте, некогда ориентированные по сторонам света, сегодня смотрят в другие стороны. И наконец, астрономический год состоит сегодня уже не из 360 дней, как до VIII века до н. э., а из 365,25 дня.

Не слишком ли много свидетельств, чтобы ими пренебрегать? Ведь все они, если вдуматься, говорят об одном и том же — что в VIII–VII веках до н. э. Земля испытала еще одно космическое столкновение, резко сместившее ее ось, а с нею — полюса и стороны света. А в Библии рассказывается о произошедшем как раз в это время еще одном «чуде» — о загадочном поспешном отступлении армии царя Синаххе-риба от стен осажденного и готового пасть Иерусалима. Это невероятное спасение обреченного города произошло в ночь

на 23 марта 687 года до н. э. Так чем же объяснить его, если не еще одним «космическим столкновением»? Именно оно сместило ось вращения Земли и подтолкнуло Венеру на ее окончательную, нынешнюю орбиту. И кто же был виновником этого космического катаклизма на сей раз? Снова Венера? Нет, говорит Великовский, на сей раз — Марс!

Почему именно Марс? Великовский объясняет свое неожиданное утверждение следующим любопытным образом. В талмудических источниках, говорит он, Венера и Марс ассоциируются с двумя архангелами, которые дважды спасли народ Израиля: один — во времена исхода, другой — во времена Синаххериба. Стало быть, желаемое доказано: «столкновение исхода» было с Венерой, а «столкновение Синаххериба» — с Марсом. Сближение Земли и Марса должно было вызвать чудовишный электрический разряд между ними, и именно этот разряд, эта космическая молния, говорит Великовский, как раз и уничтожила массы ассирийцев, осаждавших еврейскую столицу; уцелевшие же в панике отступили от стен города. Но не только Библия и Талмуд, по Великовскому, подтверждают факт прохождения Марса вблизи от Земли. Факт этот подтверждается еще и «странной осведомленностью древних источников» (Гомера и Вергилия) о наличии у Марса двух спутников (ныне не видимых с Земли невооруженным глазом). Это древние могли увидеть только при очень близком прохождении Марса около Земли.

Таким образом, «период космических катастроф», в течение которого Солнечная система судорожными толчками перестраивалась, чтобы включить в себя новую планету — соседку Земли и Марса — и превратить ее в нынешнюю «прирученную» Венеру, растянулся с XV по VII века до н. э. В течение всего этого времени три планеты сближались и расходились в пространстве, то и дело «соударяясь» друг с другом в катастрофических столкновениях, которые меняли их космические траектории (равно как и весь их внешний облик). Недаром кто-то из врагов Великовского язвительно заметил, что его «теория» напоминает, скорее, «космический пинг-понг», в котором планеты прыгают, как пластмассовые шарики, сталкиваясь друг с другом и отскакивая по все новым и новым траекториям. Вдобавок всякий раз это проис-

ходит именно в тот момент и именно таким образом, когда (и как) необходимо автору для согласования со всеми без исключения библейскими «чудесами».

Это язвительное обвинение можно, однако, обратить в не менее язвительное оправдание теории. Что, если, напротив, — это библейские «чудеса» на самом деле описывают реально происходившие космические катастрофы? Великовский был уверен, что дело обстоит именно так. Сомневался он в другом: можно ли доверять папирусу Ипувера в той его части, которая говорит о вторжении в Египет — именно в дни катастрофы — каких-то неведомых азиатов?

Откуда у него вдруг эти сомнения? Если Ипувер прав и в тот момент, когда (если верить Великовскому) евреи уходили из Египта на восток, на Синай, оттуда, с востока, в Египет двигались какие-то азиатские орды, то на узком Синайском перешейке два этих человеческих потока неминуемо должны были столкнуться. Уходящие из Египта евреи должны были встретиться с идущими в Египет гиксосами. Ибо «азиаты» Ипувера — это, конечно, гиксосы; другие «азиаты» никогда в Египет не вторгались. Но Библия ни словом не упоминает о встрече евреев с какими-то гиксосами! Она даже имени такого не знает. А коль скоро так, то, возможно, папирус Ипувера в этой своей части недостоверен. Но если он недостоверен в одной части, то можно ли доверять ему во всем остальном? Однако, отбросив Ипувера, Великовский лишился бы независимого от Библии доказательства «столкновения миров». Выход один: нужно доказать достоверность папируса Ипувера и во второй его части. А для этого нужно «найти» в Библии упоминание о чем-то вроде встречи евреев с гиксосами.

Вот ловушка, в которую автор загнал сам себя. А вот автор, который бесстрашно бросается на поиски выхода из ловушки. И что ему не броситься? Он только что перевернул всю историю Солнечной системы — ему достанет отваги перевернуть, если того потребует истина (или Библия — что, впрочем, для него одно и то же), и всю историю человечества. Обратимся к Библии, снова зовет нас Великовский.

Встречались ли евреи вообще с кем-нибудь во время исхода? А как же! Если заглянуть в Книгу Исхода, то сразу обнаружится соответствующий текст: «И пришли Амаликитя-

не, и воевали с Израильтянами в Рефидиме...» (Исход 17:8). Рефидим, как знают нынешние молодые израильтяне, прошедшие через этот (теперь уже бывший) военный лагерь, находится в Синае. Именно там амаликитяне преградили древним евреям путь в Землю Обетованную. Посланные Моисеем в Ханаан разведчики принесли оглушительную весть: «Амалик живет на южной части земли» (Числа, 13:29). Евреи попытались прорваться силой — последовала вторая битва и второе поражение: «И сошли Амаликитяне и Хананеи... и разбили их, и гнали их до Хормы» (Числа, 14:45). Судьба евреев была решена — им пришлось уйти в пустыню. Только через сорок лет они сумели вступить в Ханаан.

Ну, теперь все встало на место, и вторая часть папируса Ипувера сейчас же окажется достоверной, если — если только мы докажем, что амаликитяне и гиксосы — одно и то же. Великовский делает это в два счета. Перечень своих доказательств он начинает с соображения фонетического: слово «аму» (второе название гиксосов) звучит почти так же, как начало слова «амаликитяне». Он и сам понимает, что это не очень убедительно, и спешит представить следующее доказательство — «географическое». Гиксосы пришли с востока («азиаты») и амаликитяне, согласно некоторым арабским источникам, тоже пришли с востока. Как утверждает Великовский, все те же «некоторые» арабские историки Средневековья якобы сообщают множество данных об этом племени. Амаликитяне, оказывается, жили в районе нынешней Мекки; они были жестоки и беспощадны (в чем очень походили на гиксосов, как их описывают египетские хроники); их (как и евреев) толкнула на великое переселение какая-то загадочная катастрофа (в арабских описаниях которой наметанный глаз Великовского быстро вылавливает многие черты сходства с описанием «катастрофы исхода» — нашествие насекомых, сильные ветры, подземные толчки, отравленные источники, вулканические извержения, странная тьма в природе); в результате этого переселения они захватили не только Южный Ханаан, но также Египет — и долго правили там. Арабский историк Абульфелда недвусмысленно утверждает: «Многие египетские фараоны были амаликитянского происхождения...»

Сходство истории гиксосов (по египетским источникам) и истории амаликитян (по арабским) поразительно — говорит Великовский. Но оно этим не исчерпывается. Чтобы убедиться в этом, следует более основательно углубиться в историю тех далеких и забытых времен. Из еврейской истории известно, что борьба евреев за вступление в Ханаан и овладение им продолжалась 450 лет (время исхода и Эпоха судей). Египетские источники говорят, что столько же продолжалось господство гиксосов в Египте. Это — о гиксосах. Теперь — об Амалике.

Еврейские источники, повествующие о борьбе Деборы и Барака с ханаанейскими царями, содержат загадочную фразу: «Корень их в Амалике...» Фразу эту, говорит Великовский, легко понять, если предположить, что ханаанейские цари были вассалами могущественных амаликитян-гиксосов, в помощи которых и коренилась их сила. Получают объяснение и загадочные слова из четвертого пророчества Валаама: «Первый из народов Амалик...» (Числа, 24:20). Если бы амаликитяне были обычным кочевым народом, их не стоило именовать «первыми», но если это были владыки гиксосской империи, то все становится на свои места. Нам понятно теперь, почему евреям понадобилось столько веков, чтобы овладеть Ханааном, — его царей поддерживали всесильные гиксосы, и победа пришла к евреям только при царе Сауле.

О Сауле мы поговорим сейчас же, но предварительно дослушаем Великовского, у которого припасен еще один, последний козырь в доказательство тождества амаликитян с гиксосами — козырь «филологический». Мы помним, что египетский хроникер Мането переводил слово «гиксосы» как «цари-пастухи» (то есть повелители скотоводов-кочевников); они овладели Египтом во времена исхода, после «десяти казней египетских», и сами были, следовательно, «казнью одиннадцатой». Так вот, в Псалме 77-м, после описания «десяти казней» говорится, что Господь наслал на Египет еще одно наказание: «послал на них пламень гнева Своего... посольство злых ангелов...» (Псалмы, 77:49).

Великовский, смело (хотя и совершенно неграмотно) оперируя особенностями иврита, превращает «мишлахат малахей-роим» («посольство злых ангелов»), в котором фигури-

рует ивритский звук «айн», в «мишлахат мелхей-роим», что означает «посольство царей-пастухов»!..

Впечатляющий филологический фокус. Не знающих иврит противников Великовского он просто валит с ног. Знающие, но сторонники и без того знают, что Великовский абсолютно прав.

А теперь вернемся к Саулу. Пророк Самуил, нехотя помазав его на царство, первым делом приказал Саулу отправляться в поход: «Так говорит Господь Саваоф: вспомнил Я, что сделал Амалик Израилю... Теперь иди и порази Амалика...» Саул собрал «двести тысяч пехотинцев и десять тысяч из колена Иудина», «дошел... до города Амаликова... и порази Саул Амалика от Хавилы до окрестностей Сура, что пред Египтом... и Агага, царя Амаликова, захватил живого...» (Первая книга Царств, 15:2–8).

Если амаликитяне были кочевым народом, откуда у них города? Но если то были гиксосы... И еще любопытно, что хроника подвигов полководца Амоса постоянно упоминает о существенной помощи, оказанной Амосу каким-то союзником, который в хронике называется «тот». Может, Саул и был таинственным «тем», который помог Амосу сокрушить великую гиксосскую империю? По времени и по всем перечисленным фактам эти две героические биографии («того» и Саула) очень уж красноречиво совпадают...

Чем дальше Великовский продвигается в реконструкции своей «альтернативной истории», тем убедительней кажется воссоздаваемая им картина. Стоит принять, что исход произошел во времена гиксосов, как исчезают многочисленные недоумения: почему египетские источники четыре с половиной века подряд ничего не упоминают о евреях, а еврейские — о египтянах? А потому и молчат, что неслыханные катастрофы потрясли в эти века Средиземноморский бассейн; на фоне этих катастроф шли великие переселения народов; рушилась одна могущественная империя, египетская, и на ее обломках возникла другая, гиксосская (амаликитянская); на Ближнем Востоке наступали «темные века» владычества Амалика; свыше четырехсот лет евреи в одиночку противостояли гиксосско-ханаанейской коалиции, преграждая ей путь к дальнейшей экспансии (если угодно, «защищая

тогдашнюю цивилизацию» от этой фундаментальной угрозы); и лишь четыре с половиной столетия спустя, во времена Саула и Амоса, накопив силы, два народа совместно сокрушили ненавистное владычество «царей-пастухов» и на развалинах их империи создали два независимых государства: Новое царство в Египте и Иудейское царство в Ханаане... И обо всем этом написано, насмешливо добавляет Великовский, надо просто знать, как прочесть... Надо уметь читать, господи!

Прежде чем опустить занавес над этим «гиксосским расследованием», Великовский завершает его пикантным «резоюме». Еврейская традиция утверждает, что остатки амаликитян бежали в Ханаан, где объединились с филистимлянами, новыми врагами евреев; после же поражения филистимлян горстка недобитых амаликитян была вытеснена в Двуречье. Нельзя не увидеть в этой традиции отголоски сохранившейся на многие века взаимной ненависти амаликитян и евреев. Но точно такую же ненависть, укоренившуюся за полтысячи лет гиксосской оккупации, питали народы Ближнего Востока, прежде всего — египтяне, к безжалостным угнетателям-гиксосам. Но вот об их дальнейшей судьбе египетская традиция — в лице уже известного нам Мането — повествует иначе.

Мането первым выдвинул утверждение, будто разгромленные египтянами гиксосы бежали в Сирию, а затем в Иудею, где, в конце концов, столетия спустя построили город Иерусалим! Иными словами, Мането отождествил изгнание гиксосов с еврейским исходом, самих гиксосов — с евреями и тем самым перенес на ни в чем не повинный еврейский народ ненависть ближневосточных соседей. Именно так, говорит Великовский, впервые в истории возник антисемитизм. Понятно, что «альтернативная история» Великовского полностью снимает с евреев этот «Манетов навет». Мы не гиксосы, говорит она, гиксосы — это ненавистные амаликитяне, нашедшие заслуженный ими бесславный конец.

«Гиксосское расследование» — только первый образчик такой реконструкции «подлинного» хода истории, произведенной Великовским в последующих — исторических — томах своей эпопеи. В этих книгах он последовательно двигался от эпохи гиксосов до места пресловутой «сшивки», до

эпохи Александра Македонского, и на всем этом пути пытался продемонстрировать историкам, что его «альтернативная история» не только не входит в противоречия с источниками, но, напротив, прекрасно с ними согласуется — несмотря на то что по общепринятым представлениям этого никак не могло быть. Для этого он по-новому перечитывал все относящиеся к нему документы, и интерпретировал факты, и всякий раз пытался показать (наподобие того, как он это сделал с гиксосами и амаликитянами), что эти факты и документы а) имеют совсем иной смысл, чем считалось раньше, и б) будучи «правильно» прочитаны, подтверждают «новую хронологию». Его усилия напоминали головоломный слалом: по всему склону истории расставлены «ворота» и нужно выбрать такой зигзаг, чтобы пройти сквозь каждые — и без потерь. Задача грандиозная, если вспомнить, что десятки поколений историков (начиная с самых древних) столетиями трудились, создавая существующую, общепринятую историю, которую Великовский теперь — в одиночку! — начал пересматривать: дату за датой, событие за событием, эпоху за эпохой.

На карту была поставлена уникальная датировка исхода, а стало быть — и связанная с ней, придуманная в ее объяснение грандиозная концепция «столкновения миров». Теперь Великовский попросту был обречен двигаться вперед — иначе конец всему его делу...

Как тут отделить честный поиск от суровой необходимости дойти до цели? Непредвзятое исследование — от подознательного стремления найти доказательство своей правоты? И кто скажет, какую роль играла тут глубочайшая убежденность в правоте Библии? Совершенно бесстрастных исследователей не бывает. Но если мерить человека масштабом того, на что он замахнулся, то Великовский в любом случае продемонстрировал подлинно научное мужество, равно как и подлинно титанические волю и силу духа, ибо — почти невероятно, но факт — он довел свою грандиозную программу почти до конца. Иное дело — с каким успехом и с какой убедительностью...

Осуществление этой программы он начал в «Веках в хаосе». Удалив из египетской истории «лишние» столетия, Великовский «поднял» ее ближе к нашим временам так, что

послегиксосская эпоха совпала с правлением Давида, а современницей Соломона стала знаменитая царица Хатшепсут. Знаменита она в древнеегипетской истории прежде всего тем, что совершила так называемое «путешествие в страну Пунт». То было весьма дальнее по тем временам морское плавание, на многих кораблях, из которого были доставлены многие богатства: экзотические деревья и животные, золото и серебро, драгоценности и утварь. Царица так гордилась своим путешествием, что приказала высечь соответствующие рисунки на стене сооруженного ею храма в Дейр-эль-Вахари. Судя по рисункам, а также высеченным под ними надписям, страна Пунт находилась то ли в Азии, то ли в Африке. Историки препираются на этот счет до сих пор: одни помещают Пунт в Эфиопии, другие в Сомали, третьи в нынешнем Йемене, но в любом случае к востоку от Египта, чтобы туда можно было проплыть через Красное море (поскольку оно недвусмысленно упоминается в рельефах храма Хатшепсут).

Вот и первая задача для «альтернативного историка». Нужно доказать, что путешествие Хатшепсут состоялось во времена Соломона. Эти «ворота» исторического «слалома» еще достаточно широки — толкования ограничиваются всего лишь двумя фактами: существовала в древности на Ближнем Востоке некая женщина-царица, которая совершила незаурядное путешествие в страну «к востоку от Египта», за Красным морем.

Простота задачи способна, пожалуй, лишь насмешить Великовского. Не только он, любой образованный человек знает, что Библия содержит такой рассказ — именно о путешествии и именно женщины (факт сам по себе настолько необычный для древности, что, видимо, запомнившийся) — царицы Савской к Соломону!

Поистине, блестящий удар! Остаются, как всегда, мелочи: как согласовать эту гипотезу со всем наличным материалом? Прежде всего, где находится Пунт? Какой-то египетский чиновник оставил запись, что побывал «в Библосе и Пунте одиннадцать раз», Библос — древняя столица Финикии, и его развалины по сей день сохранились к востоку от Бейрута. Естественно считать, что Пунт был неподалеку. Тем более что Пунт — это искаженный Понт, а Понт, согласно од-

ному из мифов, — «отец Посейдона и Библоса». В его честь вторая, после Библоса, столица финикийян могла называться Пунт. Дружба Соломона с царем Финикии Хирамом известна: Хирам доставил экзотические кедровые деревья для строительства Храма; вместе с Хирамом флот Соломона ходил в богатейшую страну Офир — для этого Соломон даже построил собственный порт на Красном море Эцион-Габер. (Через этот порт, кстати, и могла прибыть царица Хатшепсут.) Впоследствии, когда финикийцы были вытеснены с восточного средиземноморского побережья и, переселившись в район нынешнего Туниса, создали там Карфаген, римляне называли свои войны с Карфагеном «пуническими». Все указывает на то, что Пунт был другим названием Финикии и шире — восточного побережья Средиземного моря. А значит — и Палестины. Пункт первый доказан.

Пункт второй: Хатшепсут — царица Савская. Ну, прежде всего, женщина на престоле — много ли их вообще было? К тому же обе — путешественницы. Вероятность двух случайных совпадений еще меньше, чем вероятность одного. Куда естественней считать, что это одно и то же лицо. Правда, на рельефах Хатшепсут нет ни одного упоминания о правителях земли Пунт, но это умолчание можно объяснить: гордыня египетских фараонов не позволяла им упоминать имена чужеземных царей, даже таких великих и могущественных, как Соломон. Зато многие детали рельефа поразительно красноречивы: скажем, прибыв в Пунт и высадившись на сушу, Хатшепсут по мере своего продвижения внутрь страны встречает удивительные, обсаженные деревьями «террасы» — типично палестинский пейзаж; рельефы особенно восхваляют привезенные из путешествия экзотические деревья, — но Хирам подарил такие Соломону, а тот мог подарить их царице; изображения привезенных из Пунта изделий неплохо согласуются с описаниями утвари иерусалимского Храма в Библии; сам храм царицы Хатшепсут удивлял современников странностью архитектуры и ритуала — это можно истолковать как свидетельство, что он был построен по образцу Соломонова; царица Савская прибыла к Соломону «с юга», со стороны моря, как и Хатшепсут; местонахождение ее царства относят к Йемену или Эфиопии, но у Иосифа Флавия в его

рассказе о царице Савской есть прямое (никем до сих пор не учтенное) высказывание: «Женщина, которая была в те времена царицей Египта и Эфиопии, примечательная своей мудростью и многим иным, прослышала о мудрости Соломона и воспылала желанием увидеть его страну...» Если это не Хатшепсут, то кто же это?!

Как и в случае с гиксосами, свою очередную реконструкцию Великовский кончает гипотезами, возбуждающими воображение. Царица Хатшепсут, говорит он, как правило, изображала себя в мужском облике — дабы не смущать своими неподобающими фараону женскими статьями умы верноподданных египтян; не в этом ли разгадка знаменитой легенды о «ногах царицы Савской» — в одном варианте легенды она их скрывала, потому что они были кривые («козлиные»), в другом — потому что они были волосатые, «как у мужчины». Другая легенда утверждает, что гостья родила от гостеприимного хозяина сына (сластолюбие Соломона широко известно); эта легенда была в особом почете у эфиопов, которые утверждали, что родословная их негусов восходит к этому незаконнорожденному потомку двух мудрейших родителей; может быть, все может быть, меланхолически замечает Великовский, но куда интереснее, что эфиопская мифология именует царицу Савскую *Маке-да*, а царское имя Хатшепсут пишется на ее рельефах как *Маке-ра*!

Если вы и после этого сомневаетесь в их тождестве, вы, наверно, непоправимо лишены воображения...

Остановимся на этом. Не будем следовать за всеми взлетами и падениями славы Великовского. Перипетии его судьбы пришлось бы впору герою авантюрного повествования. Редко кому выпадало на долю столько ослепительных надежд и столько же глубочайших разочарований. Что поддерживало его в этой титанической борьбе? Только яростная вера в свою правоту и неукротимый темперамент бойца. Любопытно, что на его счету были и сочувственные отклики некоторых ученых. Но мало кто из них стал сторонником его теории. Больше того: то, что Великовский последовательно «подгонял» все свои космогонические и исторические построения под утверждения Библии и мифов, было постоянным источником раздражения — наука требует иных доказательств право-

ты. Что бы ни говорили о расчетах, которые опрокидывают его предположения, он тотчас находил новые соображения, чтобы подкрепить свою постройку.

Эта война с постоянно ускользающей тенью, эта необходимость опровергать все новые и новые и каждый раз ничем, кроме «а почему бы не предположить...», не подтверждаемые «соображения» заставили научную общественность в конце концов собрать специальную конференцию для всестороннего анализа гипотезы Великовского. Это показалось тем более необходимым, что в 1960-е годы появились некие новые астрономические сведения, которые Великовский трактовал как доказательства своей правоты. Выяснилось, например, что облака Венеры содержат соединения углерода. Не означает ли это, что Венера и в самом деле бывшая комета? Разве не Великовский истолковал выпадение «манны небесной» как выпадение углеродных соединений из кометного хвоста при его столкновении с Землей? Советский зонд, посаженный на поверхность Венеры, обнаружил там чрезвычайно высокую температуру. Но ведь Великовский как раз предсказывал, что в результате своего сближения с Землей, а затем с Солнцем бывшая комета должна была весьма разогреться и остаться таковой на протяжении долгих веков! И так далее. Когда американские газеты напечатали отчет о результатах миссии «Маринера», облетевшего Венеру, они снабдили этот отчет сенсационными заголовками: «“Маринер” подтверждает предсказания Великовского!» Привлеченные новой волной сенсации, зарубежные издательства одно за другим начали переводить книги непризнанного «ниспровергателя основ» на свои языки. И вот тогда и была созвана упомянутая выше конференция, на которой автор «Столкновения миров» получил приглашение выступить там с докладом. Предполагалось, что этот доклад и выступления его научных оппонентов будут опубликованы в сборнике, который позволит широкой публике самой рассудить, кто прав. Однако в последнюю минуту Великовский запретил печатать свой доклад.

Сборник тем не менее вышел в свет, но уже под названием «Ученые против Великовского». Эта книга с ее точными научными расчетами убедительно доказывала невозможность

остановки, а потом повторного «раскручивания» Земли. Эти расчеты, по существу, перечеркивали все «космические» построения Великовского. Но откуда тогда его «предсказания»? Ученые объясняли: все эти «предсказания» в большинстве своем вообще не следуют из теории Великовского, а являются его интуитивными догадками. Там, где они следуют из теории, они не совпадают с новыми научными открытиями. А там, где совпадают, они не вытекают из теории. Иными словами, заключали ученые, «там, где теория Великовского верна, она не оригинальна; там, где она оригинальна, она не верна». Что же касается его «альтернативной истории», то тут приговор был еще решительней, поскольку все филологические и прочие «анalogии» Великовского не выдержали строгого сравнения с фактами.

Это был суровый вердикт. И — для науки — окончательный. После публикации сборника «Ученые против Великовского» его «дело» было для науки закрыто и к нему больше не возвращались. Двери на научный Олимп перед Великовским захлопнулись навсегда. Хотя, разумеется, для его многочисленных поклонников ничего не закончилось и не могло закончиться никогда. Слишком необычную картину мироздания он предложил, чтобы увлекающиеся всем загадочным умы не поддались соблазну вечного сомнения: «А может, Великовский все-таки прав?»

Сам Великовский тоже не думал складывать оружия. Отдадим ему должное: он сражался до конца — до самой смерти. И даже после нее. Его последней — уже посмертной — книгой были выпущенные его вдовой Элишевой «Звездочеты и гробокопатели» — история борьбы за «теорию планетарных столкновений». Поэтому воздадим должное этому создателю современного «библейского мифа». Он искал не славу и не деньги. Если он ошибался, то ошибался честно, без подлогов. Если он невольно обманул многих, то ведь первым обманулся он сам. Если ему верили, то сам он верил больше всех. Если его идеи и не верны, то все-таки он был их мучеником и жертвой. Он умер восьмидесяти четырех лет от роду в Принстоне, США, так и не вкусив радости научного признания, которого жаждал больше всего в этой жизни.

Глава вторая Логарифмы библейских «кодов»

А вот и другой современный библейский миф — миф о «тайном знании», якобы скрытом в библейском тексте.

Как сообщил недавно читателям израильский ученый профессор Шор, «согласно древним еврейским источникам и каббалистической литературе, первыми во всей Вселенной были буквы еврейского алфавита, и лишь затем, с помощью этих букв, Господь создал все миры». И действительно, объясняя природу мастерства легендарного Бецалея, знаменитого библейского строителя и искуснейшего резчика по дереву и металлу, один из комментариев к Библии («Брахот») прямо указывает, что тайна всех его умений состояла в знании «первобукв»: «Бецальель знал, как составлять буквы, из которых созданы небо и земля». А как были созданы небо и земля, в свою очередь, объясняет нам другой комментарий («Мидраш раба»), где говорится: «Господь создавал миры, следуя Торе». Иными словами, величайшая мудрость зашифрована даже не в самой Торе, а в ивритских буквах, которые предшествовали всему, включая Тору, и из которых было создано все, начиная с Книги Бытия.

Израильский профессор Хаим Шор — неверующий человек; в свое время он окончил Хайфский политехникум (Технион), позднее получил степень бакалавра по философии и психологии и доктора наук по статистике, работал менеджером, инженером, преподавал в Тель-Авиве и в Университете имени Бен-Гуриона в Беер-Шеве. Тем не менее он хорошо знаком с Пятикнижием, особенно с Книгой Бытия, которая начинается, как известно, рассказом о сотворении мира (с помощью, как уже сказано, тех самых букв, которыми Книга Бытия и написана). Книга эта в свое время стала для Шора предметом статистического исследования, которое он еще в 1970-е годы, будучи молодым ассистентом Техниона, провел вместе с покойным профессором Иегудой Раддаем. Целью этого исследования была проверка знаменитой «документальной гипотезы», утверждающей, что у Пятикни-

зия было как минимум четыре автора (Яхвист, Элоист, Дейтерономист и Жрец) и не менее четырех редакторов. Хотя эта гипотеза и поныне остается базой углубленных библейских исследований, в свое время, в начале 1970-х годов, она была подвергнута резкой критике в книге английского священника и библеиста Роджера Уайбрайта. Уайбрайт настаивал на том, что у Пятикнижия был один-единственный автор — сам Моисей (что весьма соответствовало традиционному представлению о Торе как о своего рода лекционном конспекте, который Моисей записал под диктовку самого Господа). Позднее утверждения Уайбрайта были опровергнуты и забыты, но в 1970-е годы они породили серьезные споры и, в частности, подвигли профессора Раддая и Шора на упомянутую статистическую проверку. Как рассказывает Хаим Шор, они с Раддаем «доказали, что стиль Пятикнижия однороден на всем его протяжении», то есть что у него был один автор, и опубликовали этот свой вывод в книге, изданной почему-то в Ватикане. Как я уже сказал, позднее идеи Уайбрайта канули в Лету, а с ними кануло и «доказательство» его правоты, найденное Раддаем и Шором.

Уайбрайт сегодня забыт, но для молодого Шора тесное общение со священным текстом не прошло бесследно, потому что ближе к нашему времени он, уже самостоятельно, снова вернулся к анализу Пятикнижия, точнее — упомянутой Книги Бытия. На сей раз его подвигли к этому случайно замеченные им странные, как он говорит, «совпадения» некоторых деталей этой книги с кое-какими данными современной науки. Как признается профессор Шор, он раньше «никогда не верил утверждениям древних еврейских мудрецов, будто в ивритских словах скрыт зашифрованный слой дополнительной информации». Он считал, что такие утверждения основаны на суеверии и мифах, как и в религиях других народов. Но первые же замеченные им странности заставили его глубоко задуматься. И в самом деле, загадку, которая положила начало его многолетним исследованиям (и которой открывается его новая книга «Совпадения в Библии и библейском иврите»), иначе, чем «странной», не назовешь. Неожиданно для себя Шор обнаружил, что ивритские слова, обозначающие цвет, связаны с длиной волны этого цвета.

Когда он обозначил порядковыми числами каждую букву ивритского алфавита от «алеф» до «тав» и затем подсчитал сумму таких чисел в ивритских словах «адам» (красный), «цахав» (желтый), «йеракон» (зеленый), «тхелет» (голубой) и, наконец, «аргаман» (пурпурный), а потом отложил эти суммы по горизонтальной оси координат, а по вертикали — соответствующие этим же цветам длины их волн, приведенные в физических справочниках, то увидел, что получившиеся пять точек лежат на одной прямой!

Кто бы не удивился? Тем более что подмеченные Шором «совпадения» этим далеко не исчерпываются. Как он рассказывает далее, неожиданное открытие так его поразило, что он немедленно стал искать похожие — и нашел! Следующим в его списке стали небесные тела. Подобно основным цветам, они тоже были «основные» — Луна, Земля и Солнце. На иврите это «яреах», «эрец» и «шемеш». Смотрите теперь и учитесь. Профессор Шор рассуждает так: первая буква слова «яреах» на иврите — это «иуд», десятая буква ивритского алфавита — пишем «10»; вторая буква — «рейш», на том же иврите это 20-я буква, а также число 200, поэтому пишем «200»; и, наконец, третья буква слова «яреах» — «хет», то есть 8-я буква алфавита, поэтому добавляем 8. Получаем в сумме 218. Теперь мы повторяем ту же операцию и получаем для Земли сумму букв 291, а для Солнца — 640. «С чем бы нам это сравнить?» — задумался профессор Шор и понял, что с буквенными значениями этих главных небесных тел нужно, как и в случае цвета, сравнить какие-нибудь научные данные о них, и в качестве таких данных взял их диаметры (диаметр Луны — 3474 км, диаметр Земли в 3,67 раза больше, диаметр Солнца в 400 раз больше диаметра Луны). Отложите теперь суммы чисел в словах на оси X, диаметры — на оси Y, и вы увидите, как в свое время с волнением увидел профессор Шор, что и эти три точки тоже лежат на одной прямой!

Что-что? У вас не получилось? Ничего, у меня тоже. Не волнуйтесь. Я не поленился, и заглянул в книгу профессора Шора, и понял, что все научные данные, то есть значения диаметров, нужно превратить в их логарифмы. Тогда все получится. Нужно только знать, как пользоваться логариф-

мами. Господь, надо думать, сделал для логарифмов исключение и создал их чуть раньше, чем Солнце, Землю и Луну. Но конечно, позже, чем ивритские буквы, ивритские слова и ивритские названия для этих небесных тел. Иными словами, Он сначала создал идею небесного тела и дал ей название — разумеется, на иврите, никакого другого языка тогда еще не было, — а уж потом воплотил эту идею в разные конкретные небесные тела, подбирая при этом их диаметры так, чтобы логарифмы этих диаметров соответствовали названиям тел. (Совсем как у Платона: идея вещи предшествует самой вещи — и порождает ее). Удобная штука логарифм. Не нужно откладывать на оси почти полтора миллиона километров (диаметр Солнца), а просто пишем натуральный логарифм этого числа — 14,14, то же для Земли — 9,45 и Луны — 8,15, и, как видите, все огромные числа сразу съжились и стали сравнимыми по величине. Эти логарифмы мы отложим на упомянутой оси Y, числовые значения слов «яреах», «эрец», «шешеш» — на оси X, получим три точки, и теперь у нас через них пройдет красивая ровная прямая. Конечно, если вспомнить, что логарифм — это просто показатель степени, то станет понятно, что на самом деле три получившиеся точки лежат на круто взмывающей в небеса кривой, но так ведь это ж небесные тела, туда им и положено взмывать, а когда мы их для удобства прологарифмируем, у нас сразу получится приятная приземленная прямая. Что и требовалось показать.

Чтобы закончить обзор научных методов профессора Шора и полученных с их помощью удивительных результатов, расскажем еще об «основных длительностях», то есть протяженности дня, месяца и года. Здесь уже одними логарифмами взмывающую кривую не спрямишь, и автор выражает все эти длительности в неких «герцах», то есть, как говорили в школе, «приводит их к виду, удобному для логарифмирования», а уж потом логарифмирует в хвост и в гриву. После этого хочешь не хочешь, а ляжешь на прямую, как миленький.

В книге «О совпадениях в Библии и библейском иврите» есть еще много таких же поразительных корреляций (так называют некую связь двух сущностей, если опасаются из осто-

рожности называть одну причиной другой; профессор Шор тоже избегает говорить о причинах найденных им совпадений). Есть там вещи простые, хотя никем ранее не замеченные, вроде того, что имя Моше (Моисей) при чтении в обратном направлении похоже на «А-Шем», то есть на имя Господа, с которым только Моше и разговаривал напрямую, или что название первой буквы в иврите («алеф») при таком же обратном чтении дает «пеле», что означает «чудо» (видимо, чудо рождения первой буквы, то есть начала начал). Или например, замечательный анализ имени Лаван. Как многим известно, это дядя праотца Иакова со стороны матери Ревекки, у которого Иаков служил сначала семь лет за Рахиль, после чего ему взамен подсунили Лию, а затем, получив все же и Рахиль, — еще семь лет «в зачет» за нее. В Библии Лаван — существо вредное, но не более того: сначала он обманул Иакова, чтобы сбегать с рук старшую дочь, а потом, когда Иаков бежал, забрав жен и прихватив попутно Лаваново добро, погнался за беглецами и хотел их примерно наказать. Хотя все кончилось мирно, талмудические мудрецы почему-то невзлюбили Лавана настолько, что сочли его хуже фараона: тот приказал умертвить только еврейских детей мужского пола, а Лаван якобы всех хотел смешать с пылью. Слово «смешать» и перевод имени «Лаван» (белый) наводят автора на мысль, что в истории с Лаваном Библия предвосхитила грядущее открытие Ньютоном того факта, что белый цвет есть смешение всех прочих цветов вплоть до их полного индивидуального исчезновения. Точно так же, по мнению автора, близость слов «озен» (ухо) и «изун» (баланс) свидетельствует о том, что Создатель иврита, играя его словесными перекличками, поместил наш орган равновесия в созвучном ему ухе. И не только «эрайон» (беременность) имеет численное значение 271, что «точно» равно длительности беременности, но и слово «шана» (год) с его суммой цифр 355 «странным образом» близко к числу дней в году.

Есть, однако, в книге Шора и вещи посерьезней — например, объяснение приемов статистической обработки результатов и нахождения границ ошибок, и религиозные комментаторы его книги усиленно подчеркивают это обстоятельство. «Статистический анализ, проделанный автором, — пишут

они, — демонстрирует, что некоторые из “совпадений”, приведенных в его книге, в действительности вовсе не являются совпадениями, а содержат в себе реальную и сохраняющую значение информацию». Особенно энергично рекомендуется читателю ознакомиться с главой, где такой анализ предлагается к библейской истории сотворения мира. Последуем этой рекомендации и мы. Прямо в изложении автора. «Я взял шесть событий по числу шести библейских дней творения, — говорит Шор, — и сопоставил каждое такое событие с научно установленным временем того же события. Скажем, наука установила, что галактики начали формироваться 11,8 млрд. лет назад, Солнце и Луна — 4,5 млрд. лет назад, жизнь возникла 2,5 млрд. лет назад и так далее. Я отметил космологические данные на оси Y, а библейские дни, от первого до шестого, на оси X и обнаружил, что эти шесть точек ложатся на одну прямую линию. Потом я провел статистический анализ, который показал, что вероятность случайного попадания шести точек на одну прямую равна 0,0021 процента!» И далее заключает в духе своих комментаторов: «За те несколько недель, в течение которых я лихорадочно производил эти подсчеты, что-то во мне изменилось. Теперь мне кажется в высшей степени вероятным, что информация, скрытая в библейских словах, существенно дополняет то, что нам уже известно».

Как вы сами понимаете, эти миллиарды лет автор тоже логарифмировал. Это было особенно важно по той причине, что все указанные автором даты (время появления галактик, Луны, жизни на Земле и т. д.) на самом деле науке в точности не известны — они «гуляют» в широких интервалах и непрерывно уточняются (например, галактики, по последним данным, сформировались не 11,8, а 13,2 млрд. лет назад, а первые бактерии на Земле, по тем же данным, возникли не 2,5, а 3,8 млрд. лет назад). Но логарифмирование, как мы уже знаем, позволяет все эти различия изобразить ничтожно маленькими. С другой стороны, такая свобода в выборе даты — на миллиард лет больше, на миллиард лет меньше — позволяет автору «нужное выбрать, ненужное зачеркнуть» и таким манером выйти на свою заветную финишную прямую. Например, одна из его «шести точек» — дата рождения га-

лактик; но в Библии никаких галактик нет, там есть только сотворение света, неба, воды, суши — что же из этого взять для шестой точки? Конечно, то, что лучше подойдет. Такой же нехитрый трюк лежал и в основе исходного соответствия «длин волн различных цветов» с их ивритскими числовыми значениями: как известно любому школьнику, цвет не имеет какой-то определенной длины волны, ему отвечает целый интервал длин волн, только выбирай. Ну и выберем.

В одной из своих книг («Загадки, тайны и коды Библии») я писал когда-то о нашумевших «открытиях» израильских математиков Рипса и Видстума, якобы «доказавших» наличие «тайных кодов» в Библии. Уже тогда строго научные работы, где был проведен анализ методов этих и им подобных авторов, показали, что все эти «коды», состоящие, по сути, в том, что, скажем, название праздника «Ханука» при определенном способе чтения текста оказывается рядом с именем героев этого праздника Маккавеев, появляются на самом деле только потому, что их искатели незаметно (иногда — и для самих себя незаметно) пользуются неким «интервалом выбора», из которого извлекают то, что позволяет подогнать результат к желанному «совпадению». Например, в случае «кодов Библии» авторы выбирали из разных возможностей написания того или иного ивритского слова (скажем, слегка варьируя имена героев или название праздника). А профессор Шор точно так же выбирает (может быть, тоже бессознательно) удобную для него длину волны из интервала в сотни ангстремов или нужную ему дату из интервала в несколько миллиардов лет. Рипс и Видстум «читали» библейский текст с помощью пропусков определенного количества букв, иначе никакие «совпадения» не выявлялись; Шор свои данные логарифмирует, иначе они не укладываются на эффектную прямую. Не следует, разумеется, думать, будто Рипс или Шор жульничают. Нет, они всего лишь страстно желают, чтобы «получилось», и потому напряженно ищут такой способ представления данных, который сделал бы желаемое «действительным» (например, если со словом «Ханука» не получается, пишут его с артиклем, как «а-Ханука»; если не получается с сотворением света, то есть с рождением Вселенной, берут рождение галактик). Когда же удастся таким манером

найти и «подтвердить» одно «чудо», начинают искать второе, третье, без конца и без усталости, чтобы еще больше ошеломить и убедить и себя, и читателя (я когда-то разговаривал с Рипсом и видел, как страстно он убеждал себя в собственной правоте). Так и появляются целые книги о «тайных кодах» или о «скрытых совпадениях» в Библии.

Это не удивительно. Это человеческое, очень человеческое. Как не удивителен и жгучий интерес широких масс к такого рода «тайному знанию». Удивляет другое: почему никто не задается простым вопросом: «Ну и что?» Пусть «а-Ханука» рядом с «Маккавеями», а библейский «йеракон» ложится на одну прямую со своей средней длиной волны — что из этого следует? Какую «тайную мудрость» это открывает? Неужели мы надеемся когда-нибудь прочитать таким манером какие-нибудь божественные предсказания? И верно — журналист Дроснин, заработавший в свое время на таких «библейских предсказаниях» миллионы, уверял, что с помощью «кодов Библии» нашел в Торе пророчество об убийстве премьер-министра Израиля Ицхака Рабина (проверка немедленно показала, что «находка» эта была грубой подтасовкой) и даже якобы пытался предотвратить это убийство. Неужто он надеялся изменить предсказанное самим Господом?!

А может, мы ищем во всех этих незамысловатых фокусах очередное доказательство существования Господня? Но тогда как понять такие пути? Неужели Господь замаскировался и закодировался от нас так, что Его нельзя опознать иначе, чем через длины волн света или имя Моисея, прочитанное задом наперед?! Можно только пожалеть Господа, если людям для укрепления в вере в Него необходимо совпадение длин волн с какими-то «суммами чисел». Уж куда симпатичней выглядит в таком случае — да и последовательней — вера раннехристианского писателя Тертуллиана, который говорил: «Верую, потому что абсурдно». То есть верую потому, что вижу нечто, противоречащее и здравому смыслу, и науке, как может им противоречить только одно — Чудо Господне.

Но еще больше, чем Всевышнего (да простит Он мое панибратство), мне жаль самих таких (мало) верующих.

Глава третья

Космология и каббала

Дополним наш рассказ о поисках тайного знания в библейских текстах небольшим разговором о каббале. Это мистическое учение древнееврейских мудрецов тоже слышит кладезем тайного знания. И в подтверждение этого многие ссылаются на услышанные где-то утверждения о том, что каббала-де предвосхитила все космогонические представления современной науки.

Такой миф и впрямь имеет место. Не так давно, например, известный американский физик Джоэль Примак выступил со статьей, в которой заявил, что современная космогония «во многом перекликается» с еврейской каббалой. Концепции нашей науки, заявил профессор Примак, все больше напоминают концепции этого древнего мистического учения. Космогония оборачивается неким «воспроизведением каббалистического мифа».

В чем же видит профессор Примак эту «перекличку»? Чтобы правильно понять его мысль, следует для начала хотя бы кратко и упрощенно припомнить, в чем состоят современные космогонические представления. Что знает сегодня наука о возникновении и строении мира?

Современная наука знает, что мы живем в мире звезд. Эти гигантские огненные шары не разбросаны беспорядочно во Вселенной — они образуют еще более гигантские скопления, именуемые галактиками. Около 10 процентов видимых галактик собраны в огромные скопления, образующие грандиозные «листы», или гигантские «нити». Эту сложную организацию ученые называют «крупномасштабной структурой» Вселенной. Иными словами, Вселенная не беспорядочна — она имеет структуру.

Наша галактика — Млечный Путь — входит в состав небольшого скопления, расположенного на окраине одного из этих грандиозных образований — на краю галактического «листа», тянущегося в сторону созвездия Девы. Если мысленно описать сферу радиусом в десяток миллиардов световых лет (на это расстояние еще могут заглянуть современные те-

лескопы), то внутри такой сферы окажутся миллионы галактических скоплений, в каждом из которых содержатся тысячи, а то и миллионы галактик, а каждая из галактик, в свою очередь, состоит из миллиардов звезд. Все эти галактики и их скопления непрерывно удаляются друг от друга — об этом свидетельствует растягивание и «покраснение» испускаемых ими световых волн. Чем дальше от нас галактика, тем быстрее она движется.

Процесс разбегания галактик впервые открыл американский астроном Хаббл. Мысленно повернув этот процесс вспять, астрофизики, естественно, пришли к выводу, что в какой-то момент в прошлом все галактики и звезды были очень близки друг к другу, практически сливались в один невообразимо громадный и плотный, чудовищно раскаленный «Праатом». То, что произошло затем, английский физик Фред Хойл насмешливо назвал «большой хлопнушкой», или, более уважительно, — Большим взрывом, по-английски — Big Bang. Теория, выводящая историю Вселенной из такого Большого взрыва, объясняет наблюдаемый разлет галактик и даже механизм образования всех наблюдаемых во Вселенной химических элементов. Но она не объясняет всего. В частности, не объясняет образования галактик и их скоплений. Однако лет тридцать назад, развивая стандартную теорию Большого взрыва, астрофизик Гут высказал мысль, что на самых ранних стадиях расширения только что родившейся Вселенной оно происходило с колоссальным ускорением, так что исходный «шар» Вселенной за какие-нибудь 10^{-35} доли секунды вырос от размеров атома до размеров футбольного мяча. При этом существовавшие внутри «Праатома» ультрамикроскопические неоднородности (вызванные свойствами материи на микроуровне) тоже были чудовищно быстро «раздуты» в чудовищное число раз и из ультрамикроскопических превратились уже в макроскопические. Эти неоднородности впоследствии и превратились в зародыши звезд и галактик.

Не будем сейчас вдаваться в детали этой грандиозной научной картины мира; последуем лучше за профессором Примаком, который задает в этом месте простой и «наивный»

вопрос: что же это все означает? Каков «смысл» этой космогонической картины?

Слово «смысл» тут ключевое. Дело в том, что людям издревле свойственно искать смысл всех явлений окружающего их мира, и они уже в глубокой древности, когда еще не было науки, создавали для этого мифы, в том числе мифы космогонические, объяснявшие «смысл» мира в целом, то есть — как возник мир, как он устроен, как функционирует. Наш иудео-христианский миф знаком нам из Библии; из школы мы знаем о космогоническом мифе древних греков; многие, наверное, читали пересказы мифов других племен и народов. Все эти мифы играли одну и ту же роль — они объясняли данному коллективу и его отдельным членам, как возникла и устроена Вселенная, чем или кем она управляется, по каким правилам существует. Такие мифы давали древнему человеку сознание своего места в космическом порядке вещей, придавали осмысленность его крошечной судьбе, устранили ужас, порождаемый мыслью о случайности и хаотичности существования. Недаром само слово «космос» по-гречески означает «порядок».

В этом смысле мифы продолжают складываться и сегодня. Стоит появиться чему-то необъяснимому, как тотчас возникают и «объяснения», связывающие этот феномен, например, с пришельцами из космоса. Человеческий разум, как и природа, не терпит пустоты: он жаждет все заполнить причинными объяснениями. Но именно этим, говорит профессор Примак, занимается и современная космогония. По мнению Примака, она создает современный «космогонический миф». От того, что он основан на данных науки, его характер и культурное назначение несколько не изменились: будучи тоже «объяснением смысла мира в целом, он и структурно, и функционально аналогичен древним космогоническим мифам». А из всех этих древних мифов, продолжает Примак, он ближе всего к еврейской каббале.

Я не стану здесь пересказывать миф каббалы в соответствии с тем, как его понимает профессор Примак, а попробую изложить его, опираясь на книги выдающихся специалистов по религиоведению Гершома Шолема и Мирче Элиаде.

Итак, каббала. Дословно слово это означает «традиция», то есть знание, передаваемое из поколения в поколение и получаемое (от ивритского слова «лекабель» — «получать») каждым новым поколением из рук предыдущего. Ранние каббалисты считали, что это тайное знание восходит к самому Моисею, а точнее — к Торе, данной Моисею на горе Синай. Тора, по утверждению древних еврейских книг, была «планом Творения», и каббалисты постигали тайны этого плана посредством мистических озарений. Рациональные термины непригодны для передачи мистического опыта; поэтому космогония каббалистов излагается с помощью метафор и аллегорий. В основу этой космогонии положено представление о бесконечном божестве, Эйн-Соф, обладающем десятью важнейшими ипостасями, или «сфирот». Три из них — Кетер («венечный Бог»), Хохма («мудрость, или предвечная идея Бога») и Бина («разум Бога») — имеют прямое отношение к сотворению мира. Но прежде чем говорить, как каббала мыслит себе это сотворение, следует уточнить понятия «сфирот». Наиболее точную их характеристику дал, по-видимому, Гершом Шолем: сфирот — это атрибуты Бога, его «эманации», каждая из которых действует в своей сфере Божественной реальности.

Еврейский космогонический миф, то есть рассказ о сотворении мира, проходил много стадий усложнения и достиг высшего своего выражения в произведениях великого мистика XVI века Ицхака Лурии из Цфата, который, в свою очередь, развил и переосмыслил идеи знаменитой древней книги «Зоар», на иврите — «Сияние» (созданной Моше де Леоном в XII веке). Исходный вопрос, поставленный лурианской каббалой, звучит очень просто: как мог Эйн-Соф создать нечто, отличное от Себя, если Им было заполнено все? Ответ на этот вопрос, напротив, был величественно-дерзким: Эйн-Соф, утверждал Лурия, претерпел «цимцум» — что на древнееврейском языке, грубо говоря, означает «сжатие», или «стягивание», а точнее — «удаление от Самого Себя». Он как бы покинул некую область, освободив в Себе Самом место — этакое пустое предвечное пространство, предназначенное для будущего творения. В первом акте этого творения Эйн-Соф создал Ничто, Небытие. Способность к совершен-

нию такого грандиозного действия в каббале как раз и обозначается словом «Кетер» — это величие, венец Бога.

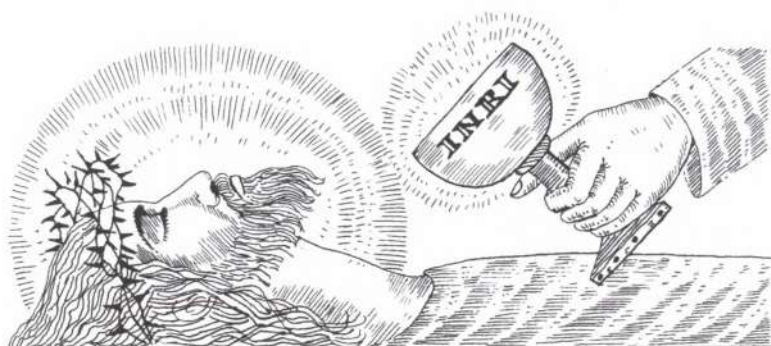
На второй стадии в сферу Ничто изливается вторая эманация — Хохма. Она как бы «взрывает» это Ничто и превращает его в Бытие. Согласно «Зоару», такое творение Бытия из Ничто начинается в мистической «предвечной точке» (она зовется «Решит», на иврите «Начало»), вокруг которой реализуется весь космогонический процесс. Из этой точки в освобожденную Богом пустоту начинает изливаться Божественный свет, который заполняет некие «сосуды», но так как сосуды эти не выдерживают обилия света, они ломаются, и поломка эта приводит к несовершенству мира; задача людей — собирать обломки сосудов и «исправлять» несовершенство мира.

Разумеется, это не физическая космогония. Это, если пользоваться тем же термином, скорее «космогония моральная». В этой картине есть смысл и цель: объяснить сотворение и устройство Вселенной так, чтобы человек понял, что у него есть в этой Вселенной главная и великая задача — «исправление» («тиккун») себя, а через это — всего мира. Но при желании в ней и впрямь можно найти некоторые элементы, отдаленно похожие на отдельные пункты космогонической картины современной науки. Например, светящаяся «надмирная точка» Решит, из которой изливается свет, немедленно вызывает в памяти Праатом и Большой взрыв. Но это, пожалуй, и все. Некоторые современные космологи выдвигают гипотезу, что наша Вселенная родилась из какой-то предыдущей путем сжатия той в Праатом, и это могло бы напоминать каббалистический «цимцум», но другие ученые говорят, что, скорее всего, наша вселенная — просто один из «пузырьков» некоего предвечного и бесконечного «кипящего хаоса», а этому уже никак не найти аналогов в каббале. В общем, говорить о родстве этих двух космогоний можно разве что в образном плане. Я уж не говорю о том принципиальном их различии, что научная космогония, как всякая наука, обладает предсказательной силой, тогда как «тайное знание», которое пытаются извлечь из каббалы многочисленные любители такого рода спекуляций, никаких открытий по части «механики Вселенной» или путей ее грядущего развития

не обещает. Каббала ведь говорит о путях Бога и человека, то есть о «знании» мистическом, духовном, тогда как наука говорит о «знании» в смысле физическом, дающем ответы на вопросы о путях материи, времени и пространства.

Если в этих двух картинах мира и есть что-то общее, то это демонстрируемое ими обеими грандиозное величие, размах пытливой человеческой мысли. Как образная картина сотворения мира, каббала Ицхака Лурии действительно не менее величественна, нежели нынешняя научная картина рождения нашей Вселенной — особенно если эту научную картину тоже пересказать в доступных рядовому пониманию образах. Но это их сходство не отменяет их глубокого различия. Поэтому лучше, по-моему, оставить споры, чего тут больше, сходств или различий, и просто снять мысленно шляпу — что перед автором «Зоара», что перед автором «Математических начал натуральной философии», что перед Ицхаком Лурией, что перед Альбертом Эйнштейном. А проще — перед величием дерзкой человеческой мысли...

Часть пятая Толкования евангельских чудес

Глава первая Мессия до Иисуса

Как говорили Ильф и Петров, рядом с большим миром, в котором герои покоряют полюса, всегда существует маленький мирок маленьких людей, в котором пишут шлягер «Мне тепло с моей крошкой на полюсе». Со времен Ильфа и Петрова ситуация не очень изменилась, разве что шлягеры стали еще пошлее, но мы сейчас говорим не о них. Мы сейчас, напомню, говорим о том, что рядом с большим миром серьезной исторической науки также существует свой, параллельный маленький мир — мир истории гипотетической, или альтернативной, как нынче говорят, мир полувывмышленный, но именно потому порой весьма занимательный. Огромный пласт таких полу- и околonaучных предположений и смелых гипотез связан с историей Иисуса Христа. Оно и не удивительно — с одной стороны, речь идет о фигуре исторического масштаба, тогда как с другой стороны, реальное историческое существование этой личности не имеет подтверждений. Ведь все до единого свидетель-

ства о ней дают нам лишь рассказы евангелистов, послания апостола Павла и немногочисленные документы ранних христиан, то есть людей заинтересованных и потому небеспристрастных. Между тем реальность других фигур аналогичного масштаба (Будда, Мани, Мухаммад и т. п.), как мы знаем, надежно подтверждается многочисленными беспристрастными свидетельствами.

Не случайно поэтому, что историчность Иисуса начали отрицать уже начиная с XIX века и далее (Бруно Бауэр, Джеймс Фрэйзер и другие). Однако наиболее пылкие атаки развернулись в недавнее время. Так, лондонский германист и знаток раннего христианства профессор Дж. А. Уэллс опубликовал несколько книг (наибольшую известность получили «Легенда об Иисусе» и «Миф Иисуса»), в которых проанализировал документы ранних христиан и послания апостола Павла и пришел к заключению, что изображенный в них Иисус как будто совершенно не знаком с Иисусом Евангелий — милосердным пастырем и пламенным проповедником любви и добра. В посланиях апостола Павла, пишет Уэллс, Иисус напоминает, скорее, мрачную фигуру далекого мифического прошлого, и потому допустимо думать, что этот Иисус вырос на основе каких-то древних еврейских мифов, тогда как Евангелия были написаны много позже, чтобы смягчить его жутковатый облик. Близкую идею развивает Эрл Доэрти в книге «Загадка Иисуса». А вот Тимоти Фреке и Питер Ганди, авторы «Тайн Иисуса», опираясь на рукописи древних гностиков, найденные в египетском городке Наг-Хаммади (о них несколько ниже), вообще полагают, что образ Иисуса — это просто очередное, созданное гностиками, воплощение древних «умирающих и воскресающих» богов, вроде Озириса, Диониса, Аттиса и Митры, а современное христианство якобы выросло из этого гностического мифа лишь много позднее и переписало его в Евангелиях, чтобы утвердить свое историческое старшинство.

Впрочем, все это — вненаучные спекуляции, вроде нашумевшего в маленьком мире массовых читателей «Кода да Винчи». Куда ближе к серьезной истории располагается опубликованная несколько лет назад книга американского историка Майкла Вайза «Первый мессия, или Спаситель,

приходивший до Иисуса». Вайз — молодой ученый, получивший научную известность как один из выдающихся исследователей Кумранских рукописей, — выдвигает в своей полуполунаучной, полубеллетристической книге вполне серьезную гипотезу, согласно которой приходу Иисуса (историчность которого он вообще не обсуждает) предшествовало появление мессиянской фигуры, описанной в Кумранских рукописях под именем «Учителя Праведности» (у Вайза он назван Иудой). Этот «Учитель», говорит Вайз, воспринимался своими современниками как спаситель, осуществивший многие из тех же древних пророчеств, который позже связывались с именем Иисуса; он проповедовал многие из тех принципов, которые проповедовал позднее Иисус, и его смерть вызвала появление религиозного движения, описанного в кумранских документах и во многом подобного раннему христианству. И поскольку проповедь Иисуса, согласно Евангелиям, происходила всего через несколько десятков лет после смерти «Иуды», то можно утверждать, что мессиянская драма Иисуса, описанная в Евангелиях, была на самом деле своего рода воспроизведением некоего исторического прецедента.

Сходную — и даже более радикальную — теорию «Мессии до Иисуса» развил шведский лингвист и историк профессор Альвар Элегард в своей книге «Иисус — за сто лет до Христа», тоже вышедшей несколько лет назад. По Элегарду, реальный Иисус был главой кумранской общины за 100–200 лет до описанных в Евангелиях событий, а апостол Павел придумал своего Иисуса Христа и разработал основные принципы христианства, опираясь на документы ессеев, которые были ему известны, поскольку Павел лично знал эту общину. Гипотеза Элегарда основана на специфическом прочтении «Дамасского документа». В нем упоминается, что секта ессеев «ушла в Дамаск, что за Иерусалимом», а между тем апостол Павел рассказывает, что видение Христа (которого он лично никогда не знал) посетило его «по пути в Дамаск». Обычно эти слова Павла трактуются в том смысле, что он направлялся в сирийский Дамаск, но Элегард читает их как указание на ессейское убежище «Дамаск за Иерусалимом», то есть Кумран.

На это затянущееся вступление меня натолкнула недавняя статья, в которой сообщалось об открытии израильски-

ми археологами Адой Ярдени и Вениамином Элишуром некой загадочной вырезанной на камне надписи, которую они назвали (на иврите) «Хазон Габриель», или «Видение (Откровение) Гавриила». Надпись эта, найденная в Иордании, относится, судя по языку и форме букв, к концу I века н. э., а текст ее связан с известным библейским первоисточником — Книгой пророка Даниила, с тем ее местом (8:15–26), где говорится о встрече пророка (в явившемся ему видении) с архангелом Гавриилом. Автор статьи, один из крупнейших израильских историков профессор Израиль Кноль, обсуждая этот текст и его прочтение первооткрывателями, предлагает свою трактовку некоторых оставшихся сомнительными букв и слов, согласно которой 80-я и начало 81-й строк надписи должны читаться (на иврите): «Лешлошет йамин хайеа, ани Габриель, гозер алеха, сар асарин», что в переводе Кноля звучит как: «Через три дня оживи, я, Гавриил, повелеваю тебе, Владыка владык». Последнее упоминание о «Владыке владык», пишет Кноль, тотчас отсылает нас к тексту Книги Даниила, где в (8:23–25) предсказывается, что после падения «четырех царств» появится царь, «яростный видом», наглый и коварный, который «погубит сильных и народ святых... и против Владыки владык восстанет». Надпись, найденная Ярдени и Элишуром, говорит Кноль, как бы продолжает этот рассказ Даниила и описывает дальнейшие события: этот царь, «яростный видом», который едва не погубит весь еврейский народ («народ святых»), сумеет даже победить и убить его вождя, «Владыку владык», но тот, по велению Божьего архангела, «через три дня» воскреснет.

И вот тут профессор Кноль задает смелый вопрос: могло ли быть так, что этот «Владыка владык» — реальная историческая фигура? По его мнению, могло, и на такую возможность указывает одно нетривиальное совпадение. В тексте надписи, рассказывающей о «Видении Гавриила», рядом с «Владыкой владык» имеются слова, обозначающие «узкое ущелье», и они как бы указывают на характер гибели этого героя: смерть «Владыки владык» каким-то образом связана с этим ущельем. А между тем Иосиф Флавий в 10-й главе 17-й книги «Иудейских древностей», рассказывая о восстании евреев против римлян, вспыхнувшем после смерти царя Ирода (4 год н.

э.), пишет: «Существовал тогда также один из служителей царя Ирода некий Симон, человек красивый, огромного роста и крайне сильный, пользовавшийся доверием царя. Основываясь на беспорядочном состоянии дел, этот человек осмелился возложить на себя царский венец. Собрав себе толпу приверженцев, которые в своем безумии провозгласили его царем, и считая себя вполне достойным этого высокого сана, Симон разграбил и сжег царский дворец в Иерихоне. Равным образом он предал пожару целый ряд других дворцов в стране, причем предоставлял толпе своих приверженцев грабить их сколько угодно. Он, наверное, совершил бы еще более значительные беззакония, если бы против него не были приняты меры: Грат (римский наместник. — *Р. Н.*) присоединил царские войска к римским и во главе этой рати выступил против Симона».

Флавий кончает знаменательной фразой: «Когда затем произошла продолжительная и ожесточенная битва, большинство приверженцев Симона, происходивших из Переи и представлявших из себя беспорядочную толпу, сражавшуюся скорее храбро, чем умело, погибло, а сам Симон, искавший спасения в бегстве *по узкому ущелью*, попался в руки Грата и был им обезглавлен» (курсив мой. — *Р. Н.*). Римские источники, рассказывая о тех же событиях, упоминают еще, что этот Симон (Шимон) действовал в Заиорданье, то есть именно там, где была найдена нынешняя надпись. Так нельзя ли на основании всех этих совпадений предположить, спрашивает Кноль, что этот Симон был тем самым «Владыкой владык», о котором рассказывает надпись, и что евреи связывали с ним некие мессианские надежды? Слова Кноля о «мессианских надеждах» тоже не случайны: ведь в Книге пророка Даниила написано, что восставший против «Владыки владык» царь «будет сокрушен — не рукою», а в предшествующих строках надписи «Видения Гавриила» стоит: «И через три дня узнаете, что зло побеждено справедливостью», иными словами, после своего воскресения из мертвых «Учитель Праведности» (он же «Владыка владык» для «святого народа») придет к евреям и спасет их от «зла» (то есть от римского порабощения). Это ли не мессианские надежды?!

Самое интересное во всей этой истории, однако, не то, что новонайденная древняя надпись натолкнула Кноля на эти ин-

тереснейшие догадки, а то, что на самом деле надпись их только подтвердила — сами догадки существовали задолго до этой находки. Они были высказаны Кнолем еще в 2000 году в книге «Мессия до Иисуса». Уже тогда Кноль заявил, что Иисус не считал себя первым мессией, понимая, что лишь повторяет некий сценарий, разыгранный однажды до него. Свою смелую гипотезу Кноль обосновывал тогда ссылкой на два любопытных документа, найденные среди Кумранских рукописей. Один из них, в частности, представлял собой написанный от первого лица рассказ о том, что означает быть «страдающим (или скорбным) рабом» (известное выражение из Книги пророка Исаии, в котором христиане видят предвосхищение образа Иисуса), который выполняет волю Господа и ведет евреев к избавлению. По мнению Кноля, изложение от первого лица явно говорит, что это не описание какого-то будущего мессии, а рассказ реального человека, который сам себя считал мессией — причем уже за несколько десятилетий до Христа. В той своей книге Кноль писал: «В некоторых гимнах, найденных среди свитков Мертвого моря и опубликованных лишь недавно, этот ранний мессия описывает себя сидящим на небесном троне в окружении ангелов. Он говорит о себе, как о “страдающем рабе”, который послан возвестить приход новой эпохи избавления и спасения, когда не будет больше ни прегрешений, ни вины... Этот мессия был в конце концов убит в Иерусалиме, и его тело три дня валялось на улице без погребения. Его последователи верили, что, когда кончатся эти три дня, он воскреснет и вознесется на небо».

Уже тогда профессор Кноль сформулировал гипотезу о том, кто был этот «страдающий раб». По его мнению, это был один из членов секты ессеев и одновременно друг и приближенный царя Ирода, человек, который после смерти Ирода в 4 году н. э. открыто провозгласил себя мессией, возглавил восстание против римлян и погиб в этом восстании. «В результате, после смерти своего мессии, его последователи создали своего рода “катастрофическую” идеологию, которая утверждала, что непризнание мессии, его унижение и смерть были предсказаны в Писании и являются необходимыми этапами процесса избавления, который завершится воскресением мессии через три дня после его смерти», — заклю-

чал Кноль. В подтверждение своей гипотезы он ссылался на процитированный выше рассказ Иосифа Флавия о Симоне-Шимоне, павшем от руки Грата. По убеждению Кноля, эта история легла в основу еврейской традиции «погибающего мессии» («Машиах Бен-Йосеф», или «Мессия сын Иосифа»), которая впервые появилась в Талмуде (трактат Сука 52а) и согласно которой этот мессия должен предшествовать мессии-освободителю из рода Давида («Машиах Бен-Давид»).

Теперь, после открытия Ярдени и Элицура, профессор Кноль вернулся к своей гипотезе, показывая, как найденная надпись согласуется с его прежними догадками и подтверждает их. В заключение своей статьи он пишет, что эта находка свидетельствует в пользу предположения, что концепция так называемого «погибающего мессии» была известна в Израиле уже в конце I века н. э. (к этому времени надпись и относится). Это означает, что события восстания 4 года «привели к зарождению традиции, повествующей о погибшем “Машиахе Бен-Йосефе”, и проложили путь к появлению представлений о том, что смерть мессии является необходимым и неотъемлемым компонентом избавления... Определенные группы евреев поверили, что мессия должен умереть, чтобы через три дня воскреснуть и подняться на небо». Иными словами, можно думать, что к тридцатым годам I века н. э., то есть к евангельской дате появления Иисуса, весь сценарий его будущей мессианской драмы уже был закреплен в коллективной памяти евреев.

И тогда я спрошу, уже от себя: так, может, они не так уж повинны, эти евреи, в том, что повторили свыше предписанный сценарий? Ведь только так они и должны были прийти к Избавлению?

Глава вторая

Вифлеемская звезда

Евангельские легенды утверждают, что рождение Иисуса сопровождалось появлением над Вифлеемом (нынешним Бейт-Лехемом) чудесной звезды. Вот как описывает это со-

бытие апостол Матфей: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему... Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды и, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня... Они, выслушавши царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец» (Мф. 2:1–3,7–9)

Люди, убежденные в правдивости каждого слова боговдохновенных книг, разумеется, не нуждаются ни в каких объяснениях этого необычного феномена, поскольку знают, что в мире нет ничего необычного или «чудесного», ибо все в нем — одни только деяния Всевышнего, и ничего больше. Люди, совершенно не верящие во Всевышнего, не верят также и в боговдохновенность каких бы то ни было книг, и поэтому для них загадка Вифлеемской звезды тоже не загадка, а просто «очередная выдумка мракобесов».

Трудность возникает для тех, кто посредине и хотел бы согласовать каждое слово этих книг с представлениями современной науки, или, иначе говоря, дать этим словам некое «научное объяснение».

Самую внушительную, на мой взгляд, попытку такого рода предпринял сэр Патрик Мур, бывший британский королевский астроном, опубликовавший в сентябре 2001 года книгу «Вифлеемская звезда». В ней он последовательно проанализировал все возможные небесные явления, которые могли лежать в основании «мифа о Вифлеемской звезде»: вспышка сверхновой, совмещение нескольких планет, прохождение кометы и т. п., — и пришел к оригинальному заключению, что наиболее удачно удовлетворяет всем описанным в Евангелии обстоятельствам явление так называемых «падающих звезд», то есть потока метеоров, представляющихся земному наблюдателю вылетающими из одной точки неба, из одного созвездия.

Еще до выхода в свет книги сэра Мура та же проблема была рассмотрена в двух других сочинениях. Британский астрофи-

зик Марк Киджер опубликовал книгу «С точки зрения астронома» (1999), в которой предлагал свое объяснение Вифлеемской звезды как редкого сочетания двух явлений — вспышки сверхновой звезды и необычного совмещения планет. Киджер нашел такой момент в древней истории, когда два этих события произошли почти в одно и то же время. В 5 году до н. э. на небосводе появилась внезапно вспыхнувшая новая звезда, а чуть раньше, в 6 и 7 годах до н. э., происходили неординарные совмещения нескольких планет. По убеждению Киджера появление новой звезды сразу вслед за этими необычными совмещениями планет вполне могло показаться суеверным людям того времени предзнаменованием чего-то незаурядного.

Тем, кого насторожит кажущееся несовпадение дат, напомним, что, согласно современным представлениям, Христос родился не в нулевом году той эры, которую христиане называют его именем и отсчитывают от дня его рождения. В результате ошибок в календарных расчетах средневековых христианских богословов нулевой момент нынешнего календаря несколько сместился. Действительная дата рождения Христа приходится на 4 или даже на 5 год «до Рождества Христова», так что в этом отношении гипотеза Киджера вполне совпадает с историей. Труднее представить себе, чтобы древние волхвы не бросились в Вифлеем уже по первому зову — совмещению планет — и ждали целый год, а то и два до появления новой звезды на небосводе.

И вот не так давно, уже после книги Мура, в «Ежеквартальнике Королевского астрономического общества» появилась статья американского астронома Майкла Мольнара, в которой утверждается, что хотя гипотеза Киджера абсолютно неверна, поскольку никакая новая звезда на небосводе не появлялась, но Вифлеемская звезда все-таки существовала, причем именно в нужное время и в нужном месте. Только она была не совсем звезда, не совсем тогда, а главное — не совсем видима. Точнее — совсем невидима. Тем не менее нечто незаурядное, по крайней мере с точки зрения тогдашних астрологов (они же — тогдашние астрономы), несомненно, происходило. И вот это «невидимое» вполне могло породить рассказ о пресловутой «звезде».

Мольнар произвел расчет движения видимых небесных тел с 10 по 1 годы до н. э. и показал, что во второй половине этого промежутка, а именно — в марте—апреле 6 года до н. э., произошли сразу два астрономических события, которые просто не могли не взволновать тогдашних астрологов, в просторечии «волхвов». Этими событиями были два подряд затмения Юпитера Луной, причем оба раза они наблюдались в одном и том же месте — в юго-западной части неба, в созвездии Овна.

Чтобы понять, почему это могло взволновать астрологов-волхвов, нужно иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, астрология, зародившаяся в Древнем Вавилоне и распространившаяся оттуда по всей эллинистической, а позднее — Римской империи, была к тому времени весьма развитой областью знания, и тогдашние астрологи умели рассчитывать движения планет с точностью, которая поражает современных астрономов. Во-вторых, их расчеты всегда имели прикладное значение: они лежали в основе предсказаний, к которым и рядовые люди, и венценосные особы, вроде римских императоров, относились с глубоким уважением и полным доверием. Поскольку планеты, звёзды и созвездия связывались с судьбами отдельных людей и даже целых стран, любые незаурядные астрономические события, вроде затмений, тотчас объявлялись предзнаменованиями или отражениями незаурядных житейских и политических событий.

Подтверждение последнего тезиса приносят не только сочинения древних авторов, но такие неожиданные, казалось бы, источники, как монеты. Римляне традиционно чеканили на монетах некие символы, отражающие те или иные важные события, и эти символы, как правило, были астрологическими. Например, во времена императора Нерона была выпущена монета с изображением барана (знак созвездия Овна), оглядывающегося на полумесяц и звезду. Это должно было напоминать о затмении Луной Венеры, произошедшем 25 апреля 51 года. Римский историк Светоний сохранил для нас предсказание тогдашних астрологов, которые связали это затмение с судьбой императора Нерона: они предсказали, что он будет свергнут в Риме, но воцарится вновь в Иерусалиме, потому что созвездие Овна считалось тогда астрологическим

символом Иудеи — об этом говорится в сочинении александрийского астролога Клавдия Птолемея «Тетрабиблос», или «Четверокнижие»: «Если что-нибудь важное должно произойти в Иудее, то знак этому должен появиться в созвездии Овна».

Мольнар, нумизмат-любитель, хорошо знал всю эту символику, и когда он на аверсах монет 7 года н. э., найденных в Антиохии (столице римской провинции Сирия), увидел изображение бога Юпитера, а на реверсах — изображение овна, взирающего на звезду, то сразу же понял, что эти монеты отчеканены в честь какого-то астрономического — и политического — события, связанного с Иудеей. Поскольку Юпитер считался у римлян символом императорской власти, событие, видимо, было связано с каким-то очередным достижением императорской политики. Перелистав исторические труды, Мольнар нашел, что в 6 году н. э. римляне сместили Иродова сына и наследника Архелая и присоединили Иудею к провинции Сирия. Монеты же, найденные в сирийской столице, датировались следующим годом, и, исследуя движение планет за этот год, Мольнар обнаружил, что в 7 году Юпитер сначала виднелся вблизи Меркурия, а затем почти рядом с Луной. Видимо, эти сближения и были сочтены небесными знаменами, говорящими о том, что боги одобряют действия римлян в отношении Иудеи. В честь такого совпадения явно стоило отчеканить специальные монеты.

Что же касается собственно «Вифлеемской звезды», то догадка о природе этого явления родилась у Мольнара из случайной находки. Он купил старинную римскую монету, относящуюся к 6 году до н. э., на которой было изображение барана («овна»), глядящего на звезду. Поскольку знак Овна в зодиаке покрывает период с 21 марта по 20 апреля и поскольку вблизи Луны в 6 году до н. э. находился Юпитер, то Мольнар решил посмотреть, что было с Юпитером и Луной в марте—апреле того года. А посмотрев (то есть рассчитав движение этих светил), обнаружил, что как раз в те дни, 20 марта и повторно 17 апреля 6 года до н. э., Юпитер претерпел — редкое совпадение! — два лунных затмения подряд, и притом именно тогда, когда был «на востоке», то есть в восточной части неба.

Теперь мы уже можем понять ход дальнейших рассуждений американского астронома. Юпитер, как мы уже видели на примере Нерона, был, по представлениям астрологов, связан с судьбами императоров; не случайно римский астролог Фигулус, увидев знак Юпитера в гороскопе будущего императора Августа, предсказал сенату: «Ныне родился вождь мира». В Иудее же издревле существовало другое пророчество, процитированное апостолом Матфеем как раз в приведенном выше отрывке о Вифлеемской звезде: «Ибо так написано через пророка: и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных; ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля». Всякий грамотный астролог, увидев такое совпадение, должен был немедленно понять, что у евреев родился (или должен вот-вот родиться) кто-то, кто затмит императоров и царей. Астрологов же в древнем мире хватало. И вера в астрологию была распространена невероятно. Как и сегодня, кстати. Но в наши дни эту веру труднее понять. Ведь людям сегодня прекрасно известно, что планет куда больше, чем думали создатели астрологических расчетов (уже после них были открыты Уран, Нептун и Плутон), так что уже по одному этому такие расчеты выглядят весьма сомнительно.

Впрочем, кому хочется верить, тем ничто не помеха. А во времена, о которых речь, были известны пять планет (не считая Земли), которые вместе с Солнцем и Луной образовывали «семь небес» и своим положением относительно «неподвижных» звезд давали астрологам указания на предстоящие события. Порой даже весьма детальные указания, как, например, то, которое приводит великий астроном древности Птолемей: «Если Венера совместится с Марсом и Юпитер будет виден в то же время, а Марс появится в лучах Солнца, то женщины начнут совокупляться со слугами и вообще всяким низкородным сбродом и даже с чужестранцами и бродягами». Так что уж на рождение «иудейского царя» астрологические книги наверняка могли указать. И потому «волхвы», то есть тогдашние мудрецы-астрологи, полагает Мольнар, могли истолковать эти незаурядные астрономические события в свойственном им духе. Вычислив предстоящее затмение Юпитера в созвездии Овна, они могли прийти к выводу,

что и оно знаменует собой «рождение Вождя», только среди евреев, — того самого предсказанного пророками «вождя-спасителя».

Взволнованные столь выдающимся событием, они явились ко двору Ирода, чтобы выяснить, где именно, по еврейскому пророчеству, оно должно произойти. Узнав, что в Вифлееме, они должны были еще больше взволноваться — ведь Вифлеем находится к юго-западу от Иерусалима, то есть как раз в той стороне, где происходили оба юпитерианских затмения. Судя по тому, что второе из этих затмений произошло, согласно Евангелию, как раз в тот момент, когда волхвы от Ирода направились в Вифлеем, их визит в царский дворец имел место именно 17 апреля 6 года до н. э.: говорит же Матфей, что «звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними». На самом деле, утверждает Мольнар, эта «звезда», то есть Юпитер, как раз и не была видна, но волхвы шли так уверенно, будто она их и в самом деле «вела», — ведь они ее «вычислили». А Матфей, не знавший тайн астрологии, конечно, не мог и помыслить, что волхвы шли согласно своим расчетам, и в простоте душевной записал, что их вела чудесная Вифлеемская звезда.

Из гипотезы Мольнара вытекает чрезвычайно важное следствие: если Иисус действительно существовал, то родиться он должен был не в 1 году н. э., названной его именем, а в день затмения Юпитера, то есть 17 апреля 6 года до н. э. (дату 20 марта Мольнар отверг, так как она чуть-чуть выходила за границы периода созвездия Овна). И этот свой вывод Мольнар подтверждает еще одним дополнительным совпадением: Ирод умер в 4 году до н. э. и незадолго до смерти приказал перебить «всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведет у волхвов». Почему «от двух лет», а не старше? Потому что «по времени, которое [он] выведет у волхвов» (то есть по времени вычисленного ими первого затмения Юпитера), Иисусу в 4 году до н. э. как раз и должно было быть чуть меньше двух лет — но лишь в том случае, если он родился в 6 году до н. э. Как говорилось выше, историки давно подозревали, что Иисус, если он существовал, родился раньше исчисленной церковью даты, и вот сейчас Мольнар на-

шел дополнительное и независимое подтверждение правоты их сомнений.

Все это, разумеется, не доказывает реальности существования Иисуса. Ведь, в сущности, Мольнар всего лишь показал, что в 6 году до н. э. произошли два астрономических события, которые могли дать составителям Евангелий повод для создания рассказа о Вифлеемской звезде (которую на самом деле никто не мог увидеть). Но никаких доказательств связи этих астрономических событий с рождением «реального» Христа Мольнар привести не может. Более того, из его же рассуждений следует, что дело, скорее всего, обстояло с точностью до наоборот: сначала произошли указанные астрономические события, а уже затем эти события, в общем духе тогдашней астрологической символики и веры в фантастические пророчества, были привязаны к рассказу о «рождении Спасителя». Так что достоверность этого главного евангелического рассказа по-прежнему остается под сомнением. Но Мольнар и не ставил своей задачей анализ достоверности Евангелий. Он попросту хотел предложить вниманию ученых новую гипотезу, объясняющую миф о Вифлеемской звезде. И с этой задачей, следует признать, он справился весьма успешно.

На этом, однако, занимательная история Вифлеемской звезды не закончилась. Гипотеза Мольнара подверглась критике. Сэр Патрик Мур указал, что затмение Луной Юпитера 17 апреля 6 года до н. э. происходило среди бела дня и его не мог увидеть никто, даже волхвы. А специалисты по истории астрологии усомнились в том, что волхвы могли истолковать невидимое затмение как указание на «рождение царя». Мольнар, разумеется, не сдался, стал искать, как бы опровергнуть возражения критиков, и вот недавно объявил, что ему удалось, наконец, найти «решающее» подтверждение выдвинутой им гипотезы. По его словам, это подтверждение содержится в книге астролога Матернуса «Матесис», написанной в 334 году. По словам Мольнара, он сумел разыскать это творение Матернуса, в котором черным по белому описано астрологическое явление, включающее затмение Юпитера Луной, и сказано, что оно предвещает рождение великого царя. Правда, царь этот не назван по имени, хотя автор — христианин.

нин и книга написана спустя три столетия после рождения Иисуса, но, как говорит Мольнар, «в те времена все читатели книги прекрасно понимали, что это замечание относится именно к Иисусу, а указанное астрологическое событие — это знаменитая Вифлеемская звезда».

Матернус, по мнению Мольнара, просто не хотел вовлекать христиан в сложные астрологические дебаты, которые только смутили бы их умы и отвлекли от мыслей о самом Иисусе. И вполне возможно, что Мольнар в этом прав. Во всяком случае, одного человека ему уже удалось убедить — Овен (!) Гингрич, историк астрономии из Гарвардского университета, заявил, что гипотеза Мольнара кажется ему теперь «очень серьезной».

Глава третья

Чаша Грааля

Следующая история тоже связана с Евангелиями, но произошла сравнительно давно, в декабре 1993 года, в Иерусалиме. В научных кругах она тогда произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Сегодня, во времена поголовного увлечения «Кодом да Винчи», она звучит особенно актуально, показывая, что ничего нового автор пресловутого «Кода» не написал. Он всего лишь добросовестно переписал то, что давно было известно, только слегка разбавил это детективной интригой. Итак, иерусалимская история 1993 года. Некий археолог по имени Леон Декур несколько месяцев подряд вел бесплодные раскопки в одном из старинных уголков древней еврейской столицы. В тот декабрьский вечер 1993 года стояла обычная для израильской зимы пасмурная и пронизывающе холодная погода, и Декур отправил рабочих домой пораньше. Сам же он решил еще немного поковыряться в раскопе. Рассеянно разгребая груды земли в углу глубокой ямы, он вдруг заметил, что в пыли блеснуло что-то металлическое. Руки его заработали энергичнее и осмысленнее, бережно расчищая находку, и вот он уже увидел ее целиком. Можно представить себе его восторг: его глазам откры-

лась старинная медная чаша с остатками какого-то темного вещества. В тусклом вечернем свете Декур не мог разобрать, что это за вещество и к какому времени относится чаша. Какое-то время он задумчиво смотрел на нее, и вдруг его пронзила ослепительная догадка. Нет, он не воскликнул, как когда-то Архимед: «Эврика!» Но он воскликнул нечто не менее знаменитое: «Грааль!»

И в этом месте я вынужден прервать рассказ, ибо даже в наши времена поголовного увлечения романами Брауна далеко не все знают, что такое Грааль, и потому не все могут в полной мере оценить восклицание Декура. Слово «Грааль» произошло, как считают, от латинского «gradalis», которое, в свою очередь, восходит к древнегреческому «кратер» — сосуд для смешивания вина с водой. Но в старофранцузском сочетании «Святой Грааль» («Сангреаль») имеет еще и иной смысл: «истинная кровь». А древнеирландское «сгуол», из которого тоже выводят слово «Грааль», означает «корзину изобилия». Итак, «Грааль» — это сосуд для вина и одновременно — чаша со святой кровью да еще и корзина изобилия. Почему у этого слова так много смыслов? А потому, что это непростое слово. Оно связано со старинной христианской легендой, даже с несколькими сразу.

Согласно рассказам о жизни и смерти Иисуса Христа, составляющим содержание Евангелий, свой последний вечер перед арестом, судом и казнью Иисус провел в Гефсиманском саду, где вместе с учениками отмечал великий еврейский праздник Песах (христианской Пасхи тогда еще не было, поскольку Иисус был еще жив и до появления христианства было еще очень далеко.). Евангелия утверждают, что, подняв чашу с пасхальным вином и кусочек хлеба, Иисус произнес, указывая на хлеб: «Сие есть Тело Мое», а затем, указывая на вино: «Сие есть Кровь Моя». Закончив вечерю, он вышел в сад, где его вскоре и схватили римские легионеры. Выданный Пилатом на суд синедриона, Иисус был признан смутьяном и бунтовщиком и осужден на смертную казнь. В духе римских обычаев он был распят на кресте. Далее легенда утверждает, будто некто Иосиф Аримафейский снял его тело с креста и бережно собрал кровь Иисуса в ту самую чашу, из которой Иисус пил вино на своей «тайной

вечере». Таким образом, пророчество Иисуса исполнилось: в чаше оказалась Христова кровь. А дальше, если верить легенде, было вот что.

С этой святой кровью Иосиф Аримафейский отправился проповедовать христианство европейским варварам. Так чаша оказалась в Европе. Вскоре, повествует легенда, она обнаружила свои чудодейственные свойства. Чудеса сыпались из нее как из рога изобилия: слепые, прикоснувшись к чаше, становились зрячими, увечные — здоровыми, бесплодные женщины — беременными. Вся эта история и чудесные свойства чаши привели к тому, что она получила собственное имя — «Сангреаль», или попросту — Грааль. Позже Грааль затерялся (или был спрятан) в каком-то из монастырей, и это положило начало длительным поискам чаши, каковыми поисками тогдашние рыцари занимались все Средние века — разумеется, в свободное от Крестовых походов время. История этих поисков легла в основу двух знаменитых средневековых романов — «Персиваль» Кретьена де Труа и «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха, главным героем которых является один из рыцарей Круглого стола короля Артура по имени Парсифаль; в XIX веке Рихард Вагнер написал по мотивам этих романов оперы «Лоэнгрин» и «Парсифаль».

Теперь, надеюсь, вы уже понимаете, что побудило Леона Декура издать свой восторженный возглас. Еще бы — ведь он нашел древнюю чашу именно в том городе, где происходила «тайная вечеря», и вдобавок — неподалеку от Гефсиманского сада! А кроме того, ко дну чаши прилипло темное вещество, которое весьма походило на засохшую человеческую кровь. Как было не предположить, что это именно та самая чаша Святого Грааля, с которой связано столько легенд и столько веков бесплодных поисков?! А если это действительно так, то громадные последствия столь сенсационного открытия сразу становятся очевидны — ведь в руках ученых впервые в истории могло оказаться прямое доказательство реального существования Иисуса Христа! (Вопрос о том, каким образом чаша вернулась из Европы в Иерусалим, Декура почему-то не заинтересовал.)

Какой-нибудь иной археолог, возможно, воздержался бы от столь скоропалительного вывода. Он бы сначала ис-

следовал находку, определил ее возраст и лишь потом вынес суждение. Но дело в том, что Декур давно, напряженно и страстно желал найти следы существования Иисуса. За пятнадцать лет до этого он уже потряс однажды весь научный и околonaучный мир сообщением, будто ему удалось найти пергамент с «оригиналом» знаменитой Нагорной проповеди Христа — той самой, что начинается словами «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Декур действительно нашел тогда какую-то древнюю рукопись, свет в тот раз тоже был вечерний и тусклый, рукопись была в плохом состоянии, исследователь испытывал необыкновенное возбуждение от находки — ничего удивительного, что ему почудилось, будто он нашел именно то, что искал. Но в тот раз предположение Декура быстро опровергли: пергамент оказался намного моложе Иисусовых времен. И вот теперь, через пятнадцать лет, в руках Декура оказалась загадочная чаша — как было не подумать первым делом о Святом Граале?

В кругах археологов Декур вообще-то считался хорошим ученым: его послужной список содержал всего лишь один случай излишней поспешности — тот самый, с Нагорной проповедью. Поэтому его сообщение о небывалой находке было опубликовано в серьезном научном журнале. Разумеется, археологический мир отнесся к этой новой сенсации с должной осторожностью, но зато мир околonaучный публикацией был необычайно взволнован. Слухи о находке в Иерусалиме передавались из уст в уста. А вскоре последовала еще одна сенсация: анализ вещества, налипшего на дне найденной Декуром чаши, подтвердил, что это действительно остатки человеческой крови, к тому же — самой универсальной группы, «ноль плюс», пригодной для переливания всем без исключения людям. Что дало Декуру повод в очередной раз воскликнуть: «А чего иного вы ожидали от крови Иисуса?!»

Увы, больше о загадочной чаше мир ничего не услышал. То ли ее придирчивое изучение показало, что она тоже «не того времени», то ли обнаружилось еще что-то неприятное, но разговоры о ней прекратились. Ясно, что Декур опять поторопился со своей сенсационной гипотезой. Не зря учит нас знаменитое правило, именуемое «бритвой Оккама», —

не следует громоздить гипотезы без надлежащей надобности. Вся сенсация Декура была основана на том, что в какой-то старинной чаше оказались остатки чьей-то крови. Стоит ли выдвигать для объяснения этой находки столь монументальные гипотезы, если те же факты могут быть объяснены куда более просто и прозаически? Мало ли чья это может быть чаша, мало ли чья кровь...

Разумеется, верующие и склонные к мистике люди такими прозаическими объяснениями не удовлетворятся. И действительно, известие о находке «чаши Святого Грааля» возбудило эти круги самым невероятным образом. Некоторые из самых возбужденных — видимо, под впечатлением нашумевшей картины «Парк юрского периода», где рассказывается о «воскрешении» динозавров по остаткам их хромосом, — тут же предложили применить ту же (на самом деле — несуществующую) методику для воскрешения... Иисуса Христа. Они призвали ученых выделить из остатков крови, найденной в декуровской чаше, «хромосомы Иисуса» и из них «вырастить», а затем «оживить» его тело.

К чести самого Леона Декура надо сказать, что, даже находясь на пике славы, он категорически отверг возможность (да и желательность) искусственного воссоздания основоположника христианства. Тем не менее и он тоже какое-то время (пока сенсация не умерла) уговаривал биологов попытаться выделить из остатков найденной в чаше крови хромосомы ее древнего хозяина. Декура, как он заявил тогда, больше всего интересовало, будут ли эти хромосомы похожи на человеческие. Лично он был убежден, что они окажутся принципиально иными. А какими же? — наверняка удивитесь вы. Ясно какими, отвечает Декур. Божественными. Иисус ведь, согласно Евангелиям, был Сыном Божиим! И родился он, как утверждают Евангелия, от «непорочного зачатия» Девы Марии. Как же должен современный человек понимать легенду о таком зачатии? — спрашивал Декур. И сам себе отвечал: ее следует понимать как рассказ об искусственном оплодотворении девушки Мириам с помощью «Божественного сперматозоида». «Не может же, в самом деле, разумный человек поверить в рассказы древних греков, будто боги совокуплялись с людьми в виде быков или лебедей», — убежденно заявлял Декур.

Действительно, не может. Но и в «Божественный сперматозоид», доставленный в лоно Марии голубем, — тоже не может. На то он и современный человек, худо-бедно разбирающийся в технике искусственного оплодотворения. Почему же Леон Декур, тоже вполне современный человек, так энергично настаивал на проверке древней легенды? Наверно, хотел, в модном сегодня духе, сочетать науку с верой. Но, как видите, не получилось.

История интересная — уже хотя бы тем, что напомнила нам о знаменитой чаше Грааля. Ведь легенды, связанные с этой чашей, далеко не исчерпываются тем, что я, по необходимости коротко, здесь рассказал. С той же чашей связана, например, еще одна сенсационная гипотеза: будто она на самом деле представляет собой не что иное, как исчезнувший Ковчег Завета (ларец, в котором древние евреи хранили данные им на горе Синай заповеди)! История этого пропавшего Ковчега тоже окружена многочисленными легендами, на сей раз — еврейскими, и вот несколько лет назад английский журналист Грэм Хэнкок опубликовал толстую книгу под названием «Знак и печать», в которой заявил, что Ковчег и Грааль — это одно и то же. И вдобавок сообщил сенсационную новость не меньше декуровской — что ему в результате многолетних поисков удалось, наконец, найти этот знаменитый Ковчег, он же Грааль. Только уже не в Иерусалиме, а... в Эфиопии.

Разумеется, эта сенсация тоже не подтвердилась.

Глава четвертая Исцеления в Лурде

Поскольку мы упомянули о чудесных исцелениях, произволившихся чашей Грааля, самое время рассказать о других чудесных исцелениях, совершающихся в наше время, — о чудесах в Лурде. Лурд, этот небольшой городок в Юго-Восточной Франции, — одно из самых известных и посещаемых святых мест в христианской Европе. Если верить легенде, именно здесь в 1858 году бедной пастушке по

имени Бернадетта начала являться Дева Мария (это происходило в пещере вблизи деревни, на месте которой сейчас построен грандиозный двухуровневый храм). В то время как местные власти пытались опровергнуть утверждения Бернадетты, крестьяне безоговорочно поверили ее рассказам, и через несколько месяцев в эту деревню в предгорьях Пиренеев начали прибывать первые паломники. Сегодня Лурд ежегодно посещают около 6 миллионов человек; по числу отелей для пилигримов и обычных туристов это третий город Франции, после Парижа и Ниццы. Больные начали прибывать в Лурд в значительных количествах уже в 1875 году. Почти сразу же некоторые из них стали утверждать, что сочетание молитвы и погружений в воды святого источника (открытого Бернадетте в ее видениях) чудесным образом повлияло на их здоровье. Восемь лет спустя в городе была создана специальная медицинская комиссия для проверки этих утверждений. Ей было вменено в обязанность проверять все подобные заявления и отсеивать те из них, которые были сделаны вследствие искреннего заблуждения или в целях преднамеренного обмана. Это должно было защитить святыню от скептиков, в которых никогда не было недостатка. (Так, знаменитый французский романист Эмиль Золя насмешливо спрашивал, почему среди костылей, отброшенных «исцелившимися», не было ни одной деревянной ноги.)

В последнее время в Лурд ежегодно прибывает (вместе с миллионами вполне здоровых паломников) около 80 000 больных. И все они надеются обрести здесь чудесное исцеление. У них есть основания надеяться: с 1862 по 1999 год в Лурде было зарегистрировано 6700 случаев таких исцелений. Однако католическая церковь признала чудесами лишь 66 из них, то есть около одного процента. Иными словами, каждый год в Лурде объявляют себя исцелившимися примерно 50 человек, но признается действительно чудесно исцеленным только один человек за два года. Кстати, распределение чудес во времени не остается постоянным: их число резко падает в последние десятилетия, и, например, за последние 40 лет Ватикан признал чудом всего четыре исцеления, что составляет примерно одного на миллион (!) больных, посетивших Лурд за это время. Этот неумолимый спад «чу-

допроизводства» объясняется, скорее всего, огромным прогрессом современной медицины. Медицинская наука играет центральную роль в том дотошном расследовании, которому подвергается каждый случай возможного чудесного выздоровления. И в результате такого расследования большинство случаев находят вполне рациональное медицинское объяснение. Руководство католической церкви, которое весьма дорожит репутацией столь популярного святого места, как лурдский храм Девы Марии, опирается на заключения ученых в своем решении признать или не признать те или иные исцеления чудесными и соответственно удостоить или не удостоить того, кому молился исцеленный, «беатификации» (провозглашения блаженным) или «канонизации» (провозглашения святым).

Так, в 1999 году объявили о своем чудесном исцелении 19 человек. По сообщению главы медицинской комиссии Патрика Теллье, шесть из этих случаев были признаны заслуживающими дальнейшего рассмотрения: одно ущемление диска, два рака яичников, рак груди, глухота и поражение кожи. «Заслуживающими дальнейшего рассмотрения» признаются лишь такие случаи, которые отвечают критериям, сформулированным папой Бенедиктом XIV еще в XVIII веке. Прежде всего, исходная болезнь должна иметь точный и надежный диагноз и сопровождаться инвалидностью. Далее, исцеление должно быть внезапным, «на месте» и без какого-либо дополнительного медицинского вмешательства. Оно должно быть также полным, то есть полностью и навсегда возвращающим исцеленному нормальное здоровье. Подлежат рассмотрению любые заболевания, кроме психических, которые трудно точно диагностировать и излечение от которых трудно оценить.

Случаи исцеления, переданные на рассмотрение комиссии, проверяются самым придирчивым образом. Вначале пациент подвергается обследованию лурдскими врачами, которые фиксируют его состояние после «чуда». Попутно комиссия выясняет все детали его предшествующей болезни у лечащего врача по месту жительства. Затем пациента отправляют домой, с тем чтобы он в течение года подвергался медицинскому наблюдению. Через год он возвращается

в Лурд на повторное обследование. На этот раз им занимаются члены лурдской Международной ассоциации врачей. В общей сложности до 250 разных докторов всесторонне осматривают, исследуют, изучают и наблюдают кандидата в «чудесно исцеленные» на протяжении целых трех лет. И лишь при условии, что случай выдерживает все эти проверки, он передается в Международную комиссию экспертов, состоящую из 20 человек, которые голосуют, признать ли его окончательно необъяснимым с точки зрения сегодняшних научно-медицинских познаний. Однако последнее (на местном уровне) слово в провозглашении исцеления чудесным принадлежит исключительно епископу той епархии, где проживает пациент. Епископ и его советники решают, имеет ли исцеление особое значение, достаточное для укрепления веры в Бога у свидетелей чуда, включая самого исцеленного. После этого дело передается в Ватикан, где решается, достоин ли человек, которому молились о выздоровлении, звания блаженного или святого.

Одной из таких святых была недавно объявлена, например, монахиня Катарина Дрексель, умершая в 1955 году. Наследница большого банковского состояния, она отказалась от богатства и посвятила свою жизнь религии, а также делу просвещения угнетенных негров и индейцев. В 1988 году она была беатифицирована, то есть получила титул блаженной. Недавнее решение повысить Катарину до статуса святой было принято по следам чудесного исцеления от глухоты семилетней девочки, мать которой, отчаявшись найти помощь у врачей, пришла с ней в Лурд и взмолилась о заступничестве к блаженной Катарине, после чего обнаружила, что ее дочь внезапно и полностью исцелилась. Весь легион медицинских экспертов, консультирующих Ватикан, не смог дать однозначного ответа на вопрос, является этот случай следствием молитвы, естественных причин или простого совпадения того и другого. Результаты расследования экспертной комиссии заняли 700 страниц, содержащих всю историю болезни девочки, интервью с лечившими и проверявшими ее врачами, свидетельства друзей и родственников по поводу ее болезни и выздоровления, а также мнения о природе предполагаемого святого заступничества. Затем этот том был передан

Коллегии теологических консультантов, девять членов которой оценили меру связи между молитвой и внезапным исцелением. В дополнение к этому было проведено голосование среди епископов и кардиналов. И только тогда рекомендация о признании данного случая чудом была передана папе, которому, как всегда, принадлежит последнее слово. (Кстати говоря, не так давно умерший папа Иоанн Павел Второй с 1978 года беатифицировал 984 и канонизировал 296 человек — больше, чем любой из его предшественников.)

Развитие медицины влияет на весь этот процесс принятия решений в целом ряде аспектов. Современная медицина и сама способна творить «чудеса», а поскольку больные, как правило, проходят лечение до того, как приходят в Лурд, их исцеление именно в Лурде может быть просто отсроченным результатом предыдущего лечения. Так, медицинская комиссия расследовала однажды случай выздоровления женщины с тяжелым полиартритом, который изуродовал большинство ее суставов; пройдя лурдские ритуалы, она снова смогла двигаться. Но поскольку она перед этим принимала лечение кортизолом, комиссия не признала ее излечение «однозначно необъяснимым». Учет предшествующих лечебных процедур существенно уменьшает число претендентов на чудесное исцеление.

На принятие решений оказывает влияние и новая медицинская технология. С одной стороны, она усложняет вынесение медицинского вердикта, поскольку весь процесс проверки занимает теперь больше времени, проходя многочисленные лабораторные тесты и клинические испытания. Но те же новые методы зачастую помогают облегчить принятие решений. Врачи получают доступ к информации о всякого рода случаях неожиданного излечения, не связанных ни с какими чудесами. Например, такие случаи иногда, хотя и редко, происходят в результате спонтанной ремиссии болезни. (Это может быть в действительности внезапным проявлением длительного скрытого процесса.) Имея доступ к Интернету, лурдские врачи получают информацию о таких событиях, и это позволяет им сравнить свои (довольно немногочисленные) случаи с большим числом аналогичных. Новые методы позволяют также исключить самые

распространенные случаи ошибочной или сомнительной диагностики. Поучителен в этом плане случай одного француза, страдавшего рассеянным склерозом и излечившегося в результате посещения Лурда в 1987 году: лурдская комиссия, проверявшая этот случай уже в 90-е годы, смогла подтвердить факт его выздоровления с помощью магнитно-резонансного метода, но не смогла проверить, правилен ли был его диагноз, поскольку в 80-е годы этого метода еще не существовало и лечащий врач основывался исключительно на симптомах; комиссии пришлось признать этот случай «медицински необъяснимым». (Впрочем, епископ, которому был направлен этот вердикт, понял сомнительность исцеления и нашел формулу, позволявшую обойти упоминание о чуде, объявив выздоровление больного «личным даром Господа».)

Этот случай особенно наглядно иллюстрирует главное в проблеме «чудесных исцелений». Их «чуждость» всегда определяется сиюминутным уровнем медицинских знаний и возможностей. То, что комиссия еще десять лет назад сочла бы «медицински необъяснимым», сегодня или завтра перестает быть таковым и получает вполне естественное объяснение. Еще недавно, например, не было известно, что гены, от которых зависит состояние организма, могут порой менять свою активность «сами по себе», по неизвестной (пока) причине приводя к результатам, которые лишь вчера воспринимались бы как чудо. Впрочем, это развитие медицины влияет лишь на признание или непризнание церковью того или иного «чудесного» исцеления — ситуации с самими чудесами оно не меняет. Лурдские чудеса продолжают в равной степени убеждать верующих и вызывать недоверие скептиков.

Глава пятая

Туринская плащаница

Мы занялись лурдскими чудесами, потому что говорили о чаше Грааля, а о ней мы говорили в связи с загадками, окружающими личность Иисуса. Грааль, однако, не единственная вещь, связанная с историей Иисуса. Есть и другая

вещественная деталь такого же рода. Это знаменитая Туринская плашаница. В отличие от чаши Грааля она существует, о ней известно очень много, кроме самого главного — не поддельна ли она? Это четырехметровое полотно еще в Средние века было объявлено той тканью, в которую завернули тело снятого с креста Иисуса; оно хранилось в храме Святой Софии в Константинополе до разграбления этого храма крестоносцами, потом попало в Европу, переходило из рук в руки (включая тамплиерские), пострадало от пожара, а с 1578 года хранится в соборе Иоанна Крестителя в Турине и изредка выставляется для обозрения. То и дело очередная комиссия ученых проводит очередное исследование полотна или его нитей, чтобы в очередной раз прийти к заключению, что оно а) несомненно когда-то укрывало Иисуса, потому что на нем видны отпечатки его окровавленного тела спереди и сзади (они видны, кстати, только на фотографиях, притом лишь на негативных и при сильном увеличении контраста), или б) столь же несомненно является умелой средневековой подделкой. В 1988 году радиоуглеродный анализ нескольких нитей драгоценного полотна как будто бы окончательно показал, что оно на добрую тысячу лет моложе Иисуса; в 2001 году российские специалисты заявили, что исследованные нити могли получить углерод много позже самой плашаницы (обгорев во время пожара); еще позже другие российские ученые подвергли критике эти утверждения; в 2008 году группа ученых из Оксфорда вроде бы эти утверждения заново подтвердила; а несколько позже другая группа ученых, на этот раз итальянских, проделала эксперимент, показавший, как мало требовалось, чтобы подделать изображение на плашанице, и как легко это можно было сделать уже в Средние века.

Но вот недавно газеты многих стран запестрели заголовками типа: «Находка в Иерусалиме окончательно доказала поддельность знаменитой христианской реликвии». У многих читателей-христиан такой заголовок мог вызвать, скорее всего, содрогание: опять евреи что-то нехорошее сделали с Христом! Однако в действительности речь шла хотя и о плашанице, но вовсе не Туринской, а совсем другой, которая к Христу имеет весьма косвенное отношение.

Здесь пора сказать, что в мире на самом деле есть и другие Христовы плащаницы, кроме Туринской, причем столько, что им посвящена целая книга (Thomas Humber, *The Sacred Shroud*). Но та плащаница, которую нашли в Иерусалиме, пожалуй, древнее всех. Она была найдена израильскими и американскими археологами в долине Хинном (древний Геенном, «вход в преисподнюю»), в том месте вблизи стен Старого города, где, по преданию, удавился Иуда Искариот. Как рассказывается в Евангелии от Матфея (27, 3–8), на те 30 сребреников, за которые Иуда продал «Кровь невинную», была куплена земля для погребения и названа «землею крови». В I веке н. э. здесь действительно возникло кладбище, и на этом древнем кладбище до нынешних дней сохранились погребения римских времен. В одном из них археологи и нашли теперь скелет человека, завернутый в кусок полотна, в «плащаницу». Кем был этот человек, не известно, но его погребение было найдено рядом с могилой человека вполне известного — еврейского первосвященника Аннаса, который, согласно древнееврейским хроникам, возглавлял храмовую службу с 6 по 15 год н. э. и был отцом другого первосвященника — того Каиафы, который так очернен евангелистами и создателями многочисленных фильмов и сериалов, по мере сил воспроизводивших христианскую легенду.

Это соседство стоит упоминания, потому что, по мнению археологов, оно указывает, что неизвестный в плащанице тоже был, скорее всего, храмовым жрецом или, во всяком случае, принадлежал к тогдашней иерусалимской знати. О том же говорит богатая ткань, в которую его завернули после смерти, а также чистое, ухоженное состояние его волос, прядь которых, срезанная перед захоронением, сохранилась у него на груди. Кроме того, соседство с гробницей первосвященника I века н. э. позволяет думать, что человек этот жил примерно в то же время, что и Аннас и Каиафа. Понятно, что такое предположение требует более точного доказательства, и потому сотрудники Еврейского университета в Иерусалиме с помощью канадских и американских коллег провели тщательную радиоуглеродную датировку скелета и пришли к выводу, что он действительно относится к I веку.

Но самым интересным в находке оказалась сама плащаница, и в первую очередь — загадка ее сохранности. Впрочем, эта-то загадка прояснилась быстро — даже на газетных фотографиях видно, что вход в гробницу неизвестного плотно и наглухо заштукатурен, так что даже воздух не мог туда проникнуть. Но это сразу же породило следующий вопрос. Историкам известно, что в те времена, в эпоху второго Храма, у евреев широко практиковалось перезахоронение мертвых, вызванное ростом населения и возникшим вследствие этого дефицитом места в семейных склепах. Возник обычай сразу после смерти помещать тело умершего в одну из ниш погребального склепа, а через год, когда тело истлевало, изымать кости и перекладывать их в специальный алебастровый или каменный ящик-оссуарий. Известен даже теологический спор по этому поводу — считать такие «вторичные похороны» радостным или печальным событием (решено было, что утром надлежит по этому поводу поститься, а днем — пировать). Почему же в данном случае было сделано исключение, более того — предприняты специальные меры, чтобы к умершему никто не мог проникнуть?

Ответ на этот вопрос дал анализ ДНК, извлеченной из костей умершего. Он показал, что человек этот страдал проказой (которая явно не считалась с сословными перегородками), а умер, видимо, от туберкулеза. Поскольку в те времена, как и много позднее, проказа считалась заразной (она и была такой вплоть до появления, лишь в 1980-е годы, надежных лекарств), меры предосторожности, принятые в отношении умершего, становятся вполне понятны. И можно лишь благодарить эти предосторожности, потому что они сохранили для ученых «нетленную» плащаницу.

Обратимся теперь к самой плащанице. Это первый сохранившийся образчик плащаниц, о которых историки до сих пор знали только из описаний в древних источниках. Источники оказались точны — все точно отвечало их описаниям. Но вот что интересно: плащаница совершенно не соответствовала особенностям Туринской плащаницы! Как отметил профессор Шимон Гибсон, обнаруживший захоронение, сохранившаяся в нем плащаница была сделана не из одного цельного куска полотна, как Туринская, а из двух кусков —

один для тела, другой для головы, и это вполне соответствует описаниям древних источников. В те времена принято было приходить к гробнице через три дня после смерти, чтобы посмотреть, не «ожил» ли покойник, потому что, не имея современных медицинских способов точного определения смерти, тогдашние люди зачастую хоронили тех, кто просто впал в глубокий обморок, в кому и тому подобные состояния (кое-кто считает, что именно отсюда пошел, возможно, и рассказ о воскресении Иисуса, обнаруженном учениками на третий день после его смерти). Раввинские источники содержат ряд рассказов о таких случаях, и обычай предписывал завертывать голову умершего в отдельное полотнище, чтобы в случае «воскресения» он мог легко сорвать эту ткань с лица и не задохнуться по-настоящему. На второе отличие от Туринской плащаницы указала израильская специалистка по тканям Орит Шамир: полотно из иерусалимской гробницы оказалось выткано методом простого двустороннего переплетения нитей, который резко отличался от того «диагонального» метода, которым выткана Туринская плащаница. И опять-таки этот метод двустороннего переплетения вполне соответствует I веку н. э., тогда как способ плетения нитей, характерный для Туринской плащаницы пришел в Палестину, по мнению специалистов, только тысячу лет спустя, уже в Средние века.

Иными словами, новонайденная плащаница действительно заставляет усомниться в том, была ли Туринская плащаница характерной для Палестины времен Иисуса. Но лишь усомниться, ибо мало ли какие необычные случаи бывали и в те времена. Если человека считали пророком и даже «Сыном Божиим», его могли похоронить и не так, как предписано было хоронить простых смертных. Поэтому говорить, как это поспешили газеты, будто находка израильских археологов «окончательно доказала» поддельность Туринской плащаницы, пожалуй, рановато. Тем более что буквально в те же дни, когда ученые обсуждали эту находку, сотрудница Ватиканских архивов Барбара Фрэйль объявила, что с помощью тщательного компьютерного анализа фотографии Туринской плащаницы, проведенного с помощью специальной программы, она нашла на ней «крайне слабые, но несомнен-

ные» следы букв, которые складываются в слова «Иисус Назарин», сделанные на греческом, арамейском и латинском языках. Разумеется, критики тут же назвали это очередное открытие «плодом богатого воображения и специально подобранной компьютерной программы», но этот новый спор «туриноведов» выходит за рамки нашей нынешней темы.

Глава шестая

Оссуарий Иакова

Закончим еще одним материальным предметом, связанным с вопросом о реальном существовании Иисуса. На этот раз, однако, речь идет не о вещи пропавшей — вроде чаши Грааля, или о вещи сомнительной — вроде Туринской плащаницы, а о вещи явно поддельной, и это дает мне случай заодно сказать несколько слов о фальсификациях. Точнее, о фальсификациях и о патриотизме.

Перефразируя известный афоризм, можно сказать, что патриотизм — это не только прибежище негодяев, это еще и прибежище фальсификаторов. Желание подтвердить героический или великий характер своей древней истории так обуревают порой многих патриотов, что зачастую толкают их к бессознательной, а порой даже весьма сознательной фальсификации — или к жадному потреблению явной фальсификации, сочиненной другими. Спрос, как известно, порождает предложение, и вот уже некто Петухов предлагает новую историю государства Российского, начиная с появления славного народа россов, каковое состоялось 40 тысяч лет тому назад. Нет, вы не ослышались — 40 тысяч. А господин Фоменко со товарищи извещает, что вся древняя, средневековая и новая история человечества есть не что иное, как история великой империи тех же россов, простиравшейся не на одну Россию, а на всю индоевропейскую Ойкумену. И вот уже господин Бушков... Впрочем, несть числа этим утешителям патриотических вожделений, и многотомные подвиги их перьев на пышной ниве занимательного фальсификаторства еще долго будут развлекать детей наших и недорослей.

Нельзя, однако, не признать, что все эти попытки создать узко отечественную присыпку от патриотического зуда, как правило, грубы и топорны. То ли дело — фальсификация библейско-евангельская, ставящая своей целью подтвердить реальное существование царя Соломона или Иисуса Христа! Такие сенсации не ограничиваются пределами отечества, для них воистину несть ни эллина, ни иудея, и захватывающе интересны они не для сотен тысяч или даже миллионов, а для сотен миллионов людей. Да что там «интересны»! С чудной, волнующей силой играют они на струнах глубочайших верований этих сотен миллионов. А за веру люди, как известно, шли и на костер. И посему человек, избравший профессией подделку такого рода древностей, в буквальном смысле играет с огнем. И бывает, что огонь его и лизнет. Как в случае, о котором у нас сейчас пойдет речь. Я имею в виду состоявшийся некоторое время назад в Израиле суд над Одедом Голаном.

Каждая эпоха знала своих знаменитых фальсификаторов, об их бесславных деяниях написаны увлекательные тома, и вполне может оказаться, что Одед Голан будет когда-нибудь причислен к их списку. Надо думать, израильская полиция, предъявившая ему не так давно свои обвинения, и израильское Управление древностей, давно точившее на Голана клык, именно такого мнения. В обвинительном заключении были перечислены несколько выдающихся подделок, которые Голан выбросил за последние годы на мировой рынок. Все они вызывали международную сенсацию, заставляя сердца вышеупомянутых сотен миллионов людей учащенно забиться в радостном предвкушении, а руки сотен специалистов — тотчас схватиться за перья. Да и как не схватиться? Ведь вот уже сколько историки с археологами сетовали, что у них нет или почти нет документальных или археологических свидетельств существования сильного Иудейского царства с Храмом в Иерусалиме, с развитой культурой и письменностью. И вдруг — нате вам, пожалуйста: израильский собиратель древностей Одед Голан предлагает Израильскому музею обломок древней каменной плитки с вырезанной на ней надписью, в которой сообщается о перестройке иудейским царем Иоашем Храма в 812 году до н. э. И эта над-

письм разом снимает несколько дамокловых вопросительных знаков, томительно нависших над библейской историей: во-первых, она напрямую подтверждает существование первого Храма; во-вторых, она косвенно подтверждает историческую верность библейских списков иудейских царей и других спорных деталей библейских рассказов и, в-третьих, она попутно доказывает явное существование в Иудее уже в то давнее время ивритской письменности и письменных исторических источников, а также, в качестве премиальных, убеждает историков-специалистов во многом другом, в чем они сомневались, но не знали, у кого спросить.

О таких подарках судьбы говорят, что, если бы их не было, их следовало бы придумать. Одним ударом резца по камню решен многовековой спор об исторической достоверности библейского рассказа! Посрамлены скептики. Укреплены в вере патриоты. Обогащена наука. Тем более что несколько видных специалистов высказались в том смысле, что находка заслуживает самого серьезного отношения. В смысле — не фальсификация. Как минимум 50 процентов шансов, что нет. Лишь потом, задним числом, выяснилось, что правильные 50 процентов относятся к камню, вот он действительно был древний. А надпись, как вся контрабанда в Одессе, была изготовлена если не на Большой Арнаутской, то где-нибудь в похожем месте в сегодняшнем Иерусалиме.

Не будем описывать детали этого разоблачения — надо думать, когда-нибудь появятся книги, посвященные этой поистине детективной истории. В них будут и детали второго «подарка судьбы», изготовленного Голаном. На этот раз его адресатом стали не евреи, а христиане, ибо подделка относилась к истории Иисуса. Хитроумно проведя за нос Управление древностей и высмеяв при этом тупую бюрократическую неповоротливость его правил (то-то оно наточило на него клык), Голан сумел переправить на Запад, на специальную выставку, некий древний ларец для хранения костей с очередной сенсационной надписью, извещавшей, что ларец этот был в свое время (в I веке н. э.!) предназначен для хранения костей «Иакова, брата Иисуса». Некоторые западные специалисты так ухватились за этот ларец (по-научному он называется оссуарий), что не хотят признать его фальши-

вость даже теперь, когда она доказана вне всяких сомнений. Оно и понятно: трудно расставаться — мелькнула высокая надежда и исчезла, как Жар-птица. Хотя, если вдуматься, разве вера требует «научных» доказательств? Это не оксюморон? Настоящая вера не требует чудес. А если требует, то вот вам, пожалуйста, адрес — «Одед Голан и компания, Ltd, изготовление и продажа желанных подтверждений религиозных и исторических преданий».

Ltd означает «ограниченная ответственность», но в данном случае это звучит насмешливо. Судя по всему, ответственность Голана была ничем не ограничена. В Иерусалимском окружном суде его группе (в которую входила еще пара израильских торговцев древностями и один палестинец) было предъявлено формальное обвинение в том, что эти люди, вступив в преступный сговор, на протяжении двух десятилетий (!) производили и успешно распространяли по всему миру сфальсифицированные артефакты, заработав на этом миллионы долларов. За эти годы Голан, по его собственному признанию, стал самым крупным в мире коллекционером израильско-иорданских «древностей», а его коллеги — самыми крупными торговцами этими древностями. Разумеется, сами обвиняемые свою вину отрицали, их друзья, естественно, в нее не верили, патриоты — евреи и христиане — негодовали, а нам остается, увы, сказать, что в те же дни суда неожиданно выяснилось, что не только оссуарий, но и знаменитый гранат из слоновой кости, гордость Израильского музея, крохотная древняя вещица, которая шестнадцать лет считалась единственным (до появления «надписи Иоаша») бесспорным подтверждением реальности Соломонова храма, — этот гранат тоже, увы, является подделкой.

Впрочем, это уже другая история, и к Голану она отношения не имеет.

Часть первая. Загадки великого текста

- Глава первая. Кто написал Пятикнижие? 5
- Глава вторая. Библейские истории для взрослых 62

Часть вторая. Перечитывая библейские свитки

- Глава первая. Споры о Кумране 77
- Глава вторая. Судьба гипотезы 97
- Глава третья. Революция фарисеев 102
- Глава четвертая. От «Учителя Праведности»
до «Кода да Винчи». 110

Часть третья. Древность, извлеченная из глубин

- Глава первая. Ашера — царица неба 119
- Глава вторая. Великий Иерихон 125
- Глава третья. В поисках Содома и Гоморры 134

Часть четвертая. Новые библейские мифы

- Глава первая. Миры в столкновениях, века в хаосе 143
- Глава вторая. Логарифмы библейских «кодов» 187
- Глава третья. Космология и каббала 195

Часть пятая. Толкования евангельских чудес

Глава первая. Мессия до Иисуса	200
Глава вторая. Вифлеемская звезда.	207
Глава третья. Чаша Грааля	215
Глава четвертая. Исцеления в Лурде	220
Глава пятая. Туринская плащаница	225
Глава шестая. Оссуарий Иакова	230

- Нудельман Р.**
Н87 Прогулки с Библией / Рафаил Нудельман. — М.: Ломоносовъ, — 2014. — 240 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-211-0

Рафаил Нудельман проводит читателей по библейским местам и заодно сообщает о новейших достижениях науки в изучении древнееврейской истории. По ходу прогулки выясняется, что лингвистический анализ говорит по меньшей мере о четырех авторах Пятикнижия, что самые важные тайны свитков, найденных в кумранских пещерах на берегу Мертвого моря, возможно, еще не разгаданы, что Иерихон, чья история тут же раскрывается перед нами, справедливо претендует на звание древнейшего города мира, а поиск библейских Содома и Гоморры все еще продолжается, но и тут не обходится без весьма любопытных гипотез... А кроме того, рассказывается немало занимательного о библиеведческих спорах в научных кругах и о знаменитом фантазере Иммануиле Великовском, сделавшем попытку, взяв за основу Библию, переписать — в согласии с естественными науками — всю историю мироздания.

Рафаил Нудельман — писатель и кандидат физических наук, живет в Иерусалиме.

УДК 94(569.4)
ББК 63.3(0)32

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Рафаил Нудельман
Прогулки с Библией

Редактор О. Иванов
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 14.01.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15. Тираж 1000 экз. Заказ 257

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(495)988-63-76

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- Лев Минц. Котелок дялюшки Ляо
Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
Ольга Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «Ивана»
Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ ФРЭНСИС ДРЕЙК
и Уильям Дампир
Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
Виолен Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЕНА ХЕДИНА
Гомбожаб Цыбыков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СЯТЫНЬ ТИБЕТА
Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
и ПРОЧИЕ...
Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ
и МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА

Виталий Белявский. Вавилон легендарный и Вавилон исторический
Олег Ивик. История и зоология мифических животных
Лев Карсавин. Монашество в Средние века
Владислав Петров. Древняя история смерти
Олег Ивик. Еда Древнего мира
Стефан Цвейг. Подвиг Магеллана
Вашингтон Ирвинг. Жизнь пророка Мухаммеда
Владимир Новиков. Русская литературная усадьба
Отечественная война 1812 года глазами современников
Наталья Пушкарева. Частная жизнь русской женщины XVIII века
Сергей Ольденбург. Конфуций. Будда Шакьямуни
Фаина Османова, Дмитрий Стахов. Истории простых вещей
Генрих Бёмер. История ордена иезуитов
Алексей Смирнов. Скифы
Андрей Снесарев. Невероятная Индия: религии, касты, обычаи
Генри Чарлз Ли. Возникновение и устройство инквизиции
Олег Ивик, Владимир Ключников. Хазары
Вячеслав Шпаковский. История рыцарского вооружения
Лев Ельницкий. Великие путешествия античного мира
Виктор Бердинских. Русская деревня: быт и нравы
Сергей Макеев. Дело о Синей бороде
Борис Романов. Люди и нравы Древней Руси
Печенеги
Генрих Вильгельм Штоль. Древний Рим в биографиях
Алексей Смирнов. Несостоявшийся русский царь Карл Филипп,
или Шведская интрига Смутного времени
Александр Куланов. Обнаженная Япония
Валерий Ярхо. Из варяг в Индию
Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц
Владислав Петров. Древняя история секса в мифах и легендах
Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
Константин Кудряшов. Александр I и тайна Федора Козьмича
Виктор Калашников. Русская демонология

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Рафаил
Нудельман
Прогулки
с Библией

Рафаил Нудельман проводит читателей по библейским местам и заодно сообщает о новейших достижениях науки в изучении древнееврейской истории. По ходу прогулки выясняется, что лингвистический анализ говорит по меньшей мере о четырех авторах Пятикнижия, что самые важные тайны свитков, найденных в кумранских пещерах на берегу Мертвого моря, возможно, еще не разгаданы, что Иерихон, чья история тут же раскрывается перед нами, справедливо претендует на звание древнейшего города мира, а поиск библейских Содома и Гоморры все еще продолжается, но и тут не обходится без весьма любопытных гипотез... А кроме того, рассказывается немало занимательного о библиеведческих спорах в научных кругах и о знаменитом фантазере Иммануиле Великовском, сделавшем попытку, взяв за основу Библию, переписать — в согласии с естественными науками — всю историю мироздания.

Рафаил Нудельман — писатель и кандидат физических наук, живет в Иерусалиме.

ISBN 978-5-91678-211-0

9 785916 782110